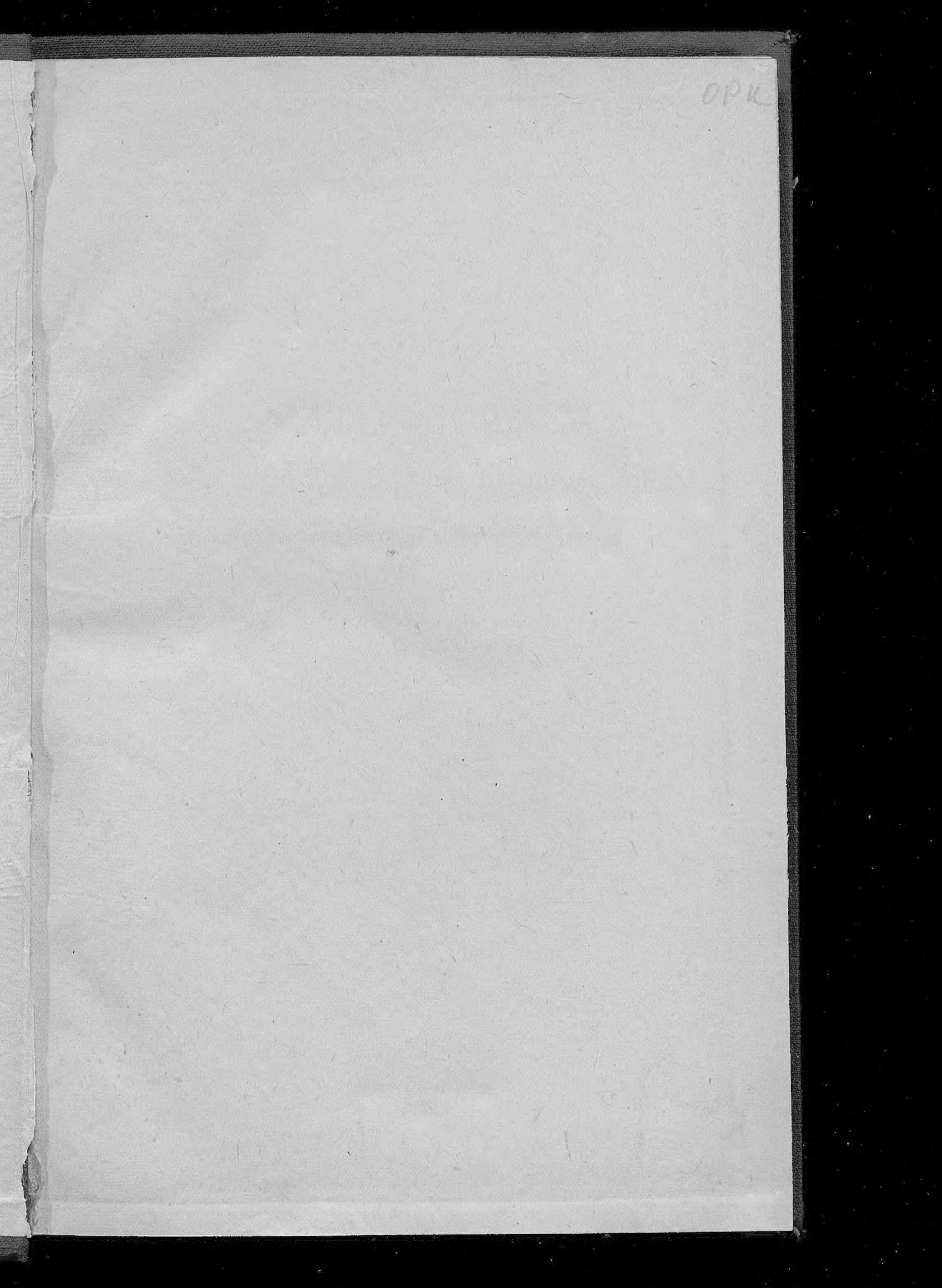
МАТЕРИАЛЫ

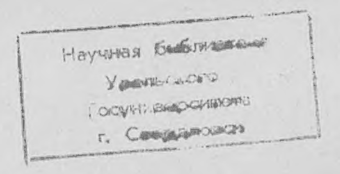
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. М. Горького

МАТЕРИАЛЫ

ПЕРВОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНБУРГА — СВЕРДЛОВСКА

СВЕРДЛОВСК
1947

*Печатается по постановлению Ученого Совета
Уральского государственного университета
им. А. М. Горького
от 7 мая 1947 года.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

12—14 апреля 1947 года в Уральском государственном университете им. А. М. Горького проходила первая научная конференция по истории города Екатеринбурга—Свердловска, созванная по инициативе кафедры истории народов СССР, при активном участии кафедры техники и производства печати. Конференция была созвана в порядке подготовки к предстоящему в 1948 году 225-летию города.

Несмотря на то, что город с момента своего возникновения всегда, а в советскую эпоху особенно, играл большую роль в обороне нашей Родины, в экономической, культурной и политической жизни не только Урала, но и всей страны, до настоящего времени не создано еще целостной, научно-разработанной его истории.

Написанные и изданные в разное время работы по истории Екатеринбурга — Свердловска носят преимущественно характер литературных и публицистических очерков, а не исторических исследований. Многие из них нередко пересказывают одни и те же давно известные источники. Почти совсем неиспользованными остаются богатейшие материалы, имеющиеся в архивных хранилищах Свердловска, Москвы, Ленинграда, Молотова и других центров. Вполне назрела необходимость создания капитального труда, последовательно освещающего историю города с начала его возникновения до наших дней и излагающего эту историю с марксистско-ленинских позиций, в соответствии с указаниями товарища Сталина об исторической науке. Именно в этом направлении должны быть об'единены усилия всех научно-исследовательских работников, изучающих в данное время отдельные проблемы истории Екатеринбурга — Свердловска.

Решение такой большой, сложной, но в то же время почетной задачи по плечу лишь широкому научному коллективу, в состав которого должны войти представители различных специальностей. Поэтому, принимая на себя инициативу научной разработки истории Екатеринбурга — Свердловска, Уральский государственный университет поступил правильно, стремясь вынести разработку вопроса за рамки своего коллектива, привлечь внимание к вопросу широкой советской общественности.

Созванная университетом первая научная конференция по истории Екатеринбурга — Свердловска, ставя как основную задачу вопрос о необходимости создания подлинно научной истории города, ограничилась попыткой, хотя бы примерно, подытожить то, что делается в настоящее время в этой области, выяснить результаты уже проведенной работы, поднять интерес к научной разработке проблем истории города, привлечь к ней внимание общественности, мобилизовать научно-исследовательские силы, создать из них работоспособную группу

для написания в течение ближайших двух-трех лет научной монографии, наметить основные вехи этого большого труда. С этой задачей первая научная конференция по истории Екатеринбурга — Свердловска справилась.

В работах конференции, кроме научных сотрудников университета, изучающих проблемы истории города, приняли, по приглашению университета, активное участие широкие круги, поддерживающие почин университета: руководители областных и городских партийных и советских организаций, деятели науки и техники, научные работники высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов Свердловска, местные крупные краеведы, географы, литературоведы, писатели, журналисты. Были привлечены также молодые научные работники, интересующиеся историей города и начинающие самостоятельную разработку ее вопросов.

Конференция приняла решение об издании ее работ. Реализуя это решение, Уральский государственный университет выпускает настоящий сборник, в который включены доклады, сообщения и решения конференции. Большинство материалов дано по стенограммам и лишь некоторые сообщения и выступления даются по реферированной записи. Доклады М. А. Горловского и А. Н. Пятницкого даны в виде расширенных стенограмм.

Материалы конференции, вошедшие в сборник, разумеется, еще не дают и не могут дать последовательной и исчерпывающей истории города. Конференция заслушала доклады и сообщения лишь по некоторым проблемам и вопросам истории города, над изучением которых в данное время ведется работа. Доклады и сообщения, напечатанные в сборнике, еще не представляют собою завершенных исследований. Они освещают лишь то, что пока достигнуто в результате разработки отдельных проблем и вопросов, а некоторые из них в конспективной форме намечают лишь контуры, отдельные вехи, подсказывают пути, в направлении которых должна развернуться кропотливая научно-исследовательская работа по истории Екатеринбурга — Свердловска.

Материалы первой научной конференции по истории Екатеринбурга — Свердловска, несомненно, помогут научным работникам в деле дальнейшей разработки истории города. Такую задачу и поставил перед собой Уральский государственный университет, выпуская настоящее издание по вопросам истории одного из своеобразных городов, в свое время бывшего городом особого типа, городом-крепостью и горным городом. Нельзя забывать и о том, что этот город в прошлом дал стране много выдающихся деятелей в области науки, техники и культуры. И еще в большей степени следует осветить то, что дал стране в дни мира и в дни Великой Отечественной войны наш советский Свердловск.

25 мая 1947 г.

Профессор, лауреат Сталинской премии

В. В. ДАНИЛЕВСКИЙ.

Г. И. Чуфаров

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИ ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ

Приближается большая историческая дата в жизни Свердловска. В будущем году исполняется 225 лет со дня его возникновения. Ученые, научные работники города, в первую очередь нашего университета, имеющего гуманитарные факультеты, кадры историков и представители других гуманитарных наук должны помочь трудящимся достойно отметить эту историческую дату.

Трудящиеся Свердловска хотят знать замечательное прошлое города и еще более замечательное его настоящее.

Что мы могли бы сделать?

Желательно написать полную, исчерпывающую, основанную на данных современной исторической науки, историю Екатеринбурга — Свердловска.

Вопрос об этом поднимался не раз.

В наше советское время он впервые был поднят научными работниками Уральского университета более двадцати пяти лет назад. Почти вслед за подписанием В. И. Лениным в 1920 году декрета об организации нашего университета, среди научных работников университета возникла мысль о разработке истории Екатеринбурга. Наиболее инициативные из них положили этому начало, приняв участие в сборнике, посвященном двухсотлетию города, изданном в 1923 году в Екатеринбурге.

В 1942—43 гг. в коллективе гуманитарных факультетов университета возникла мысль о написании научной истории города, но в годы Великой Отечественной войны осуществить ее было трудно.

Наш университет носит имя великого гуманиста А. М. Горького. Он создавался при активном участии великого писателя. А. М. Горький, как известно, не раз указывал, какое огромное значение для воспитания грядущих поколений, для воспитания лучших качеств советского человека имеет изучение истории нашей Родины, ее республик, областей и городов. В своем приветствии, присланном нашему университету в день его открытия, он призывал научных работников и студентов: «Исследуйте!...». Он звал к исследованию природных богатств Урала, его техники, его истории.

Наш славный город достоин написания капитального исторического труда о нем. Он имеет богатое прошлое.

Екатеринбург был основан при Петре I, как центр горнозаводского дела на Урале. Петр много сделал для создания и укрепления нашего национального государства. «Когда Петр Великий, — говорит товарищ Сталин, — имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и для усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости». По мысли Петра, как Петербург на севере страны,

так и Екатеринбург — на востоке, должны были обеспечить экономическое и политическое могущество России и развитие культуры в стране. Екатеринбург, так же, как Петербург, должен был помочь стране «выскочить из рамок экономической отсталости».

С момента возникновения Екатеринбурга здесь сходились важнейшие нити горнозаводской жизни Урала, отсюда уже в первые годы существования Екатеринбурга они протянулись через всю страну и ее границы.

Старый Екатеринбург прославился, однако, не только тем, что производилось на его заводах и на заводах Урала вообще. Здесь выращивались кадры замечательных людей, способных на великие творческие дела. Всем известно бессмертное имя И. И. Ползунова, создавшего первую в истории «огненную» машину, на двадцать лет опередившего в изобретении паровой машины английского техника Уатта.

С XVIII века в течение многих десятилетий Урал был основным поставщиком металла для вооружения русской армии и строительства русского флота. Все русские крепости и укрепленные линии укомплектовывались вооружением с Урала через его центр Екатеринбург.

Уральский металл вооружал полки Румянцева и Кутузова. Екатеринбург, как стойкий защитник Родины, играл огромную роль во времена всех войн, которые пришлось вести нашей стране. И в Отечественную войну 1812 года, и в Крымскую войну, и в первую империалистическую войну Урал и Екатеринбург вооружали армию боевым оружием.

Однако, несмотря на замечательные дела патриотов Екатеринбурга, несмотря на его большое значение для страны, город вплоть до революции оставался типичным провинциальным захолустным городом. Капитализм мял и душил народные таланты, которые пытались поднять город, вызволить его из рамок культурной отсталости.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция по-настоящему подняла город, превратила его в областной центр крупнейшего индустриального района. В годы сталинских пятилеток на месте старого города возник совершенно новый, социалистический город Свердловск. Гениальная идея Сталина о создании на Урале и в Сибири второй индустриальной и оборонной базы выдвинула Свердловск на место одного из важнейших индустриальных форпостов на востоке страны.

За годы сталинских пятилеток социалистический Свердловск стал не только культурным, благоустроенным городом. Он стал крупнейшим центром машиностроения, высококачественных сталей, современной химической промышленности, кузницей высококвалифицированных кадров, центром научных исследований всесоюзного масштаба. Величественны и незабываемы страницы истории города в эпоху Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Это был подлинный город-воин в глубоком тылу. Товарищ Сталин высоко оценил роль Урала в войне с немецкими захватчиками. Он назвал Урал надежным арсеналом оружия. Одно из первых мест в создании этого арсенала принадлежит Свердловску. Тысячами и десятками тысяч исторических дел прославили город его труженики. Эти дела — золотой фонд его истории.

Наш город носит имя одного из крупнейших деятелей большевистской партии—Якова Михайловича Свердлова. В годы первой русской революции, в последующие годы борьбы с царизмом, борьбы за победу Великой Октябрьской социалистической революции, за укрепление советского политического строя, за социалистические преобразования

он неотступно оставался цитаделью большевизма, крепостью пролетарской революции, носителем прогрессивных революционных традиций.

Город-труженик, город-герой, — эту славную традицию пронес наш город с петровских времен до наших дней.

Создание научной истории Екатеринбурга—Свердловска представляет, таким образом, почетную и благодарную задачу.

Но, очевидно, что достаточно полный исторический труд к двухсотдвадцатипятилетию города написать не удастся. Это—многолетняя работа. А посильную работу — создание, например, краткой научно-популярной истории, выпуск сборника важнейших исторических документов о городе — можно выполнить, причем некоторые периоды истории Екатеринбурга—Свердловска можно осветить с достаточной полнотой, научной обстоятельностью и точностью.

Многие научные работники, а такие есть и в нашем университете, давно работают над вопросами истории Екатеринбурга—Свердловска, изучая те или иные периоды или отдельные стороны жизни города. Однако, такая неорганизованная, нецелеустремленная работа не может быть полноценной. Поэтому, по инициативе кафедры истории народов СССР Уральского государственного университета созвана настоящая первая научная конференция по истории Екатеринбурга—Свердловска.

Конференция должна сплотить широкие кадры исследователей и авторов, работающих над вопросами истории города, об'единить их вокруг идеи создания подлинно-научной его истории, придать их работе целеустремленность. Нельзя сомневаться в том, что эту задачу конференция разрешит успешно.

Мы должны дать трудящимся нашего города его научную историю, чтобы они еще больше ценили и любили свой город, чтобы прославляли его новыми славными делами, новыми трудовыми подвигами в промышленности, сельском хозяйстве, на культурном фронте, чтобы слова: «Свердловск—город-труженик и город-воин» звучали еще более гордо.

Я думаю, что выражу мнение всех присутствующих, если не в порядке надежды, а вполне твердо и уверенно скажу: научная история нашего города будет написана! Первая научная конференция по истории Екатеринбурга—Свердловска положит ее начало.

Не может быть никакого сомнения в том, что партийные и непартийные большевики Свердловска, вооруженные знаниями прошлого и настоящего города, под руководством коммунистической партии и нашего гениального вождя товарища Сталина, еще выше поднимут значение нашего города и он, как бриллиант, будет сверкать в семье советских городов, умножая славу и укрепляя могущество нашей Родины!

Разрешите первую научную конференцию по истории города Екатеринбурга—Свердловска считать открытой.

Е. Я. Багреев

О ЗНАЧЕНИИ И ЗАДАЧАХ КОНФЕРЕНЦИИ

Созыв первой научной конференции по истории Екатеринбурга—Свердловска, несомненно, является фактом знаменательным. Созванная по инициативе Уральского государственного университета, конференция привлекла к себе внимание всей советской общественности и, особенно, научной. Это служит залогом того, что работы конференции пройдут плодотворно и она явится важнейшим этапом в разработке проблем истории нашего города.

Советские люди проявляют глубокий интерес к прошлому своей Родины. Они проявляют этот интерес, чтобы познать закономерность исторического развития, сравнить «век нынешний и век минувший», понять роль народных масс в истории, понять и осмыслить глубокие преобразования, которые принесла Великая Октябрьская социалистическая революция.

Если взять вообще историю городов—крупных экономических, политических и культурных центров, — то мы увидим, что их жизнь как бы концентрировала в себе все то, чем жило общество в ту или другую эпоху.

Анализ производственных отношений и производительных сил в каком-нибудь промышленном центре в определенный период его развития, анализ состояния народного образования, просвещения, движения общественной мысли позволяет сделать безошибочный вывод о том, что в какой-то мере этот центр отражал то, что было присуще данному обществу, данному государству в рассматриваемый период развития. Мы можем понять развитие общественной мысли, узнать, каковы были политические устои общества, хорошо ознакомиться с состоянием уровня развития культуры и сделать научные выводы, как в обществе шла борьба между прогрессивными тенденциями и реакционными, какие результаты были в итоге этой борьбы. Словом, история того или иного крупного промышленного города — это в миниатюре жизнь общества в тот или иной исторический период его развития

Глубокое научное изучение жизни города дает нам возможность лучше понять прошлое нашего народа, на примерах этого прошлого понять внутренние законы общественного развития, сделать правильную оценку современного развития города и определить перспективы его развития на ближайший период.

Таким образом, к изучению прошлого, к изучению истории городов, в том числе к изучению истории Екатеринбурга—Свердловска, мы должны подходить, прежде всего, с научных позиций, которые дадут нам возможность правильно оценить исторические факты, правильно понять место и роль Екатеринбурга в промышленном, политическом и культурном развитии нашей страны, правильно понять значение и роль города

в послереволюционную эпоху, в строительстве советского социалистического общества. Прошлое города Екатеринбурга—Свердловска—примечательное, привлекательное прошлое. Основание этого города, возникшего в первой четверти XVIII в., знаменовало собой, собственно, начало промышленного развития России. Екатеринбург возник именно как завод-город. От завода—к городу, — так шло развитие Екатеринбурга. Этим определялось уже с первых дней его истории экономическое значение города в жизни нашей страны.

Екатеринбург был со дня своего рождения и до настоящих дней остается важнейшим экономическим центром страны. Мы не можем смотреть на его прошлое в отрыве от всей экономической жизни нашей страны. Если восстановить в памяти некоторые даты, некоторые исторические события, то можно наглядно представить себе, что из тогдашней столицы нашей страны—Петербурга шла широкая и, надо сказать, торная дорога в Екатеринбург. Здесь в очень большой мере отражались общие интересы государства, когда Петр I, совершая свои великие преобразования, начал создавать прочный фундамент экономического могущества государства.

Это устремление передового деятеля своей эпохи Петра I нашло отражение в создании важного экономического центра на Урале. Город в последующий период своей истории развивается, как крупный центр всего Урала, и в то же время приобретает важнейшее значение, как опорная экономическая база страны. Не буду подробно останавливаться на данном вопросе, это не входит в план моего выступления. Тем не менее, я хочу подчеркнуть, что и в дореволюционный период, и особенно в советский период, экономически город чрезвычайно вырос. Достаточно сказать, что в годы Великой Отечественной войны он представлял из себя крупнейший арсенал нашей страны. Он выполнил, если можно так выразиться, великую историческую миссию в Отечественной войне.

Екатеринбург мы должны рассматривать и как один из важнейших политических центров страны. Здесь мы можем видеть все то, что было свойственно старому буржуазному обществу, его противоречия, антагонизм между классами, столкновения классов, борьбу между прогрессивными устремлениями и реакционными. Здесь, например, в период 1905 и 1917 гг. бурно кипела политическая жизнь, она, пожалуй, кипела не менее бурно, чем в таких первостепенных революционных очагах, какими являются Ленинград, Москва, Иваново и др. Здесь наша большевистская партия проводила трудную, но кропотливую работу, направленную к тому, чтобы организовать рабочий класс на борьбу против самодержавия, против капитализма. Здесь создаются крупные партийные организации, именно организации ленинские, большевистские, которые принимают активное участие в общей партийной жизни, борются с вредными устремлениями экономистов принизить политическую борьбу, борются с меньшевиками, этими предателями рабочего класса, ведут линию на то, чтобы поднять рабочий класс Урала на активное участие в революционной борьбе 1905 года.

Не случайно наша партия избирает в качестве своего посланца на Урал выдающегося организатора, профессионального революционера Я. М. Свердлова для того, чтобы развернуть партийно-политическую работу среди уральских рабочих. Усилиями Я. М. Свердлова и его ближайших помощников, здесь было создано очень крупное революционное ядро, большевистское ядро, которое сыграло выдающуюся роль

в революционном движении 1905 и последующих годов, а затем в 1917 году и во время гражданской войны.

Можно вспомнить и еще одно важное историческое обстоятельство, которое подчеркивает, насколько наша большевистская партия придавала серьезное значение Екатеринбургу, как одному из центров революционной борьбы. Я имею в виду подготовку большевиками во главе с Лениным исторического Октябрьского восстания. Разрабатывая план восстания, большевики во главе с Лениным признали необходимым разработать дополнительный план, рассчитанный на то, что в случае неудачи Октябрьского переворота в Петрограде, инициативу в восстании возьмут на себя большевики Урала и организуют отсюда, с Урала, мощное наступление на твердыни буржуазии, на твердыни капитализма.

Этот замечательный факт показывает, как высоко партия ценила большевистские кадры Урала, как глубоко верила в силы его рабочего класса, в народные силы, какие большие надежды возлагала на революционное движение Урала. Таким образом, Екатеринбург представлял важнейший центр, важнейшую опору большевистской партии. И он с честью выполнил в дни Великой Октябрьской социалистической революции свою роль, оправдал надежды партии.

Екатеринбург—Свердловск вошел в историю нашей Родины, как важнейший культурный центр нашей страны. Здесь издавалась не одна газета, был создан театр, — я имею в виду дореволюционную эпоху. Здесь шла острая борьба в области идеологии между старым мировоззрением и новым мировоззрением, между реакционными и прогрессивными течениями. Видную роль в общественно-политической жизни Урала играли местные писатели.

На Урале с отдаленных времен было развито образование. Достаточно вспомнить о создании здесь горной школы, которая насчитывает уже более 200 лет своего существования и дала очень много питомцев, работавших и работающих в различных отраслях промышленности. Не буду распространяться на тему об этом — мне хочется просто подчеркнуть, что Екатеринбург—Свердловск и как культурный центр занимал свое место в прошлом и, в особенности, в период после утверждения советской власти, когда здесь возникли десятки высших и средних учебных заведений, возникло много театров, кино, клубов, библиотек и т. д. Наконец, в последние годы здесь был создан филиал Академии наук. Этим подчеркивается еще раз огромное значение Урала и, в частности, Свердловска, как культурно-научного центра нашей страны.

Таким образом, в истории Екатеринбурга—Свердловска отразилась живая история нашего государства определенного периода. Поэтому, большое значение имеет создание научного произведения по истории города. Хотелось бы иметь такой научный труд, который давал бы глубокий познавательный материал, пропагандировал политику нашей партии, служил бы учебным пособием для нашей студенческой молодежи, еще больше прививал бы любовь трудящимся к своему городу, потому, что этот фактор имеет очень большое значение для нашего социалистического строительства.

Каким должен быть этот научный труд — монография по истории Свердловска? Надо хорошо продумать, разработать содержание будущей монографии. И, прежде всего, мы должны исходить из того, чтобы это было произведение строго научное. А раз мы претендуем

на то, чтобы труд был строго научным, мы должны правильно, с марксистско-ленинских позиций подходить к оценке прошлого, к оценке явлений, исторических событий из жизни большого города нашей страны.

Мы должны, прежде всего, обратить особое внимание на то, чтобы показать роль масс в историческом процессе. Нас меньше всего могут интересовать увлекательные, небезинтересные, характерные для буржуазного общества истории всяких «героев», подобных Перехват-Залихватскому из произведения Салтыкова-Щедрина, о котором он сказал: «В'ехал в Глупов на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки».

Такие одиозные персонажи, возможно, были и в истории Екатеринбурга, но не в них дело. Ее творили массы, ее делал народ, непосредственные производители материальных благ. Поэтому мы прежде всего должны показать роль народа в историческом развитии нашего города.

Нас меньше всего может интересовать, когда в городе появился первый архиерей. Но больше всего мы должны интересоваться событиями экономической и политической жизни, причем, за отдельными фактами, за отдельными событиями надо вскрыть какую-то общую тенденцию, общую линию развития, сделать правильный вывод, показать на конкретных примерах, как эта прогрессивная тенденция одержала в конечном итоге победу.

Само собой разумеется, что нужно будет всесторонне показать послереволюционный период в истории нашего города, показать великую роль нашей партии, социалистического государства, которые преобразовали старый город, изменили его облик, сделали его городом социалистического государства.

На примере нашего города, его истории можно ярко показать торжество политики большевистской партии, политики социалистической индустриализации страны, которая одержала такую блестящую победу в экономическом развитии нашего государства и которая спасла нашу Родину от военного разгрома в период Отечественной войны. Мы должны показать Свердловск, Урал, как важнейшую базу обороны страны.

Вместе с тем, хотелось бы, чтобы научная монография по истории Екатеринбурга—Свердловска была популярным, общедоступным трудом, доходчивым до масс, чтобы исторические факты, обобщения, положения, научные выводы глубоко врезались в сознание читателя. Мне кажется, что в этом отношении нужно использовать образцы художественной литературы, отобразившей историю того или иного города. Можно назвать имена писателей, в произведениях которых отражена так или иначе история города, и отражена мастерски. Можно назвать Бальзака, В. Гюго, Максима Горького, Серафимовича, Алексея Толстого и многих других писателей, отображавших жизнь городов. У первых двух мы найдем отображение жизни западно-европейского города в прошлом; у вторых — отображение жизни города, преимущественно русского, как в период дореволюционный, так и в период после Великой Октябрьской социалистической революции. Надо воспользоваться приемами мастерства этих писателей для того, чтобы наша научная монография о городе Свердловске была в то же время с художественной точки зрения ценным, хорошим произведением.

Вопросу создания такого научного труда посвящена наша конференция. Этим, собственно, определяется ее большое значение. Впервые за многолетний период делается сейчас попытка к тому, чтобы создать

научную историю нашего города, и в этом отношении инициатива Уральского государственного университета заслуживает всяческого поощрения.

Конференция должна выполнить свою роль, как орган, который явится собирателем сил общественности, научных учреждений и организаций, сил историков, краеведов и других работников, живо интересующихся историей Екатеринбурга—Свердловска.

Уже в ходе самой конференции будут показаны важнейшие этапы в развитии города в прошлом и настоящем, будут определены также и перспективы развития его в будущем, в новой сталинской пятилетке. Таким образом, конференция уже даст первые кирпичи в фундамент, на котором будет развернута научная работа.

Значение конференции состоит в том, что она определит направление научно-исторической работы, подскажет, по каким линиям должна развиваться наша научная мысль, чтобы создать действительно хороший и ценный научный труд исторического характера.

Наконец, материалы конференции, которые будут изданы, послужат основой для научной разработки вопросов истории города и, прежде всего, пропаганды этого большого и важного дела, которое начал Уральский государственный университет.

Разрешите выразить уверенность в том, что конференция плодотворно проведет свою работу и положит начало тому, чтобы обогатить нашу историческую науку новым серьезным капитальным трудом.

П. П. Бажов

ИСТОРИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА-СВЕРДЛОВСКА, КАК ЗЕРКАЛО ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЖИЗНИ УРАЛА

Из 68 лет своей жизни 58 я связан с этим городом. Это ведь, свыше четверти всей его истории. За такой срок даже самый малонаблюдательный и чуждый общественной жизни человек, может заметить немало деталей, которые представляют интерес для исследователей. О себе же без лишней скромности скажу, что общественной жизнью всегда интересовался, кой-что читал по истории Урала, жил не только в нашем городе, но и в других городах области, что дает мне возможность сравнительной оценки явлений жизни, относящихся к одному периоду времени.

Правда, наблюдения беспорядочны, бессистемны, никак не направлены и, главное, не закончены. Ни одно из этих наблюдений не смогу обосновать, как должно, но все-таки думаю, что они могут заинтересовать особенно молодых участников конференции, предполагающих заняться исследовательской работой по истории нашего города и всего горнозаводского Урала.

Чувствую, что здесь есть элементы сходства с действиями чеховского персонажа из «Канители». Там старый дьячок, запутавшись в показаниях своей не менее старой клиентки о живых и мертвых, решает записать всех на одну бумажку и снести ее дьякону. Пусть он разберет, кто тут живой, кто мертвый. Он в семинарии обучался.

Вот и я хочу предложить вашему вниманию какую-то часть интересовавших меня вопросов, а вы, овладевшие научным методом работы, сами уж разбирайтесь, что тут живое, стоящее исследования, что мертвое, которое можно отбросить.

Прежде всего, хотел бы поставить вопрос об основных источниках по первоначальной истории нашего города и уральской горнозаводской промышленности.

Основатели и строители города В. Н. Татищев и В. Генин были оба «письменные люди». Оба оставили огромное количество записей, инструкций, описаний, по которым обычно принято представлять картину возникновения города и уральских заводов XVIII века.

Особенно много осталось рукописного материала от Генина. Материал этот, носивший название то «юрналя», то «абрисов», печатался в 30-х годах прошлого столетия в «Горном журнале», а в 1937 г. издан отдельной книгой «Описание уральских и сибирских заводов 1735 года» с предисловием академика М. А. Павлова и вводной статьей М. Ф. Злотникова.

Самый факт переиздания работы Генина в наше время уже говорит о многом. Обширную статью Злотникова нельзя назвать иначе, как па-

негійріком Геніну. Там Генін превозносится, как организатор, строитель, руководитель, ученый, историк. Для контраста, видимо, приводятся отрицательные высказывания о Демидове, в свете которых Генин становится еще выше.

Академик М. А. Павлов в предисловии предупреждает, что Генин не мог знать основных металлургических процессов — окисления и восстановления, — так как в его время еще не был открыт кислород, а теория горения была создана через 45 лет после того, как закончены были «Абрисы». Отмечает в предисловии и другой конфузный недостаток. Оказывается, Генин в 1723 году дал такие штаты для передела чугуна в железо, что расход топлива был выше, чем при существовавшем тогда в так называемых «мужицких заводах» сыродутном способе выплавки железа непосредственно из руды. Иными словами говоря, расчеты Генина были такими, что и домны строить незачем. Кроме того, академик Павлов сообщает, что через 9 лет после окончания Гениным своих «Абрисов» на Невьянском заводе Демидова была задута домна, которая по своей производительности превышала генинские домны чуть не в пять раз (давала по 15 тонн, когда генинские должны были давать по 4—5, а часто давали лишь по 3 тонны).

Все это говорит, что металлургические познания этого специалиста не так уж были велики. Об этом можно судить и по его собственным словам. В прошении, посланном 10 мая 1697 г. на имя послов Петра в Амстердаме, Генин писал о себе: «от юности научен и ныне основательно разумею архитектуру гражданскую, домов строение, делание всяких потешных огнестрельных вещей,—изображения в воску делать, японскою олифой крашеные соломою изображения преизрядно на бумаге вырезывать и прочие хитрости и благосклонен есть к Москве ехать на службу его Царского Кесарского Величества, дабы при оном дворе помянутые хитрости исполнити».

Отсюда видно, что Генин был архитектор и артиллерист. Он и получил назначение фейерверкером с жалованьем по шесть рублей в месяц (по другим известиям—67 руб. в год), обучал молодых дворян артиллерии, участвовал при взятии Выборга, строил укрепления при Гангуте, отличился при взятии Кексгольма, за что получил деревню и 60 дворов, затем достраивал в С.-Петербурге на Петербургской стороне литейный двор и заводы, в 1713 г. был комендантом и начальником Олонецких заводов, в 1721 г. строил Сестрорецкий завод, с 1723 до марта 1734 г. Генин был на Урале.

Надо думать, Генин умел ладить с людьми и очень внимательно относился к чужому опыту. Как говорится, не стыдился учиться. Не было у него и большого пристрастия к иностранцам только потому, что они иностранцы. В одном из писем Петру он так говорит о вывезенных из Саксонии мастерах: «Саксонские мастера, или не знаю как назвать, или ученики, которых Райзер принял сюда, прибыли. Я оных определил, куда надлежало. То-то надлежало бы там людей прежде хоть словами экзаменовать, а потом принять, чтобы время и деньги не пропадали, а которые нужны мастера, Райзер позабыл привести». С другой стороны, Генин умел правильно оценивать высокие качества русских мастеров. Уезжая на Урал, он вез с собой не только иностранцев, но многих русских мастеров и учеников с Олонецких заводов. Как сын своего времени, он был и жесток там, где ему ничто не грозило. Безжалостно расправляясь с ослушниками, Генин разорял существовавших на Урале мелких промышленников, которые «крицы

плавили в малых печах, платили десятину в казну» и все-таки имели заработок выше любого рабочего на казенных заводах. Зато в столкновении крупного уральского заводчика Демидова с Татищевым Генин нашел способ так «защитить» Татищева, что этим больше всех оказался доволен Демидов и в дальнейшем помогал Генину при строительстве заводов.

Если к этому прибавить, что Генин был взяточник, как большинство влиятельных людей того времени, и был аккуратен в выплате положенного рабочим, то немудрено, что при таких качествах за 11 лет своей работы на Урале он прочно завоевал себе имя умелого строителя, прекрасного администратора, тонкого специалиста и чуть не бескорыстного слуги Петра. Своими постоянными жалобами на безденежье и «утесненное» материальное положение Генин сумел внушить всем эту мысль о бескорыстии, что не помешало ему к концу жизни оказаться, по уверению Полетики, богатым человеком.

Последний разрыв между **быть и казаться** заставляет во многом пересмотреть характеристику Генина, как строителя, как металлурга и особенно, как историка.

Заслуживает внимания, что Генин не очень стеснялся рассказывать о своих заслугах. Почти в каждом письме царю он чем-нибудь хвалился и чего-нибудь выпрашивал. При чем иногда выпрашивание идет через второе лицо. Так адмиралу Апраксину Генин многозначительно сообщает: «Через выдуманные от меня машины государю прибыли 5000 рублей в год приходит, а иной немчин взял бы за строение таких машин 5000 рублей в год, и лет бы 10 у такого дела работал». А после этого: «Пожалуй, побей челом светлейшему князю, чтобы он добрым словом заступил за меня, чтобы ты меня чем-нибудь подарил, а на здешнем славном воеводстве я вино и овес своим лошадям покупаю. Чаю, предже, оного не покупали». Иногда это делалось тоньше. Так в одном из писем Петру Генин говорит: «И благодарю бога, что русской нации, в такое краткое время, при малом числе иноземцев, учатся и обучились, что уже могут такие великие заводы, фабрики и горное дело (на Урале) с ними в действе управлять, хотя не так, как надлежало, однакож с хорошей прибылью».

Похоже, что просто радуется сметливости и одаренности русских рабочих, а в сущности выхваляет себя, как искусного руководителя, который уже может сделать еще больше. Ясно, что такого руководителя рано отпускать на родину, а надо «пожаловать и чем-нибудь подарить». Эти слова хоть не поставлены, но легко подразумеваются.

Отправляясь с Урала, Генин берет с собой железо с казенных заводов «для об'явления, каково по нонешнему, сысканному от меня маниру в смеси чугунов делается». Генина ничуть не смущает, что именно в эти годы иностранные купцы Шафнер и Вульф доносили коммерц-коллегии (16 марта 1733 г.), что «казенное железо делают на заводах не гладко, в иных местах горбовато, и в пропорции широты и толстоты в одной полосе весьма неровно и не так мягко, как демидовское, которое делается гладко, подобно как бы писано было, и как в толстоте, так и в широте, весьма ровною пропорциею, и в доброте и в отделке состоит лучше».

Эту черту иноземных специалистов и, в частности, Генина приписать себе больше, чем сделали, ярко отметил В. Н. Татищев. Он вносил на утверждение императрицы свое представление о замене немецких наименований горных чинов русскими. Там Татищев писал:

«...Усмотря, что от бывших некоторых саксонцев в построении заводов все чины и рабочие, яко же и снасти, по немецки названы, сожалея, чтобы слава и честь отечества и его труд теми именами немецкими утеснены не были, ибо по оным немцы могли себе неподлежаще в размножении заводов честь привлекать, еще из того вред усмотря, что незнающие тех слов впадали в невинное преступление, а дела во упущение, яко полномоченный все такие звания оставил и велел писать русскими».

Это представление Татищева, разумеется, не было утверждено. «Герцог Курляндский» (Бирон) «так сие зло принял, что не однажды говаривал, яко Татищев главный злодей немцам». Может статься, что здесь, действительно, сказалось личное отношение Татищева к Генину и другим немецким специалистам его группы, но Татищев был прав в своем выводе, что даже этим путем немцы хотели «себе неподлежаще в размножении заводов честь привлекать».

Выставляя себя на первый план, Генин старательно замалчивал о всех других. Даже в таком разделе, как «Плотинное дело», где он вынужден был оперировать только русскими производственными терминами: брус, ларь, понурый мост и т. д., Генин ухитрился не отметить главного. В одном месте даже написал: «А плотину, завод и мануфактуры строю крестьянами, которые приписаны к заводам, из трех дворов по человеку».

Выходит, строил он, Генин. Он же дал указания о выборе места и о способах строительства плотин. В действительности же известно, что место для екатеринбургской плотины выбирал Татищев, а строил ее и верх-исетскую плотинный мастер Злобин, посланный Демидовым.

Подробность не маловажная. Забыть ее никак нельзя. Особенно потому, что перед этой постройкой была другая, на Патрушихе, для Уктусского завода. Там выбор места производился Блиэром, Михаэлисом, но выбор оказался неудачным и построенная на маленькой речушке плотина выдержала лишь один паводок.

Местами можно видеть не только подобное замалчивание важнейшего, а и определенные передержки. Например, в письме Петру Генин отрицательно отзывался о медном руднике Демидова, делая вывод, что «медное дело явилось негодно». Не раз повторял это и расхваливал яйвинские руды и особенно возлагал большие надежды на Пыскорский завод. Принадлежащее этому заводу месторождение обследовалось иноземными специалистами, а при строительстве было столько таких специалистов, как ни на каком другом. Есть сообщение, что Генин пытался взять этот завод, привлекая к участию Строганова. Так ли это, судить не берусь, но несомненно, что в противовес Демидову Генин выдвигал свое, возлагая большие надежды на яйвинские руды и Пыскорский завод. История же показала, что демидовское дело, которое «явилось негодным», заняло на сотню лет ведущее место в русской медной промышленности, а яйвинские руды оказались пустяком, и Пыскорский завод был закрыт. Оправдались лишь надежды Генина на Гумешевский медный рудник, который действительно много дал, но уже после того, как попал в руки к русским мастерам, принесшим свои навыки и в разработке руды и в плавке.

Кроме записей Генина, другим основным материалом по истории города и уральской горнозаводской промышленности, ее начального периода является литературное наследство Татищева. Материал еще более обширный, безусловно, ценный, но тоже требующий критической оценки советских историков.

Василий Никитич Татищев — один из ярких представителей образованного дворянства петровского времени, инженер, администратор, просветитель, первый русский историк, имел и немало недостатков. Не собираюсь здесь воскрешать вспыхнувший в 70-х годах прошлого столетия спор о сравнительных достоинствах Генина и Татищева, но должен отметить, что в одном они сходились. Тот и другой склонны были своим «я», своими приказами, инструкциями, распоряжениями затенять все остальное. У того и другого одинаково нельзя найти сведений о тех рабочих и мастерах, которые внесли вклад в заводское дело на Урале.

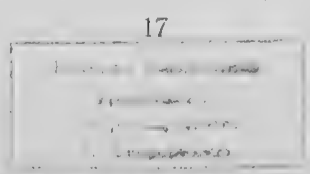
Это одностороннее освещение истории строительства города и развития горного дела, повторенное Нилом Поповым, Н. К. Чупиным и очерком Мамина-Сибиряка, стало привычным для нас. Каждый, кто интересовался историей города, знает, что его строителями были Татищев и Генин, каждый узнает и об участии иноземных специалистов в развитии металлургической промышленности: о пленных шведах, о саксонцах и проч., а имя плотинного мастера Злобина выплыло лишь в порядке оправдания Демидова, что он не отстранялся от строительства казенных заводов и давал своих мастеров, в том числе Злобина, который построил обе плотины. Между тем, такое строительство на сравнительно большой реке было для того времени сооружением выдающимся, и мастер, который все это рассчитал и осуществил, должен быть поставлен в ряду не ниже Генина и Татищева. При этом, надо еще раз напомнить, что, если в металлургии трудно установить, что заимствовано из Европы, что развилось из существовавших издавна ремесленных навыков, то в строительстве плотин этого нет. Здесь, как отмечал и Генин, не могли пользоваться опытом Европы по климатическим особенностям Урала. В силу этого, значимость первых опытов по строительству больших плотин огромна. О первых строителях таких плотин, об истоках их знания и опыта, о их ближайших сотрудниках хотелось бы знать не меньше, чем о Блиерах, Михаэлисах, Розе и проч.

Это, мне кажется, должно быть первым и самым главным выводом из сказанного. Историкам надо направить свои поиски в сторону тех творческих исполнителей, которые мало или вовсе не показаны в материалах генералов-строителей.

Б. Кафенгауз в статье «Строительство первых уральских заводов» говорит: «Д. Кашинцев в своей истории уральской металлургической промышленности подчеркивает большое значение таких мелких уральских заводов, как Ницинский, Красноборский, а также отмечает роль местных уральских кузнецов. Он говорит также о перенесении опыта металлургических предприятий из центра на восток, но не подтверждает этого конкретными данными».

Приведенный в его статье материал восполняет этот пробел. Именно в «русских» мануфактурах и в меньшей степени в ремесле и сельских промыслах надо усматривать предпосылки успешного развития петровских металлургических заводов на Урале. Предпринимательская деятельность Никиты Демидова в Невьянском заводе на первых порах также должна быть определена, как использование тульских и подмосковных крупных заводов в новом строительстве на Урале.

При этом направлении поисков не только открывается много нового, но и материал, так или иначе известный, получает другое звучание.

Например, по Колюпанову известно, что первым строителем Невьянского завода был московский садовник Вакулин. Собранные Кафенгаузом материалы показывают, что это не совсем так. Прежде, чем стать садовником, Семен Куприянович Вакулин был компаньоном московского «гостя» Воронина, которому принадлежали Павловские заводы. Там Вакулин ведал строительством, переносил завод на более удобное место, строил плотину, доменную печь, молотовой амбар и т. д., т. е. имел большой строительный опыт. Еще богаче оказалась расшифровка имен мастеров, выпустивших первое уральское железо. В воеводском донесении по этому поводу сказано: «а то железо работы обоих молотовых мастеров Сеньки Петрова и Оверчки Тумакова и за их мастерскими клеймами».

По архивным изысканиям удалось установить, что оба они с того же Павловского завода, где, видимо, составлялось основное ядро строителей Невьянского завода. Судя по записям, составленным по их опросу, это были специалисты высокой для того времени квалификации.

Так, один из Петровых (Степан, а не Семен) говорит о себе: «делает он из криц, рассекает и кует связное и прутовое железо, а иного опричь того мастерства не делает», чинит горны и молоты, получает по 6 денег с пуда, а во время остановок завода из-за недостатка угля или чугуна получает за такие прогульные дни по полтине за неделю.

Уже одна задельная плата показывает, что человек был высокой квалификации. Что касается Аверкия Тумакова, то это был не только специалист «по связному и прутовому железу», но мог планировать производство. Он рассчитал, сколько можно выковать железа при домне определенного размера, сколько потребуется рабочих и какой квалификации, подсчитал даже, во сколько обойдется пуд железа (3 алтына 4 деньги 11 коп. при производительности в 80 т. пудов).

Не менее интересны и многозначительны сведения о Пиленке. Этот суздальский ремесленник сначала со своими братьями, дядьями, и племянниками, всего 47 человек, делал ружья и продавал на Макарьевской ярмарке, потом оказался строителем оружейного двора вблизи Тобольска, а дальше Никифор Пиленок значится в числе строителей Каменского завода.

Таких примеров из работы Кафенгауза можно привести очень много, но все они говорят об одном: поставленный им тезис вполне подтверждается подобранным материалом, и развертывание исследовательской работы в этом направлении может совсем по-иному представить историю нашего города и уральской горнозаводской промышленности, выдвинуть новые имена, которые до сих пор оставались в полной неизвестности.

Приведу пример из истории гранильного производства. Принято представлять, что здесь дело шло так же, как в металлургии: пленный швед Рэф и другие иноземные специалисты показали, русские переняли. Но вот факты. Одним из первых иноземных специалистов считается Реснер. Он обучал камнерезному искусству в течение 9 лет, но потом был уволен «за незнание шлифовальных машин», которые стал строить какой-то Бахирев. Кто он был и почему оказался более сведущим, чем иноземный специалист, у кого учился, — все это нам неизвестно.

Или другой факт. П. Н. Зверев в 80-х годах обследовал граниль-

ный промысел в Березовске. Он отмечает, что там уже третье поколение Ошуковых занимается этим делом, а они, по семейным преданиям, учились у Черепанова, тот, в свою очередь, у Брусницына, а у кого учился последний и почему он стал родоначальником березовских гранильщиков, ответа нет.

Мало того в этой отрасли камнерезного и гранильного искусства можно указать участки, где позаимствования были совершенно невозможны. Такова, например, малахитовая мозаика, таково понятие, известное в гранильном деле под названием «екатеринбургская грань». Совершенно не исследован вопрос о возникновении ремесла искровщиц в Березовском заводе.

Мне думается, что глубокое изучение деталей подобного рода поновому поставит вопрос о росте и развитии нашего города в прошлом, о воздействии города на заводские селения и, обратно, заводских селений на город.

Известно, росту города в огромной степени содействовало то обстоятельство, что здесь был организован административный центр металлургической промышленности Урала. Этот административный центр под разными названиями: Обер-берг-амт, Канцелярия горного правления, Уральское горное управление—держался здесь до Октябрьской революции. Широкие права, данные этому центру с первых лет его организации, впоследствии значительно сузились, но все же Екатеринбург не потерял значения центра для огромной территории. В сферу влияния Уральского горного управления входили 6 казенных заводских округов и 22 округа частновладельческих. Чтоб ясней представить об'ем, напомню, что в каждом из казенных округов было не по одному заводу. Например, в Екатеринбургский округ входили, кроме Екатеринбургской механической фабрики, Каменский и Нижне-Исетский металлургические заводы, а также Березовское золоторудное месторождение; в Златоустовский казенный округ, кроме Златоустовского и оружейной фабрики, входили Кусинский, Саткинский, Артинский заводы и обширная площадь Миасских золотых промыслов.

Не останавливаясь больше на перечне заводов, входивших в казенные округа, скажу лишь, что среди частновладельческих, точнее, посессионных, имелись такие, которые по своей производственной мощности далеко провосходили казенные. Таковы: Тагильский, Верх-Исетский, Алапаевский, Кыштымский, Сысертский, заводы Всеволжского, Лазарева и др. Эти заводы частновладельческого сектора, правда, находились в ином отношении подчинения, но и они не могли считать себя свободными от екатеринбургского горнозаводского центра. Если прибавить к этому, что в подчинении Уральского горного управления были еще 15 заводских округов, расположенных на территории б. Оренбургской губернии, то станет ясным положение Екатеринбурга, как административного центра. Развитию этого центра сильно мешало, что он до революции оставался уездным городом Пермской губернии, хотя по своему влиянию и даже по числу населения превосходил свой губернский центр. На этой почве шла борьба, принимавшая иногда анекдотические формы. Анекдоты на тему, кто выше—губернатор или начальник Уральского хребта, можно не повторять, как общеизвестные, а в действительности это был серьезный фактор противодействия росту нашего города. Это лишало город многих учреждений и кредитов, полагавшихся по штату губернских городов.

Были и другие факторы административного противодействия росту города. Приведу два.

В городе с 1765 года работала гранильная фабрика, штаты которой после падения крепостничества были сокращены вдвое, а в дальнейшем и вовсе работа была прекращена.

Вместо организованных Гениным фабрик якорей и посуды, здесь, как видно под влиянием действительных потребностей заводской промышленности, возникла механическая фабрика, изготовлявшая инструменты и оборудование для заводов. Так в «Памятной книжке для русских горных людей за 1862 г.» значится, что на этой фабрике делались паровые машины, воздуходувные, турбины на 30 и 60 сил для сжимания воздуха, долбежные, стволосверлильные, пушечно-сверлильные, токарные, гуртильные, шепинг-машины, станки для сжимания хвороста, центрования орудий, под'емные винты, воздуходувные чугунные цилиндры, ножницы для резки железа, запасные части паровых машин, паровой молот, вертикально-сверлильные станки.

Количество изготовленного и размеры кажутся мизерными на современный взгляд, но для своего времени эта фабрика была явлением значительным, и для города был большой урон, когда ее тоже закрыли. О причинах не помню, но, кажется, признали, что незачем правительству опекать этим путем заводы.

Итак, положение уездного города и такие меры, как закрытие механической фабрики, сокращение работ и последующее закрытие гранильной, мешали росту города, но он тем не менее развивался по масштабам того времени очень быстро. По переписи 1897 года он имел свыше 55 тысяч населения, когда губернский центр Пермь насчитывал лишь 45 тыс., а остальные имели от 2 (Оханск) до 20 тысяч (Ирбит). Аналогичную цифровую картину дала и перепись 1910 года, когда наш город имел уже 70.000, попрежнему выделяясь своей величиной среди губернских городов, не говоря об уездных.

Несмотря на такие факторы противодействия, город рос с исключительной быстротой. За 13 лет, от переписи 1897 года до переписи 1910 года, население увеличилось почти вдвое (вместо 55 тысяч стало 70 тысяч). Такой выдающийся, в условиях прошлого, рост города заслуживает специального исследования. Мне же представляется, что главной движущей силой здесь является воздействие на этот ближайший центр со стороны окружавших его заводских и горнорудных поселков.

Закрылась механическая фабрика, но потребность в новом оборудовании и ремонте старого осталась, как и привычка удовлетворять эту потребность в Екатеринбурге. Этот спрос вызвал и предложение: вместо казенной механической возникло несколько частновладельческих.

У меня нет цифровых данных об их производительности, но по внешним показателям и числу занятых в них рабочих фабрики Ятеса, Беренова, Круковского, каждая в отдельности, могли давать не меньше, чем закрытая казенная.

То же самое получилось и в результате сокращения работ гранильной фабрики. Навыки окрестных горщиков, их тяготение к Екатеринбургу, опыт мастеров, работавших раньше на фабрике,—все это широко было использовано частными предпринимателями. В городе возникло несколько магазинов камнерезных и ювелирных изделий. Владельцы этих магазинов, изменив ассортимент товаров в сторону широкого потребителя, нашли выход не только за пределы Урала, но и за

пределы страны. Именно после падения крепостничества и появилось в Европе понятие «екатеринбургская грань». Ясно, что при таком положении число занятых в производстве этого вида не сократилось, а скорей увеличилось.

Действовала, очевидно, и образовавшаяся уже здесь сравнительная плотность населения. С городом почти сливался Верх-Исетский завод, близко были расположены Нижне-Исетский и Березовский. Каждый из этих заводских поселков по об'ему равнялся 2—3 уездным городам среднего масштаба. Такое скопление городского населения требовало обслуживания. Сюда шли не только строительные рабочие и ремесленники разных квалификаций, но и кадры другого рода.

В 80-х годах в городе было несколько частных библиотек, газета здесь возникла еще в то время, когда общее число периодических изданий (с «Губернскими ведомостями» и «Епархиальными ведомостями») едва перешло за 200 по всей стране, были здесь и платные школы и даже платные лечебницы, типа неплохо оборудованных для того времени предприятий. Это, конечно, показывало, что купеческие заправилы города меньше всего склонны были «тратиться на просвещение и санитарию», но в то же время расширяло влияние города на периферию, способствуя росту города. Обращало внимание сравнительно большое количество присяжных поверенных. Об'яснялось это, по-моему, тем, что большинство из них были представителями того или другого заводского округа, т. е. являлись порождением особых условий горнозаводской жизни.

Строительные рабочие и ремесленники, пришедшие как сезонники, нередко оседали на постоянное жительство. Некоторые из них становились подрядчиками, охватывавшими своими артелями довольно широкий круг рабочих. Понятно, что такие стремились обосноваться в основном центре работ и порой находили новые пути использования уральских особенностей.

Мне вот приходится ходить к трамвайной остановке по улице Большакова. Через щели забора в одном дворе до сих пор вижу плиты и обделанные глыбы мрамора. Это напоминает мне, что в городе, кроме двух-трех магазинов в гостином дворе, торговавших изделиями Мраморского завода, было немало арендованных пустырей, где тоже можно было видеть такие изделия: могильные плиты, части памятников. Это говорило, что количество желающих эксплоатировать труд мраморских кустарей значительно увеличилось, но вместе с этим расширился сбыт и увеличился спрос.

По Красноармейской улице, в самом неподходящем месте вижу новый облицовочный гранит. Видно, что это брак, но он напоминает, что тут жил подрядчик, который сбывал цокольный камень и облицовочный гранит не только в пределах города, но и нашел для него выход в другие города. Опять пусть маленькое, но увеличение рабочих города.

Таких примеров можно бы привести много даже при поверхностном наблюдении жизни города в 90-х годах и первом десятилетии нашего столетия, но дело не в их перечне. Они лишь показатель, что подобного рода процессы происходили и в начальный период истории города, но не всегда отмечены, а иногда и вовсе оставлены без внимания прежними историками.

Это легче всего подтвердить фактами из истории уральской золотой промышленности.

Как известно, золото впервые нашел в нашей стране Ерофей Марков в 1745 г. Этот Марков занимался поиском строганцев и тумпасов, т. е. ограночного материала. Делал это, очевидно, не в порядке забавы, а ради заработка.

Значит, в ту пору, за 20 лет до официального открытия в городе гранильной фабрики, здесь уже были гранильщики, на которых можно было работать поисковику. Кто они? У кого учились? Не у Реснера же, который «уволен за незнание шлифовальных машин».

Дальше в истории Маркова обращает внимание подробность, что он, прежде всего, пошел для оценки своей находки к «серебряных дел мастеру» Дмитриеву и лишь после этого идет заявить о своей находке правительственным чиновникам. О чем это говорит? Конечно, о том, что у «людей низкого сословия» были свои авторитеты, свои мнения и накоплен практический опыт, который ценностью своей не ниже, может быть, а выше тех знаний, какие имелись у иноземных специалистов.

Особенно ярко это раскрылось в дальнейшей истории золотопромышленности. Почти 70 лет разработка золота давала самые жалкие результаты. Из иноземных специалистов работали Вейдель, Макс, Ирман и др., но счет добычи шел на пуды в течение года. Но вот Л. И Брусницын открыл простой способ промывки золотоносных песков. Этот способ, который можно было применить и к жильному золоту, буквально произвел переворот в золотой промышленности, бесконечно упростив и расширив ее возможности. В сводочных таблицах по добыче золота это видно со всей отчетливостью. Если за пятилетие до открытия Брусницына в стране было добыто 84 пуда золота, то через 10 лет после этого было получено за пятилетие 2000 пудов, дальше пошло 3, 5, 8, 10, 11, 12 тысяч пудов. Удивляет не один количественный рост добычи золота, но и широчайшее разветвление золотой промышленности. После открытия Брусницына золото стали добывать не только по всем заводским округам Урала, но эта добыча перекинулась и в далекую Сибирь, и город на некоторое время стал центром всей золотопромышленности нашей страны. Переброску поисков в Сибирь произвели старообрядцы Рязанов, Харитонов, Расторгуев и др. Можно с уверенностью говорить, что эти во всяком случае не могли учиться у правительственных чиновников, от которых они всегда сторонились. Ясно, что и здесь дело шло тем же путем, который обычно не отражался в официальной истории.

Еще один пример. На этот раз из ряда отрицательных.

Город в течение 28 лет жил на «сухом законе», т. е. не имел продажи алкогольных напитков. Но вот он попадает в черту откупов, и какой-то «екатеринбургский обыватель Андрей Грек» наводняет город таким количеством кабаков, что это тревожит агентов правительства. В промемории тобольской губернской канцелярии по этому поводу говорится: «От всегдашнего пьянства мастеровые люди в совершенное безумие приходят, и мастерства доброго лишаются, и делать железа мягкого против указанных сортов пьянство не допускает, и на пристанях от постановки кабаков во время отпуску стругового с железом не без повреждения бывает для того, что работники, напившись пьяные, а паче струговые сплавщики, от быстроты реки Чусовой в пьянстве струги с железом разбивают, и между собой великие драки у пьяных бывают, что друг друга до смерти убивают».

Как видно из документа, правительственные агенты не сами развертывали питейное дело. Позаботился об этом Андрей Грек, который,

видимо, заранее хорошо рассчитал свое предприятие и сразу так его поставил, что испугал тобольскую канцелярию.

Таких не изученных, а порой и вовсе не поставленных вопросов в истории нашего города очень много. И все это потому, что до сих пор пользовались односторонними источниками. В результате и получилась история начального периода города, как она зафиксирована представителями власти. В действительности, как я пытался доказать, город рос и развивался в крупный для того времени центр горнозаводской жизни не всегда так, как это казалось его руководителям.

Сравнивая старый Екатеринбург с Пермью, которую мне пришлось тоже хорошо знать, припоминаю, что меня поражала пестрота званий домовладельцев здесь. В Перми на досках при каждом доме чаще всего видел: мещанин тако-то, купец такой-то. В Екатеринбурге же, что ни дом, то разное звание: титулованное имя, наследники унтер-шихмейстера, рязанский 2-й гильдии купец, уфимский, костромской, иностранная фамилия и реже, кажется увидишь мещанина города. Что создало этот конгломерат, что принесли они городу, почему осели тут?

Почему в городе было так много магазинов и лавок, торговавших железными изделиями? Каким путем обходилось запрещение «огнедействующих» предприятий в городе? Почему город стал перевалочным местом для больших партий сала? Действовала ли тут одна железнодорожная станция, или в значительной степени участвовал «железный центр», притягивавший степь?

Совершенно неизученными у нас остаются такие явления, как работа на Урале практиков заводского дела, в том числе и тех, кто получил какое-то образование и стал известным. Что мы знаем об учебе И. И. Ползунова, о первых шагах К. Д. Фролова? А плотинные мастера, доменщики и другие? Я уже упоминал об огромном значении открытия Брусницына, а что мы о нем знаем?

Свое высказывание я и хочу свести к тому, чтобы при разработке научной истории города внимание исследователей было направлено на поиски тех новых фактов, которые до настоящего времени оставались не освещенными, а значимость их не меньше многих, широко известных и подробно описанных событий.

Только при этом условии мы сможем создать историю, в которой был бы показан вклад в строительство металлургии Урала, сделанный самим народом, лучшими его представителями.

М. А. Горловский

ИЗ ИСТОРИИ ГОРНОГО ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

I. Подчинение Екатеринбурга исключительной власти горного ведомства

Горнозаводская промышленность Урала, как и вся промышленность страны, в конце первой половины XIX столетия серьезно ощущала влияние роста товарно-денежных отношений. Наличие крепостного права все больше и больше тормозило развитие уральской промышленности. «Крепостное право, — писал В. И. Ленин, — которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма»[1]). Если во второй половине XVIII века на Урале было построено более ста заводов, то в первой половине XIX века их было построено всего 25. Темп роста добычи руды и выплавки металла с каждым годом замедлялся.

Уже с начала XIX века управление горными заводами Урала носило военизированный характер. В период же царствования Николая I, как правильно указывает известный уральский писатель Д. Мамин-Сибиряк, «военное положение достигло своего апогея... Урал был настоящим государством в государстве... тут были свои законы, свой суд, свое войско и совершеннейший произвол над сотнями тысяч горнозаводского населения»[2]). Горнозаводские крестьяне и мастеровые отвечали на этот режим непрерывными волнениями.

В целях устройства горных заводов Урала и усиления борьбы с волнениями крестьян и мастеровых, Николай I учредил в 1826 году на Урале новую должность — главного начальника горных заводов Уральского хребта.

Главный начальник горных заводов должен был привести в лучшее устройство горную часть Уральского края вообще, сохранить единство в управлении заводов и иметь необходимый ближайший местный надзор за всеми частями горного устройства.

Вместе с учреждением должности главного начальника горных заводов Николай I перевел горное правление из Перми в Екатеринбург, а также подчинил последний исключительной власти горного ведомства. Меры эти, направленные к сохранению рушившихся старых форм крепостничества и на укрепление положения крепостников-заводчиков на Урале, имели важное значение для всей истории Екатеринбурга.

---

[1]) Ленин. Собр. соч., т. III, изд. III, стр. 377.

[2]) «Город Екатеринбург». Сборник историко-статистических и справочных сведений. Изд. екатеринбургского городского головы И. Симанова. Екатеринбург, 1889 г., стр. 35.

Задачей настоящей работы является освещение ряда важных событий из истории горного города Екатеринбурга середины XIX века.

1.

Еще 13 июля 1806 года правительство утвердило проект горного положения для управления заводов Уральского хребта. На основании этого положения к горным городам были отнесены все селения, расположенные при казенных заводах и рудниках[1]). За горными городами сохранились все права городового положения 1785 года, надзор за осуществлением которых принадлежал горному начальнику. Власть горного начальника по отношению горных городов была такой же, какую имел губернатор над всеми другими городами, находившимся в гражданском ведомстве[2]).

Екатеринбург был одним из первых отнесен к горным городам.

В течение 45 лет (с 1806 по 1851 гг.) высшая власть над Екатеринбургом находилась в руках горного начальника екатеринбургских заводов. Горный начальник утверждал избранных в общественные службы лиц, а также некоторые существенные статьи городских доходов и расходов.

Тем не менее, власть горного начальника екатеринбургских заводов по отношению к городу все же была относительной, ибо Екатеринбург являлся не только горным городом, но и уездным. Как уездный город, он зависел от пермской губернской администрации, которая пользовалась правом ревизии дел городской думы, магистрата и других присутственных мест города, правом производства ревизии доходной и расходной части городского бюджета, а также разрешала и другие вопросы, возникавшие при выборах в общественные городские службы.

В 1837 году главным начальником горных заводов был назначен Владимир Андреевич Глинка. С этого момента власть начальника екатеринбургских заводов стала особенно ощутительной для города.

Период управления Уралом Глинки является кульминационным пунктом развития власти главного начальника. Глинка распространил свое влияние и власть на город и сумел добиться того, что Екатеринбург был полностью подчинен военизированному горному ведомству.

Документальные материалы Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (фонды министерства внутренних дел, министерства финансов, департамента горных и соляных дел и др.), а также Свердловского областного государственного архива (фонды горного правления, канцелярии главного начальника горных заводов, начальника екатеринбургских заводов, городской думы и др.) раскрывают историю города XIX века и характеризуют деятельность одного из видных властителей Урала—генерала Глинки.

Владимир Андреевич Глинка происходил из дворян Смоленской губернии. Свою службу он начал в полевой артиллерии. Принимал участие в Отечественной войне 1812 года и в войне против Турции в 1828—29 гг. Был одним из активных участников штурма Варшавы в 1831 году. За боевые заслуги имел ряд орденов и других наград.

---

[1]) ПСЗ, том 29, № 22208.
[2]) Там же.

Длительное время Глинка состоял в свите Николая I сначала в качестве офицера, а затем в чине генерал-майора.

Назначая Глинку на должность главного начальника горных заводов Уральского хребта, Николай I наделил его исключительной властью. Глинка непосредственно подчинялся министру финансов, был главным хозяином заводов, возглавлял горное правление, являлся командиром и инспектором горной стражи. Он утверждал решения военного суда над горными рабочими и служащими, командовал тремя линейными батальонами.

Интересы Глинки не выходили за рамки интересов господствующего класса дворянства. Военная служба в значительной мере оказала свое влияние на формирование его характера и мировоззрения. Глинка был сторонником суровой военной дисциплины, преклонялся перед императором и был верным слугой правительства крепостников-помещиков.

Стремясь упорядочить горное дело на Урале, Глинка провел ряд мероприятий. По его инициативе на казенных заводах были введены новые производства и усовершенствования. Особое внимание им было обращено на улучшение способов извлечения золота из россыпей. Несмотря на все это, рост производства на горных заводах Урала был совершенно незначительным; отдельные меры, проведенные Глинкой, не могли сколько-нибудь серьезно повлиять на промышленность Урала, оживить ее. Крепостнические порядки на заводах тормозили ее развитие.

Время назначения Глинки на Урал совпало с периодом сильного роста волнений крестьян и мастеровых на Урале, вызванных исключительно тяжелыми условиями жизни горнозаводских людей и неслыханными злоупотреблениями местного горного начальства.

С первых же дней приезда на Урал Глинка повел решительную борьбу с крестьянскими волнениями и недовольством мастеровых. В целях подавления крестьянских волнений и «обуздания своевольства заводских людей», как любил выражаться Глинка, им применялись самые решительные меры.

Для усмирения крестьян в Шадринском уезде в 1842 году Глинка направил две роты солдат. Для «обуздания» крестьян, принимавших участие в Ревдинском восстании в 1841 году Глинка предлагал правительству «судить их за все вины судом военным»[1]).

В 1848 году Глинка обязал начальников горных заводов осуществлять строгий надзор за поведением нижних рабочих чинов и мастеровых, и особенно следить за их частной жизнью[2]).

В середине 50-х годов XIX века правительство начало подготовку крестьянской и других реформ. С этим временем совпал от'езд Глинки с Урала. В 1856 году правительство перевело Глинку в Петербург.

2.

В первые годы своей деятельности в качестве главного начальника горных заводов Урала Глинка мало уделял внимания делам городского управления. Он серьезно стал интересоваться городом с конца сороковых годов XIX века; именно в это время он предпринял ряд решительных мер в части подчинения городского управления Екатеринбурга своей исключительной власти.

---

[1]) СОГА, (Свердловский областной государственный архив), ф. 43, опись 1, д. № 64. 1841—1844 гг., л. 14.

[2]) Там же, ф. 129, опись 1, д. № 102, 1857 г., л. 2—2 об.

Екатеринбург в это время развивался как крупный торгово-промышленный и горнозаводский центр.

В 1850 году в городе было 31 фабричное заведение, на которых было произведено продукции более чем на полмиллиона рублей. В этом же году на ярмарке Екатеринбурга было продано товаров на сумму около ста тысяч рублей. В 1849 г. в городе проживало 15006 чел., в том числе 7724 мужчины и 7282 женщины.

Наиболее значительную часть населения города составляли непременные работники и мастеровые, а также различные военные чины, расквартированные в Екатеринбурге. Непременных работников и мастеровых насчитывалось 5405 чел., военных—1833 чел. Военные по отношению ко всей массе жителей города составляли, примерно, 12 проц., в их число входило—1043 чел. пехоты, 411 чел. внутренней стражи, 68 чел. артиллеристов, 23 казака и др. Все они должны были обеспечить строжайший порядок, как внутри города, так и в его окрестностях.

Мещан в городе проживало 2888 чел., купцов—489. Большинство из мещан и купцов являлось домовладельцами, а также собственниками промышленных и торговых заведений города[1]).

Таково было социальное лицо города к моменту возбуждения Глинкой ходатайства о подчинении Екатеринбурга его исключительной власти.

В октябре 1847 года Глинка получил от министра финансов копию рапорта, исполняющего должность пермского губернского прокурора и копию донесения пермского гражданского губернатора, адресованного министру внутренних дел. Бумаги были посвящены вопросу об устранении екатеринбургским купеческим обществом всех вообще мещан и цеховых от участия при выборах граждан в общественные городские должности и вопросу о том, удобно ли предоставить право утверждения избираемых по екатеринбургскому городскому управлению должностных лиц начальнику губернии, минуя горного начальника екатеринбургских заводов.

Подробно изучив эти вопросы, Глинка 19 марта 1848 года сообщил министру финансов свое мнение. Отвечая на первый вопрос, Глинка полагал, что устранять всех мещан и цеховых от участия в городских выборах не следует, так как они «на это имеют полное право». При этом он ссылался на ст. ст. 49, 50, 51 и 121 городового положения 1785 г. Лишение же их этого права—есть действие противное узаконениям и «обидное в особенности для тех из них, которые пользуются доверием и уважением общества»[2]).

Касаясь вопроса о порядке утверждения лиц, избранных на городские службы, Глинка указывал, что предложение пермского губернского начальства не может быть принято во внимание, ибо оно находится в противоречии с законом, определяющим положение горного города, а именно — с правом горного начальника утверждать избранных на городские службы[3]).

В заключительной части своего ответа министру Глинка возбуждал ходатайство о предоставлении главному начальнику горных заводов

---

[3]) Там же, л. 12.

[2]) СОГА, ф. 133 опись 1, д. № 2811, 1847—49 гг., л. 4—14.

[3]) Там же, л. 12.

исключительного права утверждать лиц, избираемых в Екатеринбурге на городские должности. Он подчеркивал, что «по месту пребывания своему в Екатеринбурге и по известности местных обстоятельств (главный начальник горных заводов **М. Г.**), более может способствовать к полезному исправлению дел общественных здешнего города, чем гражданский губернатор, находящийся в отдаленности» от города.

Правительство положительно отнеслось к представлению Глинки. 6 июня 1849 года было утверждено мнение государственного совета, на основании которого екатеринбургскому обществу предлагалось при своих выборах руководствоваться точным смыслом ст. 319 и 321 устава о службе по выборам, т. е. не устранять от участия мещан и цеховых, имеющих право присутствовать в собрании и быть избранными в городские должности. Что же касается утверждения избранных в Екатеринбурге городских должностных лиц, то право утверждения их правительство присвоило главному начальнику горных заводов[1]).

Указ правительства усилил власть главного начальника горных заводов по отношению к Екатеринбургу. Теперь главному начальнику принадлежали неограниченные полномочия в подборе лиц, избираемых на городские службы.

Однако Екатеринбург в смысле подчинения все еще в определенной мере зависел от власти пермского губернатора. С этим Глинка не был согласен, имея в виду, что количество волнений горнозаводских крестьян и мастеровых на заводах, расположенных близ города, в конце 40-х годов XIX века все более и более увеличивалось. Возможность вспышки волнений рабочих людей на заводах в черте города была не исключена.

Кроме того, городское хозяйство и благоустройство все еще оставались под наблюдением горного начальника екатеринбургских заводов и пермской губернской администрации.

В ноябре 1850 года Глинка вошел с новым предложением в министерство финансов, возбуждая вопрос о подчинении его исключительной власти городского управления Екатеринбурга.

В обоснование своего представления Глинка ссылался, во-первых, на то, что Екатеринбург является не только резиденцией главного начальника горных заводов, но и местом сосредоточения уральской горной администрации, а потому требует усиленной охраны, и, во-вторых, на тяжелое финансовое положение города и явно неудовлетворительное состояние его благоустройства. Екатеринбург «считается горным городом,—писал Глинка,—и в то же время он есть уездный город... это двоякое значение ставит его в зависимость от двух начальств». Неудобство подобного положения приводит к тому, что «городская дума уклоняется от всяких предприятий, а город между тем, в отношении благоустройства, несмотря на значительную в нем торговлю, богатства и многочисленность жителей, находится в большом беспорядке»...

И далее,—продолжает Глинка,—в городе нет мостовых, торговые площади невыпланированы и засорены, неустроено водосточных канав, от чего весной, осенью и в дождливую погоду по некоторым улицам нельзя проехать, мосты одни неисправимы, другие ветхие, не везде, где нужно, устроены... Для соблюдения чистоты ничего предпринять нельзя или, говоря другими словами, чистота там невозможна. Доходы с

---

[1]) СОГА, ф. 8, опись 1, д. № 1478, 1849 г., л. 8—10.

трудом поддерживаются в таком состоянии, чтобы удовлетворить только необходимые потребности, а об изыскании средств к увеличению доходов нет никакого попечения»[1]).

Свое представление министру Глинка заканчивал указанием на то, что он не в состоянии что-либо предпринять к улучшению благоустройства города, пока город остается в неопределенном положении в отношении подчиненности. «По всем сим причинам,—заключает Глинка, — и из желания быть полезным Екатеринбургу я решил покорнейше просить ваше сиятельство, войти с кем следует в сношение, чтобы заведывание этим городом в отношении устройства его всей хозяйственной и полицейской части... возложено было на главного начальника и Уральское горное правление по первому департаменту»[2]).

Столь большое внимание финансовому и хозяйственному положению города Глинка уделял не случайно. В письме, полученном Глинкой в конце 1850 года, директор департамента горных и соляных дел сообщал ему о том, что в связи с отсутствием надлежащего контроля за финансами города, екатеринбургская городская дума составила неудовлетворительную смету на 1850 г.: «сбор доходов по некоторым статьям увеличен на 1236 р. 25 к., а по другим статьям без всяких законных оснований и уважительных причин уменьшен на 5928 руб. 47 коп., а из расходов многие статьи назначены или неправильно, или в слишком больших количествах»[3]).

Ходатайство Глинки таким образом вполне отвечало интересам министерства финансов, имевшего цель выкачать наибольшую сумму средств от городских обывателей для оздоровления хозяйства и улучшения благоустройства города.

3.

Рассмотрев представление Глинки, министр финансов препроводил его министру внутренних дел с просьбой дать свое заключение. Через месяц министр внутренних дел сообщил министру финансов, что он не встречает препятствия к удовлетворению ходатайства Глинки, «находя оныя удобными и согласованными с существующими законами»[4]).

О мнении министра внутренних дел Глинка был немедленно поставлен в известность. Чрезвычайно довольный полученным сообщением, он в своем ответном письме директору хозяйственного департамента министерства внутренних дел — тайному советнику Лексу выражал благодарность правительству за оказанное ему доверие. «Приношу Вашему превосходительству, — писал Глинка, — мою искреннюю и совершенную благодарность за доставление в письме от 18 января сведения о подчинении города Екатеринбурга вследствие моего ходатайства исключительно главному начальнику горных заводов Уральского хребта. Обязанный этим доверием пещись о благоустройстве этого, замечательного по многим отношениям города, я употреблю все средства оправдать лестное внимание в этом деле мне, изъявленное графом

---

[1]) СОГА, ф. 133, 1850 г., д. № 4373, л. 1—4.

[2]) Там же.

[3]) Там же, л. 7—8.

[4]) ЦГИАЛ (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде), ф. хоз. департ. мин. вн. дел, 1850 г., д. № 267, л. 12.

Львом Алексеевичем и буду иметь честь доказать его сиятельству готовность мою на самом деле»[1]).

26 марта 1851 года Глинка направил письмо директору департамента горных и соляных дел Фуллону, в котором просил последнего ускорить распоряжения, связанные с окончательным разрешением его ходатайства. В письме Глинка указывал, что все теперь зависит от министерства финансов, которое должно сделать все необходимое с тем, чтобы он, Глинка, имел бы возможность уже в 1851 году «приступить к различным по городу Екатеринбургу устройствам»[2]).

25 сентября 1851 года дело о подчинении Екатеринбурга исключительной власти главного начальника горных заводов было внесено на рассмотрение государственного совета, который принял окончательное решение, утвержденное затем 19 ноября 1851 года царем.

В утвержденном мнении государственного совета было записано: «К 727 статье устава горного (свод. законов, т. 7), прибавить следующее примечание — «Все действия горного начальника екатеринбургских горных заводов, относительно городского управления, соответственно пункту 10-му, ст. 512 и пп. 1, 3 и 4 ст. 544 устава горного подчиняются надзору главного начальника (по первому департаменту уральского горного правления), который равно, как и горное правление, при рассмотрении и приведении в исполнение ежегодных смет доходов и расходов по городу Екатеринбургу, соблюдает порядок, указанный в ст. 408, учр. губ. (свод законов, том II, по продолжению XI-му). Ревизия отчетов думы об употреблении сумм, по сметам ассигнуемых, производится на общем основании, а по делам городового управления — главный начальник входит с представлениями к министру финансов, для сношения в потребных случаях с министром внутренних дел»[3]).

С этого момента для Екатеринбурга началась новая полоса истории — полное господство горной администрации в делах и жизни города.

Если раньше город имел хоть призрак самостоятельности, то теперь он фактически и юридически превращался в звено военизированной горной организации. Главный начальник горных заводов стал полным хозяином и командиром города, а это означало абсолютное торжество принципов администрации в управлении городом.

15 декабря 1851 года директор департамента горных и соляных дел Фуллон поставил в известность Глинку о содержании указа правительствующего сената, а 31 декабря этого же года Глинка препроводил указ в городскую думу Екатеринбурга, с предложением принять его «ныне к точному исполнению»[4]).

В своем постановлении от 3 января 1852 года городская дума записала: «Высочайше утвержденное мнение государственного совета, из'ясненное в списке с указа правительствующего сената, от 4 декабря минувшего 1851 года за № 48645, приложенном при настоящем предписании господина главного начальника горных заводов Уральского хребта, принять к руководству и исполнению и о сем донести его превосходительству»[5]).

---

[1]) Там же, л. 13.
[2]) СОГА, ф. 133, 1850—51 гг., д. № 4373, л. 13—14.
[3]) Там же, л. 22—23 об.
[4]) Там же, л. 20.
[5]) Там же, ф. 8, опись 1, 1852 г., д. № 1427, л. 18—9.

1.

Решение правительства о подчинении Екатеринбурга главному начальнику горных заводов было воспринято пермским губернатором Огаревым равнодушно. Огарев знал о том, что Николай I весьма расположен к Глинке. Он также знал настойчивый и упрямый характер Глинки.

Подчинение Екатеринбурга главному начальнику горных заводов, в конечном счете, не умаляло власти губернской администрации, но зато освобождало ее от постоянных забот и хлопот по устройству хозяйства и благоустройству одного из самых крупных городов губернии.

Отношение губернской администрации изменилось в связи с приходом в 1854 году на должность пермского губернатора статского советника Клушина.

Клушин, при осмотре губернии, произвел ревизию екатеринбургской городской думы, чем вызвал серьезное недовольство Глинки. Этот эпизод послужил началом длительной борьбы между пермской администрацией и горным начальством, добивавшимся сохранения исключительного права для главного начальника горных заводов на руководство делами города Екатеринбурга.

В письме к министру финансов от 25 сентября 1854 года Глинка просил разрешить его недоумение по вопросу о том, имеет ли право пермский губернатор ревизовать екатеринбургскую городскую думу; это важно уяснить, писал Глинка, ибо «гражданское начальство считает ее (т. е. городскую думу **М. Г.**) и теперь еще местом, прямо ему подчиненным». Далее он отмечал: «гражданский губернатор, ревизуя думу, простирает влияние косвенно и на мои действия в отношении к городу»[1]).

23 октября 1854 г. министр финансов сообщил содержание письма Глинки министру внутренних дел с собственным заключением: «Екатеринбургская городская дума заведыванию пермского губернского начальства подлежать не может», ибо это противоречило бы действующим законам[2]).

Министр внутренних дел потребовал от Клушина об'яснений. Клушин свои об'яснения начал с указания, что екатеринбургская городская дума с самого своего основания всегда подвергалась ревизии начальника губернии наравне с прочими уездными и городовыми присутственными местами в губернии; при этом ссылался на ст. 603 II тома Свода законов учреждений губернских (изд. 1842 г.). Затем Клушин излагал свои соображения. Он писал, что поверка действий городской думы посредством ревизии со стороны губернской администрации вполне законна и диктуется тремя обстоятельствами. Во-первых, тем, что служащие по городским выборам, городские головы, гласные и другие лица за совершенные ими преступления по службе предаются суду губернским правлением. Во-вторых, в Екатеринбурге так же, как и в других уездных городах, кроме городской думы, существуют и другие присутственные места (больница, тюремный замок и др.), подлежащие ревизии начальника губернии. Исключение же из этого общего правила городской думы, состоящей во взаимоотношениях с этими местами.

---

[1]) СОГА, ф. 43, опись 1, 1854 г., д. № 174, л. 1—2.

[2]) ЦГИАЛ, ф. хоз. деп. мин. вн. дел. 1850 г. д. № 267, л. 25—27 об

принесло бы вред общему делу. И, наконец, в-третьих, тем, что с прекращением ревизий Екатеринбургской городской думы начальником губернии должно последовать и исключение из всеподаннейшего отчета статьи о положении ее дел, отчего отчет уже не будет полностью отражать положения дел в губернии.

Кроме того, Клушин ставил вопрос о передаче полиции Екатеринбурга из горного ведомства в гражданское. В обоснование своего предложения он ссылался на то, что большая часть населения города «судится и разбирается по делам частным в общих судебных местах, заведываемых начальником губернии и губернским правлением»[1]).

Соображения Клушина были сообщены Глинке. Глинка детально ознакомился с их содержанием и написал свои возражения; характер последних был резкий и агрессивный.

Глинка начал с указания на то, что ст. 603 и последующие статьи II тома гражданских законов о ревизии присутственных мест гражданским губернатором, на которые ссылается в своем об'яснении Клушин, относятся лишь к тем из присутственных мест, «которые, входя в общий состав гражданского управления, подчинены непосредственно губернскому начальству».

«Но эта обязанность ревизии не может простираться на екатеринбургскую думу, — заявлял Глинка, — потому, что Екатеринбург, как горный город, находится в исключительном положении, определенном ст. 727 устава горного, по силе которой здешний горный начальник состоит в таком же к городу Екатеринбургу отношении, в каком губернатор к прочим городам». «Отсюда, — делал вывод Глинка, — на основании ст. 544 горного устава попечение о благоустройстве города, заведывание его хозяйством и изыскание способов к улучшению его положения лежит на прямой ответственности горного начальства, которое по всем сим предметам действует посредством думы».

Далее Глинка считал неправильным утверждение Клушина о том, что служащие по городским выборам подвергаются ответственности и предаются суду в горном городе губернским правлением. Подобный вывод Клушина, замечает Глинка, может быть сделан лишь в результате неточного истолкования ст. 395 устава о службе по выборам городских обывателей и упущения из виду ст. 1467 устава о судопроизводстве.

Категорически отклоняет Глинка и другие доводы Клушина. «Прямая зависимость от гражданского управления находящихся в городе Екатеринбурге уездных присутственных мест,—пишет он,—вовсе не влечет за собой необходимость подвергать (городскую думу **М. Г.**) ревизии»... Если бы начальнику губернии, ревизуя какое-либо из мест, понадобились какие-либо справки, он может их легко получить через горного начальника или непосредственно от городской думы. Точно так же, указывает Глинка, губернатор имеет полную возможность получить нужные для него сведения в связи с составлением годового отчета по губернии.

Резко нападал Глинка на предложение Клушина о передаче полиции города Екатеринбурга из горного ведомства в гражданское. Местная полиция, по мнению Глинки, теперь более, чем когда бы то ни было, «должна непременно состоять в прямой и непосредственной от этих лиц (главного начальника уральских заводов и горного начальника екатеринбургских заводов **М. Г.**) зависимости, без чего они не в

---

[1]) ЦГИАЛ, ф. хоз. деп. мин. вн. дел, 1850 г., д. № 267, л. 29—57.

состоянии были бы во многих случаях действовать так быстро и решительно, как требуется часто для достижения успеха» (подчеркнуто нами. М. Г.).

Вывод Глинки сводится к тому, что стремление Клушина подчинить себе горную полицию Екатеринбурга можно лишь об'яснить желанием Клушина «расширить круг своей власти» без какой-либо пользы городу[1]).

Министерство внутренних дел отклонило притязания пермского губернатора на вмешательство в дела Екатеринбурга. Своим письмом на имя министра финансов оно подтвердило исключительное право главного начальника горных заводов полностью управлять городом.

В последующие годы деятельность горной администрации в городских делах уже не встречала никаких препятствий со стороны губернского начальства.

II. Екатеринбург под исключительной властью горного ведомства

Екатеринбург под исключительной властью горного ведомства находился с ноября 1851 года по август 1863 года. Первые шесть лет хозяином и командиром города был Владимир Андреевич Глинка. Вторые шесть лет — Федор Иванович Фелькнер.

Деятельность Глинки и Фелькнера по управлению городом, в конечном счете, преследовала одну и ту же цель—подчинить полностью жизнь города и его учреждения интересам горного ведомства.

1.

Как сказано выше, еще до подчинения Екатеринбурга власти главного начальника горных заводов, «высочайше» утвержденным мнением Государственного совета от 6 июня 1848 года Глинке было предоставлено исключительное право утверждать по Екатеринбургу лиц, избранных на городские службы. Этим же законом екатеринбургское городское общество обязывалось при производстве своих выборов руководствоваться точным смыслом ст. ст. 319, 321 устава службы по выборам, т. е. не устранять мещан и цеховых, имеющих право присутствовать в собрании и быть избранными в городские должности.

Мнение Государственного совета было, как указывалось, доведено в августе 1848 года до сведения городской думы, в связи с чем городской голова и трое гласных обратились к Глинке с просьбой разрешить думе при созыве городских собраний извещать не всех мещан и цеховых, имеющих право участвовать в выборах, а лишь такое количество, какое может явиться на собрание купцов. «Из купеческого сословия,—писали они,—на выборы в должности оповещается в собрании из 100 до 60 человек, по причине непроживания некоторых в городе, других по несовершеннолетию и заключающихся в женском поле, напротив того, из сословия мещан, которых считается до 2401 ревизских души, бывают по тем же причинам при выборах до 170 человек, поэтому количество их будет всегда превышать число купцов значительно и это едва ли может быть удобно»[2]).

---

[1]) ЦГИАЛ, ф. хоз. деп. мин. вн. дел, 1850 г., д. № 267, лл. 41—48.

[2]) СОГА, ф. 133, опись 1, 1848 г., д. № 2811, л. 47—48.

Стремление верхушки купечества устранить от участия в городских выборах значительное количество мещан и цеховых об'яснялось ее желанием иметь решающее влияние на дела города. Купечество не хотело уступать своего привилегированного положения, дававшего ему возможность быть не только на особом счету у горной администрации, но и проводить в органах городского управления мероприятия, отвечающие его интересам.

В своем представлении министру финансов Глинка не возражал принципиально против допуска к участию в городских выборах мещан и цеховых, тем не менее признавал, что «числительный перевес мещан и цеховых над купцами» в избирательных собраниях действительно может «повести к тому, что екатеринбургское купеческое сословие будет некоторым образом поставлено в зависимость от мещан и цеховых», отчего неизбежны и различные **«столкновения»**[1]) (подчеркнуто нами **М. Г.**).

Правительство не согласилось с доводами Глинки, ибо устранение значительного количества мещан и цеховых от участия в городских выборах должно было вызвать серьезные изменения устоявшихся принципов законодательства в этой области. Оно вновь подтвердило необходимость руководствоваться при выборах в городские службы мнением Государственного совета от 6 июня 1848 года[2]).

2.

Подчинение Екатеринбурга исключительной власти главного начальника горных заводов привело к усилению контроля и прямого вмешательства горной администрации в порядок проведения городских выборов. Теперь дата избирательных собраний подлежала обязательному утверждению главного начальника. Он же устанавливал количество и номенклатуру лиц, подлежащих к избранию, осуществлял наблюдение за процедурой избрания и ему, наконец, принадлежало исключительное право утверждения лиц, избранных на городские должности.[3]).

Используя свое право утверждения должностных лиц по городскому управлению, главный начальник подбирал на городские службы наиболее благонадежных и преданных правительству людей. За время с 1851 по 1862 гг. городскими головами Екатеринбурга были: Казанцев Гаврила Фомин — в годы с 1851 по 1853 и с 1856 по 1859, Рязанов Иван Якимов — с 1853 по 1856 гг. и Клопов Михаил Егоров — с 1859 по 1862 гг. Все они принадлежали к верхушке купечества, занимались крупной торговлей внутри и вне города, являлись участниками компании по добыче золота в Оренбургском крае и Сибири. Двое из них, Рязанов и Клопов, имели награды «за отличную службу правительству»[4]).

Аналогичное положение имело место и в отношении подбора других должностных лиц: гласных думы, бургомистров, ратманов, торговых депутатов, ценовщиков каменных зданий и т. д.[5]).

При неутверждении в избранной должности того или иного лица, главный начальник, как правило, не сообщал городской думе причин

---

[1]) СОГА, ф. 133, опись 1, 1848 г., д. № 2811, л. 49—51.
[2]) Там же, ф. 8, опись 1, 1848 г., д. № 1478, л. 6—7.
[3]) Там же, ф. 8, опись 1, д. № 1478, 1544, 1747, 2014 и др.
[4]) Там же, ф. 8, опись 1, дд. №№ 1625, 1478, 1544.
[5]) Там же.

неутверждения. Так, в своем отношении думе от 23 октября 1850 г. Глинка писал: «что же касается до избранного в должность депутата квартирной комиссии мещанина Матвея Федяева, то допустить его к отправлению этой должности я не нахожу удобным по известной мне причине»[1]). В ноябре 1857 года Фелькнер, заменивший Глинку, отказался утвердить в должности городского головы избранного обществом Диомида Ивановича Баландина. «Я не нашел возможным, — сообщал он думе, — утвердить его в должности по причинам, о которых доведено мною до сведения вышестоящего начальства»[2]).

Исключительное право главного начальника уральских заводов утверждать всех должностных лиц по городскому управлению превратило служащих по городским выборам в чиновников горного ведомства. Главный начальник мог отстранить их от должности в любое время, наложить дисциплинарное взыскание, уволить в отпуск, а за хорошую службу представить к награде.

Даже городской голова полностью потерял самостоятельность, как глава городского управления. Всякий свой шаг он должен был согласовывать с горной администрацией.

Все это, конечно, не могло не отразиться и на характере деятельности городской думы.

Думские заседания были местом, где зачитывались и фиксировались в протоколах рапорты, указы, предписания, донесения различных лиц и ведомств. Так, например, на заседании городской думы от 7 марта 1853 года были рассмотрены указ и предписание пермского губернского правления, отношение петропавловской городской полиции, рапорт гласного Симонова и 10 рапортов мещанского старосты[3]).

Как правило, на каждом заседании городской думы рассматривалось по 10—20 вопросов и более, причем в решениях думы чаще всего записывалось: «предписание это принять к сведению», «отношение это принять к руководству», «рапорт сий принять к сведению и приобщить к делу».[4]). Лишь в некоторых случаях городская дума осмеливалась иметь свои суждения; однако окончательных решений она и в этих случаях все же не принимала до получения отзыва от главного начальника горных заводов.

3

Если в области организации и проведения городских выборов екатеринбургскому городскому обществу принадлежала все же некоторая инициатива в выдвижении кандидатов и выборе из них лиц на городские службы, то в области финансов городское управление находилось в полной зависимости от главного начальника горных заводов.

Правительство, передавая Екатеринбург в руки Глинки, поставило перед ним задачу—положить конец финансовой несостоятельности города. При этом оно обратило особое внимание Глинки на то, что тяжелое финансовое положение Екатеринбурга во многом об'ясняется нежеланием большинства купечества и мещан города нести возложенные на них законом обязанности.

---

1) СОГА, ф. 8, опись 1, дд. №№ 8, л. д. 181—182.
2) Там же, ф, 8, опись II, д. № 2, л. 54 об.
3) Там же, ф. 8, опись 1, 1853 г., д. № 1507, л. 60—65 об.
4) Там же, дд. №№ 1507, 1625 и др.

В конце 1851 года и в начале 1852 года Глинка знакомился с различными материалами, характеризующими экономическое и хозяйственное состояние города, полученными им из городской думы и горного правления.

В мае 1852 года он предложил горному правлению создать особую комиссию для рассмотрения городских доходов и расходов. В состав комиссии Глинка назначил: председателем — бергинспектора уральского горного правления Ахматова, членами — екатеринбургского полицмейстера фон Дрейера и городского голову Казанцева. Как первый, так и второй являлись чиновниками горного ведомства и, будучи в комиссии, должны были обеспечить решение всех вопросов в направлении, желательном для горной администрации.[1]).

Кроме официальных членов комиссии, в заседаниях ее должны были принимать участие депутаты от отдельных сословий города — купцов, дворян, мещан и др.

Глинка предложил комиссии обсудить ряд вопросов: 1) На законном ли основании вносятся в городскую роспись статьи расходов? 2) Не упущены ли из виду какие-либо местные источники дохода? 3) Не представляется ли законных средств к увеличению существующих ныне или предназначенных городской думой на будущее время сборов? 4) Все ли статьи расхода ограничиваются существующими потребностями и нет ли излишка в их назначении? 5) От каких причин произошли в городе недоборы и недоимки?[2]) Комиссия должна была представить по всем вопросам соображения.

Соображения были представлены комиссией главному начальнику в октябре 1852 года. В них отмечалось, что городское хозяйство находится в неудовлетворительном состоянии, причем основная причина, по мнению комиссии, заключалась в том, что средства города не позволяют не только предпринимать какие-либо улучшения по благоустройству, но средств даже нехватает для покрытия обыкновенных расходов. В числе главных недостатков хозяйственного положения города комиссия указывала:

а) уклонение от уплаты каких-либо сборов в пользу города владельцев городских земель;

б) уклонение купцов и мещан от уплаты поземельного сбора и покровительство им в этом со стороны городской думы;

в) произвол со стороны городской думы в сборе некоторых налогов, установленных законом;

г) пассивное отношение думы и горного начальства к постановке вопроса перед правительством о введении некоторых новых сборов в городе;

д) нежелание городской думы произвести сокращение некоторых расходов, вследствие чего могли быть добыты средства для покрытия необходимых расходов по городскому хозяйству.

Глинка тщательно и всесторонне изучил эти соображения и сделал свои указания городской думе. Предложения Глинки были сформулированы в форме приказа и отличались своей категоричностью.

Касаясь доходных статей городского бюджета, Глинка подробно останавливался на эксплоатации городом выгонных земель. «Городское

---

1) СОГА, ф. 133, опись 1, 1852 г., д. № 2952, л. 1—3 об.

2) Там же.

имущество, — отмечал он, — составляет самый благонадежный источник общественных богатств и должно занимать в ряде других статей городского дохода первое и главное место». Он указывал, что вся масса городских земель используется частными лицами безвозмездно; городская же дума, зная об этом, не принимает никаких мер. «Я, — писал Глинка, — предложил ныне той же комиссии заняться безотлагательно и преимущественно перед всеми другими делами выгонными землями»[1]).

Много внимания уделил Глинка порядку взимания сборов городом за аренду торговых и других помещений. Желая устранить возможность для городской думы покровительства исключительно интересам купечества и мещанства за счет выгод правительства, Глинка предлагал думе сдавать в аренду городские помещения только с торгов, а не по соглашению думы с отдельными лицами.

Центральное место в предложениях Глинки занимал вопрос о взимании городом поземельного сбора с купцов, мещан и дворян. Рассматривая этот вопрос, Глинка возмущался тем, что купцы и мещане, ранее платившие поземельный сбор наравне с другими сословиями города (дворянами), прекратили платеж поземельных денег «без всякого основания, самопроизвольно, пользуясь отсутствием должного наблюдения за выгодами города со стороны членов думы и прежнего горного начальства». Глинка упрекал думу в том, что она не заботится об интересах правительства, а стремится всячески отстаивать интересы купечества и мещанства. Он предложил думе приступить немедленно к взиманию поземельного сбора с купцов и мещан. Что же касается дворян и чиновников, то он полагал мозможным освободить некоторых из них от уплаты этого налога, поскольку они не получают никакой выгоды от своего имущества.

О соображениях комиссии по расходной части городского бюджета Глинка ограничился лишь несколькими замечаниями, основным из которых было указание о сокращении расходов по содержанию городских присутственных мест.

Оценивая указания Глинки, сделанные им думе, следует признать, что все они были направлены к тому, чтобы заставить мещанство и купечество города платить большие сборы в доход города и вместе с тем освободить от уплаты налогов значительную часть дворян и чиновников. «Справедливость, — писал Глинка, — требует, чтобы общественные тяжести возлагались главнейше на жителей оседлых, состоятельных, пользующихся преимущественно выгодами общественного устройства»[2]). И в этом случае сказалось стремление Глинки всячески оградить интересы дворян и чиновников горного ведомства.

Имея в виду эти же мотивы, Глинка в своем представлении министру финансов от 5 декабря 1853 года ставил вопрос о взимании новых сборов в Екатеринбурге: а) с земель, отводимых на городском выгоне под фабрики и заводы частных лиц, б) с мест, отводимых в городской черте под застройку. Затем Глинка предлагал министру ввести в Екатеринбурге сборы: а) с заезжих временно иногородних купцов, мещан и крестьян, б) с иногородних приказчиков I и II классов, в) с

---

[1]) СОГА, ф. 133, оп. 1, 1852 г., д. № 2952.
[2]) Там же.

промышленных заведений, помещающихся в жилых домах, г) с артистов, дающих публичные представления и концерты, и д) с извозчиков.

В течение четырех лет ходатайство Глинки обсуждалось в канцеляриях различных министерств и лишь 30 сентября 1857 года, уже после от'езда Глинки с Урала, вновь назначенный главный начальник горных заводов Фелькнер получил сообщение о том, что в городе Екатеринбурге разрешено ввести некоторые новые сборы[1]).

4.

После передачи Екатеринбурга исключительному ведению главного начальника горных заводов бюджет города окончательно утверждался главным начальником. Так, на запрос пермской губернской строительной и дорожной комиссии от 28 декабря 1851 года, когда будет утверждена роспись городских доходов на 1852 год, городская дума сообщала, что «роспись городских доходов и расходов на 1852 год городской думой представлена господину горному начальнику екатеринбургских заводов 15-го декабря 1851 года за № 657 и будет рассматриваться уральским горным правлением, утверждаться же господином главным начальником горных заводов Уральского хребта».[2]).

Городская смета детально рассматривалась горным начальником екатеринбургских заводов, затем горным правлением по 1-му департаменту и окончательно утверждалась главным начальником горных заводов. Конечно, при этом горное начальство, рассматривая городскую смету, заботилось, главным образом, об интересах горного ведомства и лишь затем принимало в расчет выгоды города.

Смета Екатеринбурга на 1855 год была представлена думой на рассмотрение горного начальника екатеринбургских заводов дважды. В первый раз горный начальник сделал думе незначительные указания. При вторичном рассмотрении он предложил ей: а) ассигновать средства на содержание канцелярии полиции, б) об'яснить, на каком основании дума внесла в смету расход на жалованье фельдшеру больницы при тюремном замке, в) отменить расход, предназначенный для исправления мостов по сибирскому и верхотурскому трактам, на сумму 2332 руб. г) сократить сумму, предназначенную на строительство трех каменных мостов внутри города, и, наконец, д) уменьшить на 62 руб. ассигнования города на содержание городского приходского училища[3]).

При обсуждении сметы в горном правлении она подверглась дополнительным изменениям. Были исключены из доходной части 5800 рублей, как доход, предполагаемый городом от взысканий недоимок прошлых лет. По мнению горного правления, эта сумма должна была быть причислена не к текущим доходам города, а к запасному или остаточному капиталу. Исключалась также сумма 2768 руб. 70 коп. от приращения процентного городского капитала через раздачу последнего в ссуду разным лицам; проценты по этой сумме предполагалось отнести в запасный капитал.

Резко была уменьшена также расходная часть городской сметы. Сокращение коснулось расходов на благоустройство города, т. е.

---

1) СОГА, ф. 133, опись 1, 1852 г., д. № 2952.
2) Там же, л. 44—46.
3) Там же.

таких расходов, которые непосредственно отвечали его насущным нуждам. Горное правление разрешило думе начать строительство вместо трех предположенных по смете каменных мостов через реку Исеть лишь одного стоимостью 1250 руб., исключило расход в 2187 рублей на осушку дороги около общественной скотобойни и сумму в 1110 рублей, предназначенную для освещения различных зданий и помещений города[1]).

Порядки, введенные Глинкой, не разрешали городской думе самостоятельно производить сдачу в аренду земель, городских помещений и другого городского имущества без личного согласия главного начальника. Даже отдача в аренду городских весов происходила по предложению горной администрации. Городская дума 14 января 1855 года слушала предложение горного начальника екатеринбургских заводов, коим предписывалось думе отдать городские весы в аренду на 1855 год мещанину Ананию Борисовичу Симанову.[2]).

Согласно предписания горного начальника екатеринбургских заводов от 2 января 1854 года, городская дума не имела права расходовать самостоятельно ни одной копейки; на всякий расход городских сумм она должна была получать разрешение горного начальника[3]).

5.

Лишенная всяких прав в разрешении даже незначительных хозяйственных вопросов, городская дума превратилась в орган исполнения приказов главного начальника горных заводов. Финансовое и хозяйственное положение города от этого не улучшилось.

Показательно сопоставление сметных ассигнований по основным источникам городских доходов и расходов сметы 1844 года,[4]) т. е. до подчинения города власти главного начальника и сметы 1855 года[5]), после подчинения города главному начальнику.

Доход города в 1844 году выражался в сумме 16415 рублей 56 1/2 к., а в 1855 году он был определен в сумме 23338 руб. 16 3/4 к. Таким образом, городской доход вырос за десять лет всего лишь на 6922 руб. 60 1/4 к. Эта сумма роста городского дохода свидетельствует о том, что под властью горного начальника финансовое положение города сколько-нибудь значительно не улучшилось.

Городские доходы увеличились, главным образом, за счет получения больших сборов с лавочников и приказчиков крупных торговцев, ведущих самостоятельную торговлю в городе. Наиболее же состоятельная часть населения—крупные торговцы—в 1855 году платили налогов на 193 руб. 45 коп. больше, чем в 1844 году (мы имеем в виду владельцев магазинов, гостиного двора) (М. Г.). Совершенно ничтожные суммы вносили в городскую кассу фабриканты и заводчики в уплату за отведенные им земли в городском выгоне: в 1855 году эта сумма составляла всего 81 рубль.[6]).

Никаких новых источников дохода за десятилетие город не при-

---

1) СОГА, ф. 25, опись 1, 1855 г., № 2478, л. 24—30.
2) Там же ф. 8, опись 1, 1855 г., д. № 1625, л. 55—56 и др.
3) Там же, л. 322—323.
4) Там же, ф. 8, опись 1, 1844 г., д. № 1099, л. 1—12.
5) Там же, ф. 25, опись 1, 1855 г., д. № 2478, л. 36—69.
6) Там же, ф. 25, опись 1, 1855 г., д. № 2487, л. 36—47.

обрел, если не считать 125 рублей, полученных им в 1855 году с мастеров и ремесленников.

Таким образом, несмотря на все грозные предписания Глинки городской думе, интересы крупного купечества и владельцев промышленных заведений были охранены.

Все городские расходы в 1844 году выразились в сумме 16413 руб. 15½ коп., а по смете 1855 года — в 18468 руб. 54 коп.

Расходная смета 1855 г. показывает, что город в 1855 году основную массу средств так же, как и в 1844 году, тратил на содержание мест городского и судебного управлений. Расходы по этим статьям ко всей сумме расхода города составляли 5562 руб. 53 коп., или около 33% всех расходов, 4269 руб. 64 коп. город расходовал на полицию, что составляло около 23%. Не лишне при этом отметить, что значительную сумму на полицию расходовало и горное ведомство, под начальством которого она и находилась.

Небольшая по размерам сумма 4089 руб., расходуемая городом на благоустройство, не могла удовлетворить насущные нужды городского хозяйства.

6.

Яркую характеристику отношения горной администрации к нуждам и интересам города дают материалы о строительстве в Екатеринбурге каменного Александровского моста через р. Исеть и материалы о введении газового освещения в городе.

В 1850 году Глинка, возбуждая ходатайство о подчинении Екатеринбурга главному горному начальнику, указывал, в частности, на то, что строительство Александровского моста не может быть осуществлено из-за двойной подчиненности города власти гражданской и горной. Казалось бы, что после подчинения города главному начальнику горных заводов вопрос о строительстве моста должен был быть разрешен положительно и притом в самый кратчайший срок. Тем не менее этого не произошло.

Еще в 1846 году екатеринбургский полицмейстер подал рапорт горному начальнику екатеринбургских заводов, в котором сообщал, что существующий Александровский мост пришел в ветхость и что он представляет весьма большую опасность при переезде через него. С апреля 1847 года началась переписка между городской думой, горным начальством и губернатором, а также другими лицами и ведомствами о постройке нового моста. Эта переписка продолжалась безрезультатно и после подчинения Екатеринбурга исключительной власти главного горного начальника. Бумаги было исписано много, а строительство моста не двигалось с места. В 1853 году при осмотре моста архитектором и полицией было установлено, что он находится в крайне опасном для переезда состоянии, и главная контора екатеринбургских заводов вынуждена была запретить езду по нему. Однако и эта мера все же не ускорила решение вопроса. Основным камнем преткновения являлось нежелание как гражданского, так и горного ведомства взять на себя расходы по строительству моста. Потребовался еще ряд лет, пока, наконец, мост был исправлен.[1]).

Глинка пытался заниматься вопросами освещения города. В 1847

---

[1]) СОГА, ф. 133, спись 1, 1846—1854 гг., д. № 4458.

году он обратился с письмом к министру финансов, в котором просил разрешить ему начать работы по введению газового освещения в казенных зданиях Екатеринбурга: в уральском горном правлении, в главной конторе екатеринбургских заводов, на монетном дворе, в гранильной и механической фабриках. «Осуществление этого предприятия, — писал Глинка, — не только вознаградило бы в скором времени употребленные для учреждения газового освещения издержки, но сверх того оно доставило бы немаловажные сбережения казне».[1]). Глинка также указывал, что реализация этого мероприятия принесла бы много пользы и городу, ибо «поскольку казенные здания находятся в центре Екатеринбурга, то предпринимаемое газовое освещение могло бы легко распространиться по всему городу».[2]).

Министерство положительно отнеслось к предложению Глинки, но осуществлено оно все же не было, так как на это дело потребовалось около 30 тысяч рублей.

Вопрос о газовом освещении был оставлен открытым, а переписка о нем была сдана в архив.

В 1853 году снова возник вопрос об освещении улиц Екатеринбурга, но уже спирто-скипидарной жидкостью. Однако и на этот раз он не был решен.

В своем отношении к горному начальнику екатеринбургских заводов от 16 мая 1856 года Глинка писал: «Я признаю лучше настоящее дело прекратить, тем более, что оно **не касается интересов заводов, а относится до удобства города и выгод городских доходов**».[3]). (подчеркнуто нами. **М. Г.**).

Приведенные факты ярко и убедительно показывают, как горная администрация в лице Глинки реагировала на нужды города. Горное начальство не прочь было поддержать инициативу городской думы, если эта инициатива отвечала интересам горного ведомства и не требовала каких-либо материальных затрат с его стороны.

В тяжелом положении находилось здравоохранение города. В Екатеринбурге имелась всего лишь одна городская больница на 20 коек.

Особенно серьезным бичом местного населения были венерические заболевания. Единственный врач города штабс-лекарь Ковалевский отказывался от осмотра и лечения больных, мотивируя тем, что лечить «всякую сволочь, снискавшую себе пропитание трудами с грехом пополам, не только невозможно, но даже и не должно». Даже полиция города была возмущена подобным отношением врача к больным и вынуждена была обратиться с жалобой в городскую думу. Так, в своем рапорте городской думе частный пристав второй части города сообщал, что городской врач, «не делая присланным девкам и женщинам никакого свидетельства, бросал пред'явленные ему билеты и выгонял из больницы, приговаривая при том, что таковых девок, не имеющих на себе приличного хорошего платья, ему не надо, а приказывал доставлять тех, которые одеваются в салопы и носят шляпки».[4]).

---

1) СОГА, ф. 133, опись 1, 1847 г., д. № 2941, л. 3—4.
2) Там же.
3) Там же, ф. 133, опись 1, 1853 г., д. № 2641, л. 46—47.
4) Там же, ф. 34, опись 1, 1854 г., д. № 490, л. 31—33, 53—54.

В 1854 году пермский губернатор вошел с представлением в министерство внутренних дел об устройстве при больнице Екатеринбурга отделения на 20 кроватей для сифилитичных больных, с отнесением нужного для этого расхода 3016 руб. ежегодно на доходы Екатеринбурга[1]).

Министерство финансов сообщило Глинке об этом предложении пермского губернатора.

Глинка отлично знал о том, что здравоохранение города организовано неудовлетворительно, тем не менее, он предложения губернатора не принял и, более того, выдвинул в своем ответном письме министру встречное предложение, которое сводилось к тому, что он, Глинка, не возражал бы против закрытия в городе единственной больницы. В 1855 году больница была закрыта, а больные, находившиеся в ней, переданы в Екатеринбургский заводской госпиталь[2]).

Узко-ведомственные интересы Глинка преследовал и в распространении образования среди жителей города. Все свое внимание он сосредоточивал на развитии горного образования, целью которого было готовить для уральских заводов сведующих уставщиков, мастеров и наставников для заводских школ. К периоду деятельности Глинки относится открытие в Екатеринбурге Уральского горного училища, которое в течение 40 лет было единственным не только на Урале, но и в стране учебным заведением по подготовке средних технических кадров для горно-металлургической промышленности.

Печать узко-ведомственных интересов лежит также на тех городских сооружениях, которые удалось осуществить Глинке за двадцатилетнее пребывание в Екатеринбурге. При Глинке были построены: каменная набережная у городского пруда, городской театр, благородное собрание, детский приют. Это новое строительство было подчинено прежде всего интересам горного ведомства и наиболее обеспеченной верхушки городского общества. Каменная набережная была выстроена лишь на той стороне берега заводского пруда, где были расположены здания главного начальника горных заводов, главной конторы екатеринбургских заводов и другие правительственные учреждения. Вся остальная часть пруда осталась без набережной. Что же касается городского театра, то он был выстроен, главным образом, для удовольствия горной администрации, а также купцов-золотопромышленников.

7.

В январе 1857 года на Урал приехал новый главный начальник горных заводов Уральского хребта генерал-майор Фелькнер.

Из найденного нами в материалах Н. К. Чупина частного письма неизвестного автора, датированного 1860 годом и адресованного в Петербург, видно, что уже в первые годы своей деятельности на Урале Фелькнер проявил себя, как ярый крепостник и самодур. Казалось, что с приездом на Урал нового начальника горных заводов должно было наступить некоторое облегчение в положении крестьян и мастеровых. Ведь Фелькнер приехал на Урал в период, когда правитель-

[1]) СОГА, ф. 43, опись 1, 1854 г., д. № 179, 1—2.
[2]) Там же, ф. 43, опись 1, 1854, д. № 179, л. 22—23.

ство готовило реформы 60—70 гг. В действительности этого не произошло. Более того, Фелькнер всячески поощрял и покрывал исключительно безобразные случаи издевательского отношения к рабочим со стороны отдельных управляющих горными заводами.

У неизвестного автора письма мы находим следующий очерк положения Урала под управлением Фелькнера:

«В продолжении трех с половиной лет управления Фелькнера, дела уральские,—пишет автор,—двинулись назад: пушек и ружий нет, добыча золота упала, 1,5 миллиона рублей прежнего дохода превратились в 400 тысяч рублей чистого дефицита, годовой заказ двух тысяч медной монеты не выполняется, злоупотребления с угнетением народа и кражею казны развились до крайности..., хищническим золотом открыто торгуют в Екатеринбурге, наконец, сам Фелькнер у всех, знающих его, пользуется самой невыгодной репутацией». Далее в письме излагаются факты издевательства начальника екатеринбургских заводов Миллера над рабочими людьми. В письме подчеркивается, что все это имеет место на глазах у Фелькнера, который старается ничего не замечать.

Автор письма буквально с мольбой обращается за помощью к важному сановнику в Петербурге: «Умоляю вас во имя правды и спокойствия страны принять участие в этом деле, не допустить, чтобы государь, после награды Фелькнера, был обманут в делах уральских, и еще раз, рассейте убеждение многих здесь, что правда доходит до императора на русском языке только через Лондон»... (Автор имеет в виду герценовский «Колокол», гул которого из Лондона доносился до Петербурга М. Г.). «Вас просит об этом Урал,—продолжает автор, — и особенно 100 тыс. его казенного народа, утопающего в грязи трехгодичного Фелькнера управления»[1]).

Для расследования многих жалоб, поступивших на имя министра финансов, была послана специальная комиссия на Урал. Последняя ничего преступного в деятельности Фелькнера не усмотрела и Фелькнер попрежнему оставался хозяином Урала.

В руках этого правителя и находился Екатеринбург в период с 1857 по август 1863 года.

8.

Приступив к исполнению обязанностей хозяина и командира города, Фелькнер уже в первые дни проявил большой интерес к городским финансовым делам. Восстановлена была деятельность комиссии по приведению в порядок доходов и расходов города, учрежденная еще при Глинке. Изучены и рассмотрены материалы о финансовом положении Екатеринбурга, имевшиеся в обильном количестве в горном правлении, в канцелярии главного начальника горных заводов и в других присутственных местах.

В ноябре 1857 года Фелькнер сообщил городской думе о том, что правительство не возражает ввести в Екатеринбурге ряд новых сборов, о чем еще в 1853 году просил разрешения у министра финансов Глинка.

Городской думе было разрешено взимать сборы в пользу города: а) с временно заезжих иногородних купцов, мещан и крестьян, б) с

---

[1]) СОГА, ф. 129, опись, 1, 1854 г., д. № 56, л. 86—91.

не принадлежащих городскому обществу приказчиков I и II классов, в) с земель, отводимых на городском выгоне под фабрики и заводы частных лиц, г) с мест в городской черте, отдаваемых обывателям под постройку домов, д) с помещенных в жилых домах заведений промышленности, е) с артистов, дающих в городе театральные представления и концерты и ж) с биржевых извозчиков.[1]).

Все эти вновь введенные сборы составляли крайне незначительную сумму и, конечно, не могли серьезно улучшить финансовое и хозяйственное положение города. В 1862 году эти сборы должны были дать городу следующие суммы: а) за отдаваемые в оброчное содержание под постройку фабрик, заводов и разных промышленных заведений земли в городском выгоне—508 руб. 86 коп., б) с извозчиков—149 руб. 70 коп., в) с артистов—78 руб. 50 коп., г) с заезжих временно иногородних купцов, мещан и крестьян—300 руб.[2]).

Сумма городского дохода за время управления городом Фелькнера росла так же медленно, как и при Глинке. По росписи Екатеринбурга на 1863 год обыкновенных доходов должно было поступить 24097 руб. 58 коп., а чрезвычайных — 10810 руб. 58 коп. В действительности доход, определенный сметой, в городскую кассу не поступал. Из года в год увеличивалась сумма недоимок по городу. На 1 января 1862 года эта сумма достигла 15709 руб. 55¾ коп. От уплаты налогов уклонялись, главным образом, владельцы промышленных заведений; значительная сумма недоимок числилась также за чиновниками и дворянами[3]). Последние уклонялись от уплаты городских налогов, имея поддержку в лице горной администрации, вначале Глинки, а затем — Фелькнера.

В период управления городом Фелькнера наиболее серьезные изменения имели место в расходной части городского бюджета. Намного увеличились расходы по содержанию городского управления и судебных мест города: если в 1855 году на это было израсходовано 5562 руб., то в 1862 году расход выражался уже в 8511 руб. — рост больше чем в полтора раза.

Совершенно исключительных размеров достигли расходы города на содержание полиции. Если в 1849 году по этой статье было израсходовано 4117 руб., а в 1855 году 4269 руб., то в 1862 году уже 5925 рублей. Кроме того, в 1862 году появился новый крупный расход у города—содержание тюремного замка—1597 рублей. Таким образом, на полицейскую часть и содержание тюремного замка город тратил более 7,5 тысяч рублей.[4]).

Значительное увеличение расходов города на полицию и войско в 1861—62 гг. об'яснялось еще и тем, что город должен был в это время участвовать в расходах по содержанию расквартированной еще в начале 1861 года в Екатеринбурге сотни казаков, присланных в распоряжение главного начальника горных заводов «для обеспечения порядка на горных заводах», ввиду предстоящих преобразований. 4 мая 1861 года Фелькнер в отношении горному начальнику екатеринбургских заводов, касаясь вопроса обеспечения прибывших в город казаков, писал: «Так как прибывший сюда и помещенный в казармах

[1]) СОГА, ф. 25, опись 1, 1857 г., д. № 2485, л. 44—46.
[2]) ЦГИАЛ, ф. хоз. деп. мин. вн. дел. 1859 г., д. № 226.
[3]) Там же, л. 398.
[4]) Там же, л. 390—396.

8-й линейной — оренбургского батальона отряд казачьей команды должен согласно 372 ст. устава о земской повинности (Свод законов, том IV, изд. 1857 г.) получать отопление и освещение за счет городских доходов, то я покорнейше прошу ваше высокоблагородие сделать распоряжение, чтобы здешняя городская дума отпускала Савину (начальнику отряда казаков. *М. Г.*) потребные дрова, свечи и деньги в определенном законами размере»[1].

Попрежнему город расходовал ничтожные средства на благоустройство, здравоохранение и образование. Расходы на благоустройство составляли шесть процентов ко всей смете городских расходов 1862 года. Что же касается здравоохранения, то город и при Фелькнере не имел своей городской больницы. Более того, несмотря на значительную часть женского населения, в городе не было повивальной бабки. В январе месяце 1862 года городская дума возбудила ходатайство перед горным начальством об определении для города повивальной бабки; горная администрация ответила отказом, раз'яснив, что «нет надобности иметь в городе особую бабку..., обязанности повивальной бабки могут без затруднения быть исполняемы горной и уездной бабкой»[2].

* * *

Период полного подчинения Екатеринбурга власти горного ведомства вошел в историю города, как самое тяжелое время в жизни его населения.

Методы командования горной администрации городом не улучшили тяжелого финансового и хозяйственного положения города, и привели к полному и окончательному уничтожению инициативы и самостоятельности городских учреждений.

Городское управление Екатеринбурга в течение 12 лет являлось придатком военно-полицейской машины горного ведомства, оно выполняло и решало задачи, поставленные горным ведомством в интересах укрепления самодержавно-монархического строя в России.

III. Екатеринбург в начале шестидесятых годов XIX века

1.

В начале 60-х годов XIX века Екатеринбург представлял из себя крупный горнозаводский и торгово-промышленный центр Урала и Сибири. Горнозаводская промышленность, будучи главным явлением экономической жизни Урала, сообщила городу особый отпечаток.

Земельные владения города составляли 6631 десятину и 1050 саженей, из которых под строениями, улицами, площадями и пустопорожними местами было занято 1268 дес. 1362 саж., а под городским выгоном—5362 дес. 2088 саж. земли.

В одной версте от Екатеринбурга, с западной стороны, находился частный чугуноплавильный и железоделательный Верх-Исетский завод наследницы Яковлева—графини Н. А. Стенбок-Фермор; с восточной, в пяти верстах, находилось Шарташское селение, принадлежавшее окру-

---

[1]) СОГА, ф. 43, опись 1, 1859 г., д. № 344, л. 33.

[2]) Там же, ф. 25, опись 1, 1862 г., д. № 2545.

гу Екатеринбургских казенных заводов, и с южной—в пяти верстах, Уктусское селение того же округа[1]).

В 1862 году население города составляло 20634 чел., в том числе 10426 мужчин и 10208 женщин. В социальном составе различались категории: мещан — 5098 чел., мастеровых и урочных рабочих горного ведомства — 4634 чел., солдат Оренбургского батальона — 1625 человек, уволенных с обязательной службы — 1488 чел., урядников и канцелярских служителей — 1136 чел., купцов—988 чел., служащих артиллерийского и прочего командования — 838 чел., чиновников — 834 чел., отставных солдат и вдов—788 чел., крестьян—645 чел., духовенства вместе с архиерейскими и монастырскими служителями — 643 чел., отставных мастеровых и вдов—580 чел., дворян—276 чел. и др.[2]).

Эти данные, однако, не вскрывают лица городского общества, так как из общей массы населения города **членами общества**, т. е. приписанными к городу, владеющими собственностью, считались всего 8847 человек, остальная же большая часть населения—11787 человек (5287 мужчин и 6500 женщин), хотя постоянно и проживала в городе, но приписана к нему не была, не пользовалась правами городских обывателей.

В числе не приписанных к городу жителей было: мастеровых и урочных рабочих горного ведомства—4709 чел., солдат линейного батальона — 1479, уволенных от обязательной горной службы — 1166, урядников и канцелярских служителей—899, солдат артиллерийского ведомства — 835, чиновников — 659, отставных солдат и вдов — 597, крестьян — 569, отставных мастеровых и вдов — 444, духовенства и монашествующих — 420, дворян — 226, бессрочно отпущенных — 222, иногородних мещан—201, иногородних купцов—107 и пр.[3]).

Сопоставляя данные о неприписанной части населения с данными об общем количестве и составе населения, мы видим, что членами городского общества в основном являлись мещане и купцы. Первых насчитывалось в городе 5488 чел., а вторых—881 чел. Ко всей массе приписанного населения к городу мещанство и купечество составляло большинство—6369 чел., или 73 проц.

Приписанных к городу дворян считалось всего 50 человек. Несмотря на свою малочисленность, они оказывали определенное влияние на дела городского общества, имея твердую опору в лице горной администрации, тем более, что большинство из них занимало посты ответственных чиновников в горном ведомстве.

Остальная часть населения города—мастеровые, урочные рабочие, урядники, солдаты разных категорий и другие—не являлись членами городского общества. Урочные рабочие не были каким-либо особым городским сословием, они полностью приравнивались к нижним рабочим чинам, т. е. состояли при казенных горных промыслах и заводах на правах военнослужащих. Поэтому, они подчинялись горному начальству на том же основании, как нижние военные чины военному на-

---

[1]) В окрестностях Екатеринбурга считалось жителей: в Верх-Исетском заводе 8973 чел., Шарташском селении—1768 чел. и Уктусском—2150 чел.

[2]) ЦГИАЛ, фонд хоз. деп-та МВД, 1859 г., д. № 226, л. 401.

[3]) Там же, л. 358—358 и др.

чальству; за уголовные преступления судились военным судом, свободны были от всех государственных податей и рекрутского набора[1]).

Закон не предоставлял им прав членов городского общества, почему они не могли принимать участия в деятельности городских учреждений и в решении вопросов о нуждах города. Только некоторые из них, владея в городе недвижимой собственностью и уплачивая в связи с этим городу налоги, могли быть причислены к городским обывателям. В ст. 399 горного устава было записано: «нижние рабочие чины, как отставные, так и состоящие на службе, кои несут по имеющимся у них домам какие-либо повинности, могут иметь место и голос в городском обществе»[2]).

В аналогичном положении находились и различные категории солдат, проживавших в Екатеринбурге[3]).

Анализ материалов о составе населения указывает на то, что членами екатеринбургского городского общества признавались все приписанные к городу лица, как проживающие в нем, так и жительствовавшие в других местах: потомственные личные граждане, записанные и не записанные в гильдии, купцы всех гильдий, мещане, а также иногородние лица торговых сословий, имевшие в Екатеринбурге недвижимую собственность. Подавляющая же часть населения Екатеринбурга—мелкое городское население находилось в таком же тяжелом положении, как и в других городах. «Под игом царского режима,—указывает товарищ Сталин,—стонет не только рабочий класс... Стонет мелкий городской люд, мелкие служащие государственных и частных учреждений, мелкое чиновничество—в общем то многочисленное мелкое городское население, существование которого, так же как и рабочего класса, не обеспечено и которое имеет основание быть недовольным своим общественным положением».[4]).

В 1861 году в городе насчитывалось 3386 жилых зданий; из них было: казенных — 27, церковных и монастырских — 19, общественных—4, частных—3336, причем каменных жилых домов было только 303, а деревянных — 3083.

Из вышеприведенных данных видно, что в городе преобладали и притом в огромном количестве деревянные постройки.

В числе 446 нежилых зданий (магазины, лавки и проч.) были 161 каменное и 285 деревянных.

Прав проф. И. Дитятин, указывавший, что в начале 60-х годов XIX века «все города русские, исключая столиц да немногих губернских городов, можно сказать, сплошь были деревянные»[5]) Екатеринбург не составлял исключения.

2.

Екатеринбург, являясь центром заводской, фабричной и горной промышленности Урала, по масштабам производства и торговли шел

---

[1]) Свод законов т. VII, изд. 1857 г., статья 342.
[2]) Там же, статья 399.
[3]) Там же.
[4]) Сталин, соч. т. 1, стр. 21—22.
[5]) И. Дитятин. Городское самоуправление в России. Ярославль, 1877 г., т. II.

впереди многих других крупных губернских городов России (Уфы, Перми и др.).

В 1861 году, в Екатеринбурге находилось 41 фабричное и заводское предприятие и в числе их: казенные — монетный двор, механическая фабрика, императорская гранильная фабрика, центральная химическая лаборатория, золотосплавочная, два кирпичных предприятия; частные: механическое заведение, водочный завод, кирпичное изразцовое предприятие, два гончарных, два экипажных, 11 салотопенных, кожевенное, клееварочное; три свечносальных, три свечновосковых, свечностеариновое, канатное, пять кирпичных и писчебумажная фабрика.

Частные фабрики и заводы принадлежали купцам, почетным гражданам, мещанам, удельным крестьянам. Так, владельцами салотопенных предприятий были—коммерции советник Михаил Пуров, почетный гражданин Владимир Казанцев, почетный гражданин Пикшанов, купцы Иван Фадеев и Василий Бородин; кожевенного — купец Евстрат Степанов, клееварного — почетный гражданин Владимир Казанцев, писчебумажного — купец Иван Верходанов, свечновоскового — купчиха Фекла Харитонова. Водочное предприятие принадлежало акцизно-откупному комиссионерству, кирпично-изразцовые — удельным крестьянам Титу Шлыкову, Симону Афонину и Кириллу Чеканному. Мещанину Дмитрию Калашникову и наследникам мещанина Константина Тенева принадлежали два кирпичных предприятия. В числе предпринимателей были и церкви: так, например, духосошествиевская церковь владела кирпичным предприятием.

Некоторые из упомянутых владельцев имели по нескольку предприятий. Почетный гражданин Владимир Казанцев и купец Иван Фадеев, кроме салотопенных, имели свечесальные, купец Евстрат Степанов, кроме кожевенного, — канатное и пр.

Заводская промышленность Екатеринбурга, принадлежавшая частным лицам, выпускала продукции более чем на 1,5 млн. рублей, причем ведущее место занимали салотопенные заводы, выпускавшие продукции на 1 млн. 100 тысяч рублей, сальносвечные — на 111500 руб., свечностеариновые—на 77275 рублей, водочное производство—на 37160 руб. и проч.[1]).

Большинство предприятий города было мелкими промышленными заведениями. Производство на многих из них было основано на ручном труде. Количество лиц, занятых на предприятиях, было невелико. На салотопенных заводах работало от 20 до 30 человек; на писчебумажной фабрике—до 40 чел. Несколько больше было занято на стеариновом и инструментальном заводах: на первом работало до 80 чел., на втором—до 100 человек. Всего лишь по несколько человек было занято на работах в изразцовых, клееварочных и кожевенных предприятиях. Здесь в среднем работало от трех до восьми человек. Общее количество занятых рабочих на фабриках и заводах, принадлежавших купцам и мещанству Екатеринбурга, колебалось в среднем в 1861 году от 500 до 600 человек.

Продукция салотопенных заводов отправлялась в Петербург. Механическое заведение выполняло заказы для пароходств. Продукция прочих заводов реализовалась на месте, в Екатеринбурге, и частично на

---

1) ЦГИАЛ, ф. хоз. д-т мин. вн. дел 1859 г., д. № 226, л. 403—404.

ирбитской, тюменской, маслянской и других ярмарках, а также отправлялась в Сибирь на золотые промыслы.

В ведении екатеринбургской ремесленной управы состояло шесть цехов: серебряный, живописный, портняжный, чеботарный, поваренно-пекарный и сапожный. В цехах было сосредоточено 34 производства, работало 224 ремесленника.

Ремесленники Екатеринбурга не представляли особого городского сословия; большинство из них принадлежало к мещанам и купцам. Из 224 ремесленников мещанами были 159, купцами 21, крестьянами 44 человека. Из них же проживало в Екатеринбурге: 12 ремесленников-купцов, 114 ремесленников-мещан. Остальные ремесленники—9 купцов, 45 мещан и 44 крестьянина считались иногородними.

Ведущее положение среди ремесленников принадлежало лицам, занимавшимся иконостасно-мебельным, портновским, чеботарным, малярным, стекольным, кровельным, серебряным, шорным, каретным, посудным, валяльным, булочным и пряничным ремеслами. Все эти ремесла насчитывали в городе 54 заведения. Больше всего было портновских—15, чеботарных насчитывалось 6, каретных—5, булочно-пряничных—5 производств[1]).

Ремеслами занимались и иностранцы, всего они имели в Екатеринбурге 11 ремесленных заведений.

Наибольшую славу приобрели ремесленники города, занимавшиеся обработкой уральских камней (топаза, аметиста, аквамарина, яшмы и др.). Этому в значительной мере способствовало существование в городе казенной императорской гранильной фабрики, продукция которой была широко известна в России и за ее пределами.

Сбыт ремесленных изделий производился в самом городе и частично на ирбитской и других ярмарках. В 1861 году было реализовано ремесленных изделий на сумму 166 тысяч рублей.

Серьезным препятствием в развитии кустарной промышленности Екатеринбурга являлось неограниченное господство помещиков-заводчиков, «основывающих свою промышленность на своем владельческом праве, а не на капитале и конкуренции. Монопольные начала горнозаводской промышленности Урала выразились в законе известной статьей 394-й т. VII свода законов (устав горный),—статьей, о которой так много говорилось и говорится в литературе об Урале. Закон этот, изданный в 1806 году, требует, во 1-х, разрешения горного начальства на открытие горными городами всяких фабрик, а, во-2-х, запрещает открытие в заводских округах «всех тех мануфактур и фабрик, которых все производство главнейше основывается на огненном действии, требующем угля и дров» (Ленин)[2].

3.

Развитие в широких масштабах промышленности в городе, расположение Екатеринбурга в центре горных заводов содействовали развитию торговли города. Кроме того, через Екатеринбург

---

1) ЦГИАЛ, ф. хоз. д-т МВД, 1859 г., д. № 226, л. 402.
2) В. И. Ленин, соч., т. II, изд. IV, стр. 418—419.

проходила вся масса товаров из внутренних губерний в Сибирь и на ирбитскую ярмарку, что также стимулировало рост торговли. Наконец, Екатеринбург являлся местом, куда свозился хлеб из соседних к городу хлебородных уездов — Камышловского, Шадринского и других.

Екатеринбургские купцы и мещане торговали шелковыми, шерстяными, бумажными, бакалейными товарами, галантерейными вещами, виноградными винами, чугунными и железными изделиями, рыбой, преимущественно сибирской, а также рогатым скотом.

Главными предметами торговли были сало, коровье масло, хлеб и железо. В 1861 году сала было продано на сумму 1 миллион 300 тысяч рублей.

На какую сумму привозилось и продавалось в городе хлеба, определить трудно. Кроме жителей самого города, хлеб приобретался на рынках Екатеринбурга казною для продовольственного снабжения мастеровых монетного двора, механической и гранильной фабрик, а также покупался жителями окрестных селений и соседними заводами — Верх-Исетским, Шайтанским, Сергинским, Невьянским и другими для удовлетворения потребности в нем людей, работавших на заводах.

О значительных размерах торговли в Екатеринбурге в начале 60-х годов свидетельствует и то, что у местного частного маклера заверялись разного рода денежные документы на сумму до 820 тысяч рублей в год. У публичного нотариуса было заключено контрактов на сумму 173 тыс. рублей, а у маклера слуг и рабочих людей—на 124 тысячи рублей[1]).

Наличие крупной торговли подтверждается также числом об'явленных в городе купеческих капиталов. В 1862 году было об'явлено капиталов: по первой гильдии 2, по второй—39, по третьей—119. Из числа об'явивших капиталы по первой и второй гильдии 21 предприниматель не только вел торговлю в городе, но одновременно владел золотопромышленными предприятиями в Верхотурском уезде, в Сибири и Оренбургском крае. С оренбургских и верхотурских приисков екатеринбургское купечество представило в 1861 году в казну более 23 пудов золота на сумму 325.467 рублей серебром.

Наконец, для более полной картины торговли города можно привести данные о количестве торговых помещений, а также других, связанных с ними, заведений. В 1861 году в Екатеринбурге было: лавок городовых каменных—112, деревянных—38, городовых подвижных лавочек—21, частных лавок каменных—51, частных подвижных лавочек—404, лавок под частными домами—109, магазинов в частных домах—13, трактиров—1, гостиниц—1, постоялых дворов—66[2]).

Крупных ярмарок в Екатеринбурге, на которые бы приезжали иногородние купцы, не существовало. Только дважды в год бывали так называемые торжки — перед 29 июня и 24 ноября. На первом торжке продавали, главным образом, лошадей, приводимых в Екатеринбург из Сибири, на втором — рыбу.

4.

Характеристика Екатеринбурга начала 60-х годов XIX века была бы неполной, если бы мы ничего не сказали о культурных учрежде-

---

[1]) ЦГИАЛ, фонд хоз. деп-та МВД, 1859 г., д. № 226, л. 408.
[2]) Там же, л. 395.

ниях города. В 1861 году в городе существовали: мужская и женская гимназии, уездное, приходское, уральское горное и духовное училища. Некоторые из них, как, например, приходское училище, содержались исключительно на средства города, другие—мужская гимназия и уездное училище—пополам с министерством просвещения.

Контингент учащихся в учебных заведениях был невелик; он охватывал всего несколько сот человек.

Город имел единственный театр, построенный в 1843 году на средства Рязанова и К°. В 1845 году здание театра было вновь отстроено, зрительный зал был расширен и вмещал более 600 человек. В театре играла труппа, руководимая П. А. Соколовым — первым екатеринбургским постановщиком и режиссером.

При главном управлении уральских заводов работала одна центральная библиотека, предназначенная преимущественно для горных инженеров. Она насчитывала в своих фондах несколько тысяч томов русских и иностранных книг и периодических изданий.

При Уральском горном училище был создан первый музей, располагавший хорошими минералогической, геогностической и металлургической коллекциями и моделями машин и разных устройств, употребляемых в горных производствах.

Таков был город Екатеринбург в момент его перехода из горного в гражданское ведомство; в таком виде он начинал новую страницу своей истории.

IV. Передача Екатеринбурга из горного в гражданское ведомство

1.

В результате проведения реформы 1861 года создались благоприятные условия для глубокого расслоения крестьянского населения. «Остатки крепостнического хозяйства, громадные подати и выкупные платежи помещикам, которые нередко превышали доходность крестьянского хозяйства, вызывали разорение, обнищание крестьянских масс, заставляли крестьян уходить из деревень в поисках заработка. Они шли на фабрики и заводы»[1]). Это ускорило процесс роста городов. Увеличилось количество жителей не только в таких крупных городских центрах, как Петербург и Москва, но и во многих губернских и уездных городах.

О росте городского населения после реформы 1861 года свидетельствуют данные следующей таблицы[2]):

Название города	Число жителей		
	1847 г.	1861 г.	1867 г.
Архангельск	10423	11146	19936
Воронеж	32040	39515	41592
Вятка	7518	14867	19885
Орел	32257	35818	43575
Пермь	11637	13472	22712

1) «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 6.

2) Источником для составления таблицы явились: 1. Статистические таблицы о состоянии городских поселений европейской России. Изд. МВД. 1861—1862. 2. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи в 1848 г. Изд. МВД. 3. Статистический временник Рос. имп. Изд. МВД, т. 1, 1871 г.

Саратов	52329	83827	93218
Ярославль	30966	31609	37275
Екатеринбург	17374	20634	24508

В связи с реформой 1861 года наблюдается также рост отдельных городских сословий: увеличивается количество купечества, особенно возрастает сословие мещан и посадских, в число которых входят также вольнонаемные рабочие, цеховые, ремесленники и др. Конечно, надо иметь в виду, что официальная статистика скрывала под названием «посадских» и «мастеровых» ту часть рабочих, которая вербовалась из выходцев юридически раскрепощенной деревни.

Классовое расслоение города приобретает к 1870 году совершенно ясное очертание. «После падения крепостного права в России, — указывает Ленин, — все быстрее и быстрее развивались города, росли фабрики и заводы, строились железные дороги. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая. На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину вырастало новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, городах, научившихся кое-чему из городского опыта бродячей жизни и наемной работы. В крупных городах, на фабриках и заводах все увеличивалось число рабочих»[1]).

Несмотря на значительный рост числа городских жителей, экономическое положение русского города в 60-х годах XIX века было исключительно тяжелым. Огромная масса уездных городов в экономическом отношении мало чем отличалась от деревень. Доходы даже столичных городов — Петербурга, Москвы — не превышали миллиона рублей, из которых большая часть расходовалась на содержание полиции, войска и т. п. А если взять губернские и уездные города, то доходы их были совсем незначительными.

Городские доходы составляли в среднем[2]):

в	10	городских поселениях	от	250	до	500	руб.
в	36	» »	»	500	до	1000	руб.
в	159	» »	»	1000	до	2500	руб.
в	13	» »	»	более		5000	руб.
в	79	» »	»	5000	до	10000	руб.
в	57	» »	»	10000	до	25000	руб.
в	20	» »	»	25000	до	50000	руб.
в	13	» »		более		50000	руб.

В эти же годы доходы городов Урала, находившихся в пределах Пермской губернии, составляли: Екатеринбурга — 35107 руб., Перми — 25691, Ирбита — 13375, Шадринска — 8404, Кунгура — 7609, Чердыни — 5001, Камышлова — 4347, Соликамска — 4943, Верхотурья — 3363, Красноуфимска — 2714, Осы — 2498, Оханска — 2118, Далматова — 2220. Только в двух уральских городах — Екатеринбурге и Перми — городской доход был более или менее значительным.

---

[1]) Ленин. Соб. соч., изд. 2, т. XV, стр. 109.

[2]) «Материалы относящиеся до нового общественного устройства в городах империи», том I. Изд. хоз. д-та МВД, С.-Петербург, 1877 г., стр. 182—183.

Недостаток денежных средств самым отрицательным образом отражался на благоустройстве городов, которое было крайне неудовлетворительным. Здания в губернских городах, не говоря уже об уездных, были в большинстве случаев деревянные; каменных построек было крайне мало.

В Екатеринбурге в 1867 г. каменных зданий было всего 318, а деревянных — 2813, в губернском городе Перми каменных зданий было 94, деревянных — 2958. В Оханске было только 2 каменных здания, в Верхотурье — 5, в Красноуфимске — 5, в Алапаевске — 9, в Далматове, — 12, в Чердыни — 18, в Соликамске — 20, в Камышлове — 22, в Шадринске—48, в Кунгуре—78; несколько больше их было лишь в Ирбите — 183.

Еще в более худшем положении, нежели в Пермской губернии, находилось городское хозяйство и благоустройство других городов империи — Оренбургской и прочих губерний.

2.

На протяжении всего 1859 года министр внутренних дел Ланской получал много донесений начальников различных губерний, возбуждавших вопрос о необходимости принятия срочных мер для оздоровления хозяйства и финансового состояния русских городов. Донесения начальников губерний выражали настроения экономически окрепшей буржуазии, желавшей проведения городской реформы.

При тяжелом экономическом состоянии городов общественное управление в них находилось в крайне расстроенном состоянии или вовсе отсутствовало. До введения городового положения 1870 года в 211 городах совсем не имелось нормального городского управления и зачастую все функции городских органов исполняли правительственные учреждения и, в первую очередь, органы полицейской власти.

Министр внутренних дел Ланской долго колебался, прежде чем поставил вопрос о реформе городского управления в комитете министров. Только 27 февраля 1860 года Ланским была написана записка для комитета министров. В этой записке Ланской указывал, что основная причина, побудившая министерство внутренних дел ставить вопрос о городской реформе, заключается в необходимости положить конец финансовой несостоятельности городов; улучшить их экономическое состояние и освободить государственный бюджет от несения всяких расходов по городам. Министерство, проектируя городскую реформу, меньше всего помышляло об интересах городского общества, оно больше руководствовалось финансовыми интересами правительства.

При обсуждении вопроса в комитете министров 22 марта 1860 года предложение Ланского о преобразовании городских учреждений во всех губернских городах большинством пятнадцати голосов было отвергнуто, на том основании, что «в настоящее время, когда правительство озабочено разрешением столь важных вопросов и многочисленных вопросов по преобразованию разных отраслей государственного устройства, возбуждение нового еще вопроса о повсеместном преобразовании городского общественного управления на предполагаемом основании было бы крайне неудобно и даже вредно». И далее в мнении комитета указывалось: «подобное распоряжение повлекло бы за собой многочисленные собрания лиц, к разным сословиям принадлежащих, что,

как известно, нередко давало повод к распространению превратных и даже неблагонамеренных толков»[1]) (подчеркнуто нами **М. Г.**).

Комитет министров сделал лишь незначительный шаг в направлении, позволяющем министерству внутренних дел начать работу над городской реформой. Комитет принял решение сначала провести реорганизацию городского управления в городах Москве и Одессе, а затем разрешить вопрос об остальной массе губернских и уездных городов. Это мнение комитета было одобрено Александром II.

3.

Но и половинчатое решение комитета министров в течение более двух лет оставалось записанным только на бумаге. Комитет министров и царь всячески задерживали начало работ по проведению городской реформы.

Только 26 апреля 1862 года министерство внутренних дел подписало циркуляр за № 61 «О доставлении соображений относительно улучшения общественного управления в городах», чем было положено начало работам министерства по проведению городской реформы.

Циркуляр предлагал губернскому начальству учредить в губернских и других городах комиссии «из наиболее опытных и сведущих лиц, с приглашением в оные депутатов от всех сословий города». Эти комиссии должны были дать свои ответы министерству внутренних дел по составленной министерством программе.

Программа министерства, на основании которой городские комиссии должны были составить свои соображения, состояла из трех разделов. В первом разделе были отражены важнейшие недостатки действующей системы городского управления. Во втором излагались главные начала, принятые министерством для предстоящей городской реформы. В третьем разделе были сформулированы 10 вопросов, на которые городские комиссии должны были представить свои ответы в министерство[2]).

---

1) ЦГИАЛ, фонд хоз. деп-та мин. вн. дел, д. № 226, ч. 1, 1859 г., л. 65—68.

2) Были предложены следующие вопросы: 1) какие условия городской жизни заключает в себе называемая городом (или посадом) местность, в которой предполагается преобразовать общественное управление, 2) при каких условиях поселившиеся в городе жители должны считаться членами городского общества и на какие разряды или сословия жители эти могут быть разделены, 3) в чем состоят общественные дела городского общества и отдельных городских сословий, 4) какие учреждения и должности надлежит установить для заведывания общественными делами, 5) при каких условиях городские обыватели могут получить право голоса в выборе уполномоченных (выбранных и гласных), 6) какие условия должны соединять в себе лица, избираемые в общественные должности, 7) каким образом должны быть определяемы права избирателей и избираемых, 8) какой порядок должен быть установлен относительно составления общественных собраний (для выборов, а также, каким образом должны производиться самые выборы, 9) должны ли быть составляемы и какие именно собрания для выборов некоторых сословий в частности, 10) на какой срок должны быть избираемы должностные лица и какие преимущества надлежало бы присвоить лицам, состоящим в городской службе. «Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи». Изд. хоз. деп-та мин. вн. дел. Том. 1. С.-Петербург, 1877 г., стр. 7—28.

Тридцать пять экземпляров программы в числе других начальников губерний получил пермский губернатор.

В своем отношении на имя министра внутренних дел от 6 июня 1862 года он сообщал, что на основании постановления пермского губернского правления, состоявшегося 13 июля, городским головам Перми, Кунгура, Шадринска, Камышлова, Верхотурья, Соликамска, Ирбита, Чердыни и бургомистрам городов Осы и Красноуфимска послано по два экземпляра программы и предложено учредить особые комиссии из наиболее опытных и сведущих лиц с приглашением депутатов от всех сословий города, владельцев недвижимой собственности: одного от потомственных дворян, одного от личных дворян и почетных граждан, одного от купцов и одного от мещан и ремесленников[1]).

Следует отметить, что состав городских комиссий министерством внутренних дел точно предусмотрен не был. На местах губернаторы по своему усмотрению решали вопрос о представительстве сословий города. Были и такие губернаторы, которые вообще считали излишним участие в комиссиях представителей от городского общества. Так, например, оренбургский генерал-губернатор сообщал министерству, что он «признал излишним выбор особых депутатов из городских сословий»[2]).

Учрежденные в городах комиссии обязаны были немедленно приступить к работе с тем, чтобы они могли к 15 августа 1862 года прислать свои соображения пермскому губернатору для представления их в министерство.

4

Особо стоял вопрос о разработке соображений городами Екатеринбургом и Дедюхиным. Оба эти горных города находились в подчинении горного ведомства. Поэтому вопрос был передан на рассмотрение горного начальника екатеринбургских заводов и соляного правления города Дедюхина[3]).

17 августа 1862 года заместитель управляющего министерством финансов сообщил министру внутренних дел, что горный начальник екатеринбургских заводов разработку соображений по городу Екатеринбургу возложил на состоящую при городской думе комиссию по приведению в известность доходов и расходов города, с включением в ее состав нескольких представителей от городских сословий. Но вследствие отказа комиссии составить соображения под предлогом того, что состав комиссии по приведению в известность доходов и расходов города не отвечает требованиям, указанным в циркуляре министерства внутренних дел от 26 апреля 1862 года, горный начальник екатеринбургских заводов вынужден был организовать особую комиссию. В состав комиссии вошли: городской голова и полицмейстер города Екатеринбурга, контролер главной конторы екатеринбургских заводов, гласный городской думы, пять представителей от купцов, пять от мещан, шесть от дворян и разночинцев и пять от ремесленников. Председателем комиссии был назначен второй член

---

1) ЦГИАЛ, фонд хоз. деп-та МВД, 1859 г., д. № 226, ч. 1, л. 284—285.

2) Там же, л. 257.

3) Там же, л. 235.

главной конторы екатеринбургских заводов, надворный советник Иван Ильин[1])

Занятия комиссии начались 21 августа 1862 года. До 17 сентября они заключались в собирании различных сведений о городе по вопросам программы, присланной из министерства, в рассмотрении собранных сведений на общих заседаниях комиссии и, наконец, в проектировании некоторых ответов, требуемых программой.

17 сентября 1862 года депутаты от торгово-промышленных сословий города—купцы, мещане, ремесленники—с участием одного депутата от дворян и чиновников, титулярного советника Кунгурцева, представили в комиссию проект «Относительно нового управления общественными делами города Екатеринбурга», содержание которого выражало интересы верхушки городского общества, главным образом, купечества.

При рассмотрении проекта в комиссии выявились серьезные разногласия между депутатами купечества, мещан и цеховых и представителями горного начальства — официальными членами комиссии — и дворянами.

При обсуждении же вопроса о том, кому должен быть подчинен город Екатеринбург в административном отношении после проведения городской реформы, состав комиссии резко разделился на два лагеря.

Депутаты от торгово-промышленных сословий настойчиво и упорно отстаивали необходимость подчинения города Екатеринбурга губернской администрации. Депутаты же от дворян и чиновников, а также официальные члены комиссии считали возможным оставить существующий порядок, т. е. сохранить подчинение Екатеринбурга горному начальству.

Депутаты торгово-промышленных сословий указывали, что разделение административной власти совершенно неудобно для дел городского общества, ибо выполнение требующихся формальностей затрудняет городское управление, что освобождение горнозаводских людей от обязательной службы делает излишним зависимость городского управления от горного начальства, ибо горное начальство не будет принимать участие в отправлении за своих заводских людей повинностей по городскому бюджету. Далее они указывали: «Город Екатеринбург, как город по степени своей уездный и сравненный в платеже пошлин за производство торговли с городами губернскими и портовыми, должен быть вовсе из'ят из зависимости горного начальства»[2]).

Купечество, мещанство и ремесленники не хотели иметь городское управление, зависимое от горного начальства, власть которого более полустолетия тяготела над городским обществом. Они хотели иметь больше самостоятельности в решении своих общественных дел. Общий под'ем экономического положения страны по-иному определил отношение торговых сословий города к вопросу организации городского управления. Именно этим и следует об'яснить ту настойчивость, с которой они отстаивали свое мнение.

Кроме того, они выдвигали и другое предложение: во главе городского управления должно стоять лицо, принадлежащее к купечеству. «Городской голова, — писали они в статье 23-й проекта, — избирается преимущественно из торгового

---

1) ЦГИАЛ, ф. хоз. д-та. мин. внут. дел. 1859 г., д. № 226 ч. I. л. 342—343, 372—373.

2) Там же, ф. хоз. д-та мин. внут. дел. 1862 г., д. № 161, л. 5—14 одр.

класса лиц» (разрядка наша.—М. Г.) и из дворян и чиновников, занимающихся значительным торгом и промыслом, как более заинтересованных в обширности происходящей здесь торговли[1]).

Стремясь во главе городских дел поставить своего человека, купечество предполагало этим обеспечить свое влияние на городские дела.

Оно предлагало также создать общую распорядительную думу в городе, упразднить депутатское собрание и провести ряд других изменений в управлении городом.

Депутаты от дворян и чиновников и официальные члены комиссии выразили явное неудовольствие содержанием проекта. Однако своих предложений при обсуждении его в комиссии они не сделали, ограничившись обещанием представить свои письменные замечания.

5.

До начала октября депутаты от торговых сословий терпеливо ожидали поступления в комиссию замечаний, а затем отослали свой проект в министерство и копию пермскому губернатору без окончательного обсуждения в комиссии.

2 октября 1862 года в министерство внутренних дел поступила телеграмма начальника Пермской губернии, в которой сообщалось: «В связи с разногласием в комиссии екатеринбургского городского управления дворянских депутатов с депутатами торговых сословий последние послали эстафетой в министерство проект, не рассмотренный комиссией и не подписанный дворянами»[2]).

Действия депутатов от торговых сословий вызвали сильное раздражение местной горной администрации. Горный начальник екатеринбургских заводов в своем рапорте на имя главного начальника горных заводов Уральского хребта писал, что, в связи с самовольным действием депутатов от торговых сословий, он вынужден был вызвать их к себе, иметь с ними длительные и неприятные об'яснения и об'явить им, что «настойчивое желание депутатов от купцов и мещан представить свое мнение отдельно от депутатов — дворян и чиновников, — показывает их стремление сохранить сословное разделение в деле, в котором правительство считает его одним из главных недостатков», что «из слов и поступков» депутатов он, к сожалению, видит «вмешательство личных интересов в дело общественное» и что, наконец, депутаты, представив «свое мнение» в министерство до «обсуждения его в комиссии», поступили самовольно и даже «отступили от порядка, требуемого законом»[3]).

В заключении рапорта горный начальник добавил: «К таким поступкам в настоящем деле депутаты, как полагать должно, руководимы были каким-нибудь одним лицом из своей среды»[4]).

Действия депутатов от торговых сословий были неслыханной дерзостью по отношению к горному начальству, считавшему себя единственной властью в городе. Горное начальство не хотело понимать того, что в жизни страны в связи с проведением реформы 1861 года проис-

---

1) ЦГИАЛ, фонд хоз. деп-та мин. вн. дел, 1862 г., д. № 161, л. 5—14 об.
2) Там же, 1859 г., д. № 226, ч. 1, л. 320.
3) Там же, 1862 г. д. № 161, л. 62—64.
4) Там же.

ходили определенные изменения, не хотели мириться с тем, что власть горного начальства над городом должна была в самое ближайшее время отпасть, что времена Глинки и Фелькнера, времена, когда горная администрация могла безраздельно командовать городским управлением, уходили в прошлое. Горное начальство наперекор всем событиям пыталось удержать в своих руках бразды правления городом.

6.

Очередное заседание комиссии с участием представителей от городского общества состоялось 17 сентября 1862 года, затем вновь оно было созвано лишь 8 января 1863 года.

На заседании 8 января депутатам был предложен проект ответов по программе министерства внутренних дел, составленный официальными членами комиссии — городским головой, полицмейстером, представителем от конторы горных заводов и другими.

Решая основной вопрос, кому должно быть подчинено городское управление Екатеринбурга после проведения городской реформы, официальные члены комиссии уклонялись от прямого ответа. «Городское управление, — писали они, — должно обращаться к ближайшему начальству». Какое это будет начальство, в ответах замалчивалось, но предполагалось, что, поскольку горное начальство находится в самом городе Екатеринбурге, следовательно, городское управление должно зависеть от него[1]).

Чем об'яснить, что официальные члены комиссии не хотели дать определенного ответа на вопрос, вызвавший фактически раскол в комиссии? Это явилось, надо полагать, следствием того, что само горное начальство, выразителем интересов которого были в комиссии ее официальные члены, не знало точку зрения правительства. Решать же вопрос самостоятельно оно воздерживалось, хотя и приняло меры к тому, чтобы депутаты от городских сословий отстаивали существующий порядок подчинения города Екатеринбурга[2]).

Что касается выбора городского головы, то официальные члены комиссии предполагали избирать его от всех сословий города.

Официальные члены комиссии отвергали необходимость образования в городе отдельного сословия ремесленников под предлогом, что их в городе всего 224 человека и что они в массе своей состоят из купцов, мещан или из лиц, не принадлежащих к купечеству и городским податным сословиям[3]).

Наконец, официальные члены комиссии возражали против предложенного депутатами торговых сословий возрастного ценза лиц, имеющих право избрания выборных. По мнению официальных членов комиссии, это право должно было быть предоставлено лицам, достигшим 21 года, а не 25 лет, как это предлагалось в проекте депутатов торговых сословий. В остальном официальные члены комиссии в той или иной степени поддерживали проект депутатов от торгово-промышленных сословий[4]).

Оценивая общий характер ответов, составленных официальными

---

1) ЦГИАЛ, ф. хоз. деп. МВД, 1862 г., д. № 161, л. 48—50.
2) Там же, л. 28—31, 48—50.
3) Там же.
4) Там же.

членами комиссии, можно утверждать, что все они в совокупности не выходили за рамки пожеланий и интересов горной администрации.

На этом же заседании комиссии были оглашены замечания депутатов от дворян и чиновников на проект депутатов от торгово-промышленных сословий, изложенный последними в комиссии 17 сентября 1862 года.

Трое из четырех депутатов от дворян отстаивали необходимость сохранить подчинение города Екатеринбурга горному начальству, причем это мнение наиболее подробно обосновал коллежский ассесор Чубарков. Охарактеризовав положение горного города на основании действующего законодательства, он отметил, что Екатеринбург всегда пользовался большим вниманием со стороны горной администрации, «Екатеринбургское городское общество пользовалось и пользуется, — указывал Чубарков, — существенным покровительством от горного ведомства... которое в видах благоустройства города постоянно содействует в изыскании средств к увеличению городских доходов»... И далее: «городское управление не встречает затруднений в успешном ходе дел»... более того, горное начальство всячески помогает благоустройству города и развитию городского хозяйства. После сего влияние горного начальства... при новой организации общественного управления представляется **не только полезным, но и необходимым**»[1]). (Подчеркнуто нами М. Г.). Чубаркова поддержал коллежский советник Победоносцев и другие депутаты от дворян и чиновников.

Депутаты от дворян и чиновников защищали также положение, выдвинутое официальными членами комиссии об избрании городского головы преимущественно из дворян. Титулярный советник Тимофеев указывал, что при выборе городского головы «не должно обращать внимание на состояние людей, хотя бы выбираемое лицо в головы и не имело никакой собственности или другого рода состояния, ибо городской голова есть начальник всего общественного управления, представитель всех сословий... городского голову было бы более полезно выбирать из лиц с образованием высших учебных заведений и при этом приобретших полную опытность по службе»[2]) (Разрядка наша М. Г.).

Как известно, лиц с высшим образованием и при том «имевших полную опытность по службе» можно было найти в то время, главным образом, в среди дворянства. Из предложений Тимофеева вытекало, что городского голову наиболее целесообразно избирать из дворян.

Официальные члены комиссии и депутаты от дворян и чиновников пытались склонить депутатов от торгово-промышленных сословий изменить свое мнение, изложенное ими в проекте от 17 сентября 1862 года, однако успеха не имели.

В своем письме в комиссию от 29 января 1863 года депутаты торгово-промышленных сословий указывали, что в ответах, составленных официальными членами комиссии, они не находят таких предложений, которые бы убеждали их в «необходимости изменить их мнение».

Письмо заканчивалось выводом: «Само отдаление окончания дела сего (имелось в виду представление соображений министерству —

---

1) ЦГИАЛ, ф. хоз. деп-та МВД, 1862 г., д. № 161, л. 32—43.

2) Там же, стр. 19—27.

М. Г.) едва ли поведет к ожидаемым от него результатам, ибо назначенный срок давно уже минул, а медлительность одного городского общества не сильна к остановлению общего государственного дела»[1]).

Депутаты от торгово-промышленных сословий отказались подписать ответы, составленные официальными членами комиссии. Ответы были направлены в начале февраля 1863 года в министерство не подписанными депутатами от торгово-промышленных сословий.

В связи с тем, что ответы комиссии были получены в министерстве с большим опозданием и не были подписаны депутатами от торгово-промышленных сословий, министерство не включило их в «Свод соображений местных комиссий об улучшении городского общественного управления»[2]) и, следовательно, не учитывало их при составлении нового городского положения. Опасения депутатов от торговых сословий оказались, таким образом, справедливыми. Соображения екатеринбургской комиссии не имели никакого значения при проведении городской реформы 1870 года.

7.

Иначе обстояло дело с проектом, составленным депутатами купечества, мещан и цеховых. В октябре месяце проект был рассмотрен министром внутренних дел и уже 24 октября был сделан запрос министру финансов по поводу того, считает ли он необходимым изъять городское управление Екатеринбурга из ведения горного начальства[3]).

В своем ответе 9 июля 1863 года министр финансов сообщал, что «покуда значительная часть населения города Екатеринбурга, состоящая из мастеровых и урочных работников тамошнего монетного двора и механической фабрики, находилась в исключительной зависимости от горного ведомства, до тех пор означенный город имел отличный от других городов Пермской губернии характер и подчинение городского управления горному начальству соответствовало тогдашним обстоятельствам», но, поскольку «заводские люди получили свободу от прежних обязательных к заводам отношений, перешли уже в городские сословия и вместе с тем поступили в заведывание общих губернских и уездных учреждений, удерживать существующий порядок подчиненности не представляется необходимым»[4]).

31 июля 1863 года министр внутренних дел этот вопрос передал в комитет министров. В своей записке министерство указывало, что оно находит более соответственным подчинить город Екатеринбург «на общем основании губернскому начальству»[5]).

Комитет министров на заседании от 13 августа отнесся положительно к ходатайству министерств внутренних дел и финансов[6]).

В сентябре месяце 1863 года последовал указ сената о передаче города Екатеринбурга из горного ведомства в гражданское. Текст указа гласил: «депутаты от городских сословий

---

[1]) ЦГИАЛ, ф. хоз. деп-та МВД, 1862 г., д. № 161, л. 28—31.

[2]) «Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи». Изд. хоз. деп-та МВД, 1877 г., т. 1 стр. 33—173.

[3]) ЦГИАЛ, ф. хоз. деп та мин. вн. дел, 1862 г., д. № 161, л. 44.

[4]) Там же, л. 46—47.

[5]) Там же, л. 66—67.

[6]) Там же, л. 70.

города Екатеринбурга, назначенные в учреждённую там, по распоряжению горного начальства, комиссию для составления соображений об улучшении общественного управления... представили эти соображения в министерство внутренних дел, причем выразили, между прочим, мнение о необходимости из'ятия общественного управления города Екатеринбурга из ведения горного начальства. Принимая во внимание, с одной стороны, что город Екатеринбург был подчинен в отношении своего хозяйства и общественного управления горному начальству по участию сего последнего в отправлении городских повинностей за своих заводских людей, составлявших значительнейшую часть населения Екатеринбурга, а с другой, имея в виду, что с прекращением обязательных для сих людей к горным заводам отношений, мастеровые и урочные работники перешли уже в городское сословие и вместе с тем поступили в ведомство общих губернских и уездных учреждений, министерство внутренних дел, согласное с заключением по сему предмету министерства финансов, нашло, что затем было бы более соответственным город Екатеринбург подчинить на общем основании губернскому начальству»[1]).

Период господства горного ведомства в делах городского управления Екатеринбурга закончился. Новые времена привели за собой и новые порядки...

Анализ материалов деятельности екатеринбургской комиссии по составлению соображений приводит нас к следующим выводам:

1. Основная борьба в комиссии между депутатами купечества, мещан и цеховых, с одной стороны, и официальными членами комиссии и депутатами от дворян и чиновников, с другой, — велась вокруг двух вопросов: а) какому ведомству должен быть подчинен Екатеринбург после проведения городской реформы и б) из каких слоев населения города должен избираться городской голова.

2. Выражая интересы верхушки городской буржуазии, депутаты от купечества, мещанства и цеховых отстаивали необходимость подчинения Екатеринбурга гражданской администрации и выбора городского головы преимущественно из торговых сословий города. Официальные же члены комиссии, об'единившись в своей борьбе против депутатов торгово-промышленных сословий с депутатами от дворян и чиновников, полагали возможным сохранить существующий порядок подчинения Екатеринбурга горному начальству, а городского голову избирать преимущественно из дворян,—выражали и защищали интересы дворянства.

3. Победа оказалась на стороне депутатов от торгово-промышленных сословий города. Их предложение об'ективно совпадало с интересами русского самодержавия второй половины XIX века, сделавшего первый шаг по пути превращения феодального самодержавия в буржуазную монархию.

---

[1]) ЦГИАЛ, ф. хоз. д-та мин. вн. дел, 1862 г., д. № 161, л. 84—85.

А. Н. Пятницкий

К ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНБУРГА—СВЕРДЛОВСКА ПЕРИОДА 1917—1941 гг.

В ноябре 1947 года исполняется тридцать лет Великой Октябрьской социалистической революции, тридцать лет со дня, когда началась новая эра в истории человечества — эра социализма.

В то время как для мировой истории 30 лет — небольшой срок, для нас—это целая историческая эпоха. За период Великой Октябрьской социалистической революции произошли величайшие преобразования в жизни народов. Трудящиеся нашей страны приобрели огромные политические завоевания, материальные и культурные блага, вооружились опытом созидания новой общественной жизни—социализма.

Великая Октябрьская социалистическая революция, руководимая единственной подлинно революционной партией, созданной и воспитанной величайшими гениями человечества Лениным и Сталиным, передав власть народу, создав самый прогрессивный политический строй — советский строй, дала возможность нашей Родине покончить с экономической и военной отсталостью, пройти гигантский путь исторического развития в строительстве передовой социалистической промышленности и крупного социалистического сельского хозяйства, в развитии культуры, в невиданном под'еме социальных условий жизни.

Великая Октябрьская социалистическая революция — единственная революция, которая, уничтожив капиталистический строй, впервые в истории человечества во весь рост и во всем об'еме практически поставила задачу преодоления противоположности между городом и деревней — задачу, которую партия большевиков рассматривает в своей программе как «...одну из коренных задач коммунистического строительства»[1]).

* * *

Процесс образования и роста капиталистических городов марксизм-ленинизм связывает с возникновением фабричного производства и крупного промышленного капитала. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» дает такую классическую формулировку влияния фабричного производства на образование капиталистического города: «Крупные промышленные предприятия требуют совместного

---

[1]) Программа и Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). ОГИЗ, 1931 г., стр. 61.

труда многих рабочих в одном помещении; последние должны жить вместе, и уже при незначительной фабрике они образуют целый поселок. У них есть известные потребности, и для их удовлетворения требуются другие люди: всевозможные ремесленники, портные, сапожники, пекари, каменщики, столяры и т. п... Так, поселок превращается в маленький город, и маленький город — в большой. Чем больше город, тем выгоднее в нем селиться: под рукой железные дороги, каналы и шоссейные дороги; все больше становится обученных рабочих; благодаря конкуренции в строительном деле и в производстве машин организация новых предприятий там, где все это под рукой, обходится дешевле, чем в более отдаленных местностях, куда надо еще перевозить строительные материалы и машины, строительных и фабричных рабочих; есть рынок, биржа, куда собираются покупатели; имеется непосредственное сношение с рынками сырья и сбыта готовых товаров. Отсюда поразительно быстрое увеличение количества крупных фабричных городов»...[1]).

Капиталистический город, концентрируя достижения буржуазной техники и культуры, собирая огромные массы пролетарского населения, являясь центром классового угнетения и эксплоатации, становясь местом, где классовые противоречия капитализма выступают с особой резкостью, — в то же время является местом формирования антагониста буржуазии—пролетариата — силы, которая превращается в могильщика капитализма. Эту прогрессивную роль капиталистических городов отмечал В. И. Ленин[2]). У нас, в России она сказалась особенно резко. Чем больше и интенсивнее росли крупные промышленные города, — тем быстрее развертывалось революционное движение, тем все больше основные центры становились очагами пролетарской революции.

Известно, какую огромную роль сыграли в революции 1905 года Москва, Баку, Петербург и другие города. Во главе Великой Октябрьской социалистической революции встали Петроград и Москва, их поддержали все крупнейшие пролетарские центры. В Петрограде был создан штаб революционного восстания, отсюда Ленин и Сталин руководили развитием пролетарской революции и укреплением советской власти в стране.

Партия большевиков, Ленин и Сталин на всех этапах борьбы за победу пролетарской революции отводили значительную роль промышленным центрам Урала, и, в частности, Екатеринбургу, который был в первом ряду революционных городов.

В 1905 году, в разгар революционных событий, Центральный Комитет партии посылает на Урал одного из крупнейших организаторов, твердокаменного ленинца Я. М. Свердлова. Прибыв в Екатеринбург осенью 1905 года, Я. М. Свердлов встает во главе уральской большевистской организации, сплачивает уральских большевиков и рабочие массы, готовит их к штурму самодержавия, ведет огромную идейно-воспитательную работу, организует в городе школу пропагандистов и агитаторов, руководит работой возникшего в ноябре 1905 года Екатеринбургского совета рабочих депутатов, создает боевые рабо-

---

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. III, стр. 318—319.
[2]) Ленин, соч. т. III, стр. 468—469.

чие дружины, формирует профессиональные рабочие организации[1]).

После февральской революции Центральный Комитет снова посылает Я. М. Свердлова на Урал, в Екатеринбург. Опираясь на испытанные кадры революционеров-профессионалов, подготовленные им в 1905 году, Я. М. Свердлов сплачивает партийные организации и рабочие массы Урала вокруг ленинских лозунгов революции. Под его руководством и по его инициативе в Екатеринбурге 28—30 (15—17 ст. ст.) апреля созывается и проходит Первая свободная уральская конференция РСДРП(б), которая занимает по всем важнейшим вопросам текущего момента ленинские позиции[2]).

Помощь Уралу Центрального Комитета, огромная организаторская работа на Урале Я. М. Свердлова дали замечательные плоды. Большевизация советов в Екатеринбурге и других крупных промышленных центрах началась значительно раньше, чем в других районах. «На Урале... с первых же дней февральской революции создались более благоприятные, чем в центре, условия борьбы за единовластие Советов»[3]). Передовую роль отдельных Советов Урала в борьбе за единовластие отмечал товарищ Сталин в своих статьях в «Правде» в 1917 году, вошедших теперь в третий том собрания его Сочинений. В статье «Отставшие от революции» 4 мая 1917 года он писал: «Революционные организации местами уже взяли в свои руки власть (Урал, Шлиссельбург), минуя так называемые комитеты общественного спасения[4]). В другой статье «Власть Советов» 13 октября 1917 года товарищ Сталин указывал: «Советы в тылу и Комитеты на фронте, умершие было в июле и августе, теперь «вдруг» оживают. И, ожив, берут власть в свои руки в Сибири и на Кавказе, в Финляндии и на Урале, в Одессе и Харькове»[5]).

Екатеринбургский совет, направляемый в своей деятельности в первые дни февральской революции рукою Я. М. Свердлова, активно боролся за осуществление революционных мероприятий. Уже в апреле 1917 года он устанавливает восьмичасовой рабочий день на предприятиях города, занимается регулированием условий труда на заводах и фабриках, организует проверку продовольствия у местных торговцев и проч.[6]).

В августе 1917 года екатеринбургские рабочие, опираясь на поддержку Красной гвардии и совета, начинают захватывать у капиталистов фабрики и заводы. Первыми захватили фабрику рабочие Жирякова[7]).

Первые революционные мероприятия Екатеринбургского совета привлекли внимание В. И. Ленина. В. И. Ленин положительно, в част-

---

1) К. Т. Свердлова (Новогородцева). Яков Михайлович Свердлов. Молодая гвардия, 1939 г.

2) В. Солдатов. Яков Михайлович Свердлов на Урале. Свердгиз, 1939 г.

3) «Уральские большевистские организации в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (апрель 1917—1918 г.)». Материалы Свердловского филиала ИМЭЛ, «Уральский рабочий», 31 октября 1946 г.

4) И. Сталин. Соч. т., III, стр. 59.

5) Там же, стр. 367—368.

6) «Уральские большевистские организации в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (апрель 1917—1918 г.)». Материалы Свердловского филиала ИМЭЛ. «Уральский рабочий» 31 октября 1946 г.

7) «Уральский рабочий» № 17 от 31/X—1917 г.

ности, оценил введение Екатеринбургским советом натуральной повинности для богатых. «Это еще не социализм, — писал он, — а только один из первых шагов к социализму, но это именно то, что необходимо бедному народу настоятельно и немедленно. Без таких мер нельзя спасти народ от голода и гибели.

Почему же Екатеринбургский Совет остается редким исключением? Почему подобные меры по всей России не применяются давно, не развертываются в целую систему мер именно такого рода?»[1]).

Исход вооруженного восстания в октябре 1917 года решала победа его в главных пролетарских центрах страны—в Петрограде и Москве. Но Центральный Комитет партии, Ленин и Сталин, готовя вооруженное восстание, держали тесную связь со всеми важнейшими районами страны. Большое значение при этом они придавали Уралу. Здесь, после основных пролетарских центров, большевистские организации были наиболее многочисленными и крепкими. Разрабатывая план вооруженного восстания, ЦК партии, Ленин и Сталин предусмотрели, как преодолеть возможную его неудачу. Перед восстанием Центральный Комитет партии дал в Екатеринбург уральским большевикам важную директиву: взять в свои руки инициативу в случае временной неудачи восстания в Петрограде и в Москве. Руководствуясь этой директивой, газета «Уральский рабочий» писала в предоктябрьские дни:

«Вся провинциальная революционная армия должна привести себя в полную боевую готовность, чтобы в случае нужды двинуться на помощь революционному петроградскому авангарду или, может быть, в случае разгрома петроградцев принять бой с наступающей контрреволюцией здесь, на местах»[2]).

* * *

Незадолго перед Великой Октябрьской социалистической революцией, — 13—15 октября, в Екатеринбурге состоялся второй Окружной с'езд советов на котором большинство было за большевиками. С'езд переизбрал Екатеринбургский совет. В состав переизбранного совета вошли почти исключительно большевики. На первое свое заседание Екатеринбургский совет собрался в день открытия II Всероссийского с'езда советов в Петрограде, в момент Октябрьского штурма — 25 октября (7 ноября). По предложению фракции большевиков совет решил «послать открывшемуся Всероссийскому С'езду Советов Рабочих и Солдатских Депутатов приветственную телеграмму с выражением уверенности, что с'езд возьмет власть в свои руки и прекратит ту политику насилия и произвола, которая была до сих пор»[3]).

В ночь на 26 октября (8 ноября) в Екатеринбурге стало известно об аресте временного правительства в Петрограде и о переходе власти в руки советов. Екатеринбургский совет об'являет себя единственной властью в городе и устанавливает революционные порядки. 28 октября (10 ноября) Исполнительный Комитет Екатеринбургского совета обратился с воззванием к гражданам Екатеринбурга. «Екатеринбургский Совет Р. и С. Д.,—гласило воззвание,—приступая совместно с Советом Крестьянских Депутатов к организации новой революционной

---

1) В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 128.
2) «История гражданской войны в СССР», т. II, стр. 99.
3) Газета «Борьба» № 16 от 28 октября 1917 г.

власти в Екатеринбурге, призывает товарищей рабочих и солдат, крестьян и всех честных революционных граждан сплотиться вокруг Советов и поддержать их в ответственной и трудной работе революционного строительства.

Действительная власть трудового народа осуществлена. Только опираясь на Вашу поддержку, новая революционная власть сможет дать народу мир, землю и волю»[1]).

В Екатеринбурге начинается напряженная работа по становлению советской власти. Совет ликвидирует органы буржуазной власти, экспроприирует собственность капиталистов, вводит рабочий контроль на предприятиях, реквизирует оружие и запасы продовольствия у буржуазии, подавляет контрреволюционные выступления, формирует Красную гвардию.

Одновременно Екатеринбургскому совету уже в первые дни революции пришлось решать неотложные вопросы городского хозяйства. Екатеринбург стал фактически областным городом. Здесь находились Уральский областной комитет партии, Уралсовет, областное управление уральскими национализированными предприятиями и ряд других областных организаций. Для советских учреждений были необходимы помещения. Нужно было также удовлетворить нужду рабочих и городской бедноты в жилищах. Все лучшие дома в Екатеринбурге находились в руках буржуазии.

Энгельс в работе «К жилищному вопросу» указывал, что «в больших городах достаточно жилых зданий, чтобы тотчас помочь действительной «**нужде** в жилищах» при разумном использовании этих зданий». Но, говорил Энгельс, «это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах. И как только пролетариат завоюет политическую власть, подобная мера, предписываемая интересами общественной пользы, будет столь же легко выполнима, как и другие экспроприации и занятие квартир современным государством»[2]).

Екатеринбургский совет муниципализировал ряд особняков местной буржуазии. При совете была создана квартирная комиссия, которая начала планомерное переселение рабочих и городской бедноты из подвалов в дома, отнятые у богатых. Буржуазия переселялась на окраины. В наиболее крупных муниципализированных зданиях были размещены советские учреждения. Екатеринбургский совет об'явил собственостью государства все школьные здания, национализировал все кинотеатры, открыл на предприятиях города рабочие клубы, обложил буржуазию контрибуцией на содержание школ, культурных и советских учреждений[3]).

Таким образом, уже с момента Великой Октябрьской социалистической революции, когда начались экспроприация буржуазии и обобществление средств производства, Екатеринбург с социально-политической точки зрения становится социалистическим городом.

Однако Екатеринбургскому совету скоро пришлось почти оставить мирную работу по советскому строительству. Все его внимание погло-

---

[1]) «Уральский рабочий», 29 октября (11 ноября) 1917 г.

[2]) Ф. Энгельс. «К жилищному вопросу». Партиздат, стр. 33.

[3]) «Уральский рабочий», ноябрь 1917 г.—май 1918 г.

тили оборонные мероприятия. Контрреволюционные силы поднялись против советской власти. То тут, то там вспыхивали антисоветские восстания. На юге Урала против Советов выступил атаман Дутов. В феврале 1918 года на Петроград повели наступление немцы. Екатеринбургский совет в ответ на обращение Совета Народных Комиссаров от 21 февраля «Социалистическое отечество в опасности!», написанное Лениным[1]), об'являет мобилизацию всех революционных сил. 27 февраля Совет единодушно принимает постановление: «Екатеринбургский совет рабочих и солдатских депутатов, считая, что... сейчас место каждого рабочего и крестьянина в рядах Красной Армии, борющейся с бандами немецких белогвардейцев за свободу и право трудящихся, за социализм... об'являет все местные революционно-социалистические силы мобилизованными.

Все члены Совета немедленно выбирают себе работу по защите отечества и находятся в полном распоряжении Совета»[2]).

Совет развертывает напряженную работу по формированию Красной Армии. В начале марта в Екатеринбурге было «сформировано 4 дружины Красной Армии по 400 человек в каждой»[3]).

По зову партии рабочие Екатеринбурга и всего Урала выступили с оружием в руках против немецких захватчиков, атамана Дутова и других контрреволюционных генералов, поднявшихся против советской власти внутри страны.

В мае 1918 года революционный Урал вступил в полосу гражданской войны. 25 мая по всей железнодорожной магистрали от Самары до Владивостока начался чехословацкий мятеж, организованный Антантой при активной помощи русских белогвардейцев, меньшевиков и эсеров, а через два месяца—24 июля войска белогвардейцев и интервентов, после ожесточенных боев, заняли Екатеринбург[4]). Интервенты и белогвардейцы стремились овладеть Екатеринбургом, чтобы сделать знаменем контрреволюции находящегося здесь с семьей, в ожидании революционного суда, последнего царя Николая Романова. Но их ставка провалилась. В ночь с 16 на 17 июля, когда враги были в нескольких десятках километров от Екатеринбурга, верные сыны революции—екатеринбургские рабочие—по постановлению Уралсовета, утвержденному ВЦИК'ом 18 июля, растреляли Николая и его семью[5]).

Пролетарский Екатеринбург стал могильщиком последнего российского самодержца.

* * *

С 24 июля 1918 года по 15 июля 1919 года Екатеринбург находился под пятой интервентов и колчаковцев. На Урале были полностью восстановлены прежние дореволюционные порядки, реставрирована власть помещиков-заводчиков и капиталистов. Все завоевания трудящихся первых месяцев Октябрьской революции были ликвидированы, был установ-

---

[1]) «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. I, Госполитиздат, 1940 г., стр. 106—107.

[2]) «Известия Уральского областного совета Р. К. и С. Д. и Екатеринбургского Совета Р. и С. Д.», № 34, от 7 марта 1918 г.

[3]) Там же.

[4]) П. И. Пылаев. «Сталин на Восточном фронте». Свердгиз, 1940 г.

[5]) «Уральский рабочий», № 144, 23 июля 1918 г.

лен режим кровавой военной диктатуры. Ленин писал: «...правда о Колчаке... раскрыта вполне. Расстрелы **десятков тысяч** рабочих... Порка крестьян целыми уездами. Публичная порка женщин. Полный разгул власти офицеров, помещичьих сынков. Грабеж без конца»[1]. Партия, Ленин и Сталин, придавая огромное значение освобождению Урала, как важнейшего стратегического района, подняли всю страну на разгром колчаковщины. «Когда на Востоке надо было отстоять страну от полчищ Колчака, Ленин бросил туда своего Сталина, и Колчак был разгромлен!» (С. Орджоникидзе)[2]. Товарищ Сталин, командированный на Урал ЦК партии вместе с тов. Дзержинским для ликвидации «пермской катастрофы», быстро и решительно обеспечил перелом на восточном фронте. И хотя международные империалисты возлагали тогда главную надежду на Колчака, Колчак был разгромлен по гениальному плану, разработанному Лениным и Сталиным[3]. В ночь с 14 на 15 июля 1919 года Красная Армия освободила Екатеринбург от колчаковцев и интервентов.

* * *

С момента ликвидации колчаковщины на Урале, с момента выхода Урала из полосы гражданской войны и начинается фактически период борьбы за преобразование Екатеринбурга.

В наследство от буржуазии трудящиеся Екатеринбурга получили уездный отсталый захолустный город.

Если города дореволюционной России по своему материально-техническому и культурному уровню, в силу общей экономической отсталости страны, были крайне отсталыми, то Екатеринбург, хотя он и шел впереди многих губернских городов, не представлял исключения. Это будет понятно, если учесть, что Екатеринбург из завода в город начал развиваться лишь в конце XVIII века, что его развитие в XIX веке замедлял своеобразный уклад горного города, почти единственного в стране, что исключительная власть горного начальства, тяготевшая над ним более полстолетия, сковывала его рост.

Характерно, что в Екатеринбурге в 1860 году было только около 20 тысяч жителей[4], а через тринадцать лет, по данным однодневной переписи населения 26 марта 1873 года,—30 тысяч[5].

В пореформенную эпоху Екатеринбург, как и большинство капиталистических городов, развивается из феодального города, главным образом, в торгово-промышленный город. «Освобождение Екатеринбурга... от опеки главного горного начальника с обращением в уездный город, послужило толчком и явилось началом развития, как в культурном, так и в промышленном отношении. С проведением в 1876—1878 гг. горнозаводской железной дороги и развитием золотой промышленности в Екатеринбурге особенно развилась хлебная торговля. С пост-

---

[1] В. И. Ленин. «Из эпохи гражданской войны». Партиздат, 1934 г., стр. 58.

[2] Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц—стахановцев. Партиздат, 1935 г., стр. 319.

[3] П. И. Пылаев. «Сталин на Восточном фронте». Свердгиз, 1940 г.

[4] «Город Екатеринбург». Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу. Издание Екатеринбургского городского головы И. Симанова. Екатеринбург. 1889 г., стр. 41.

[5] Там же, стр. 61.

ройкой Челябинской железной дороги в 90-х годах Екатеринбург связался с общегосударственной железнодорожной сетью и начал все более и более приобретать значение уральского центра: в административном отношении потому, что в нем помещалось Главное Горное Управление, в торгово-промышленном потому, что в нем были сосредоточены многие крупные фирмы, технические конторы и проч., в культурном потому, что в нем было наибольшее количество учебных заведений как общего, так и специального образования»[1]).

Но и в пореформенную эпоху над Екатеринбургом многие годы еще довлели и задерживали его развитие те самые причины общего экономического застоя Урала, которые классически были сформулированы В. И. Лениным в его работе «Развитие капитализма в России». «Итак, — писал Ленин, — самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплоатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени—такова общая картина Урала»[2]).

Что представлял собою Екатеринбург, как торгово-промышленный центр, перед революцией?

В 1922—23 гг., перед районированием Урала, Уральское областное экономическое совещание, учитывая большую пестроту и разобщенность дореволюционных статистических данных, впервые попыталось дать общую сводку сведений, характеризующих экономику округов и основных центров Урала, с использованием данных дореволюционной статистики, разбросанных по разным источникам, и данных переписи 1920 года. Хотя сведения, собранные Уральским областным экономическим совещанием, не отличаются полнотой, так как годы империалистической и гражданской войны нанесли сильные удары промышленности и другим отраслям народного хозяйства, однако, они позволяют в известной мере дать достаточно об'ективную характеристику экономики дореволюционного Екатеринбурга.

«Былая оторванность Урала от остальной России, — констатируют авторы работы, — создала вокруг Екатеринбурга, как естественного центра области, свою туземную промышленность, назначение коей было удовлетворить потребности местного населения в товарах». Промышленность Екатеринбурга и прилегающих к нему районов характеризуется, как «чрезвычайно разнообразная, но мелкая»[3]).

Перед революцией в Екатеринбурге было всего 5—6 крупных по тому времени предприятий. Самым крупным из них был В.-Исетский железоделательный завод, основанный в 1725 году, принадлежавший до революции Акц. об-ву В.-Исетских заводов.[4]). Завод имел 3 мартена 1 сортопрокатный стан, 10 прокатных кровельных станов, 2 вагранки и 1 отража-

---

[1]) «Материалы по районированию Урала». Труды областной секции районирования Уральского областного экономического совещания. Том IV. Екатеринбург, 1923 г., стр. 262.

[2]) В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 379.

[3]) «Урал». Технико-экономический сборник. Издание Уральского областного экономического совещания. Вып. 6. Екатеринбург, 1923 г., стр. 333.

[4]) П. В. Оль. «Иностранные капиталы в России», 1922 г.

тельную печь. Общее количество паровых, водяных и газовых сил на заводе достигало 1815. Завод вырабатывал мартеновские слитки, сутунку, кровельное железо, мелкие рельсы, оцинкованное железо, чугунное и стальное литье, огнеупорный кирпич. Годовая производительность завода, по данным 1911 года, составляла по мартеновским слиткам и бессемеру — 1.088.732 пуда, прокатке кровли — 425.631 пуд, чугунному литью — 71.200 пудов, разным изделиям из стали и железа — 20.400 пудов. На заводе в 1911 году было занято 990 рабочих: 750 в основных производствах, 240—на вспомогательных работах[1]).

Машиностроение и металлообработка в Екатеринбурге находились перед революцией в зачаточном состоянии. С 1872 года существовал небольшой литейно-механический завод, принадлежавший Ф. Е. Ятесу (ныне завод «Металлист»). Он выпускал чугунное и медное литье, занимался по заказам производством и ремонтом разнообразного и несложного заводского, рудничного, приискового, мельничного и другого оборудования[2]). В 1912 году Шведским акционерным обществом был основан завод «Сталькан», производивший стальные канаты[3]). Кроме того, работали два небольших завода: бр. Коробейниковых, занимавшийся постройкой драг, и электромеханический бр. Береновых.

Наиболее широко была развита в дореволюционном Екатеринбурге мукомольная промышленность. Екатеринбург и его район были «самым мощным по всей мукомольной промышленности в области» и «одним из крупнейших мукомольных центров по всей России». «Екатеринбургская мукомольная промышленность зародилась на реке Исети, в долине которой расположено 54 товарных мельницы, использующие более ⅓ силы ее течения — около 2000 HP. Работавшая первоначально только на местный рынок и, главным образом, на местном зерне, екатеринбургская мукомольная промышленность быстро достигла размеров, превышавших производительность местных земледельческих районов, и вынуждена была обращаться к привозному зерну. Екатеринбургские крупные мельницы производили ежегодно около 20 миллионов пудов. Большая часть их продукции находила сбыт в пределах округа и в других заводских уральских районах. Но значительное количество муки сбывалось и за пределами Урала: в Тобольской губернии и по линии Пермь—Вятка»[4]).

В самом Екатеринбурге было три крупных мельницы: Первушина на 29 вальцовок, перерабатывавшая 1800 тыс. пудов зерна в год, бр. Макаровых — на 46 вальцовок, производительностью в 2½ миллиона пудов зерна, Грачева и Борчанинова, рассчитанная на переработку полутора миллионов пудов зерна. Ряд крупных мельниц находился близ Екатеринбурга — в с. Исток, при ст. Косулино, в Н.-Исетске, деревне Черноусовой и др.

Серьезное значение имела также винокуренная, пивоваренная и дрожжевая промышленность. Чистяковский дрожже-винокуренный и три пивоваренных завода—Гребенщикова, Филитц и Злоказова—выпускали ежегодно продукции на сумму около миллиона рублей.

Екатеринбургские предприниматели занимались также в довольно

---

[1]) «Урал». Технико-экономический сборник. Издание Уральского областного экономического совещания. Вып. 6, Екатеринбург, 1923 г., стр. 302—303, 308—309.

[2]) Там же, стр. 306—307.

[3]) Там же.

[4]) Там же, стр. 267—268.

больших размерах мыловарением, клееварением и производством свечей. В городе было несколько значительных предприятий: три мыловаренных завода — Федорова, Пахнутова и Черкасова, три свечных — Федосеева, Салмина и епархиального ведомства, и один смешанный (мыловарный, свечной и клееварный) завод торгового дома Щербакова. Ежегодно эти заводы вырабатывали до 115 тысяч пудов мыла, свечей и клея, причем 80 тысяч пудов из этого количества вырабатывало предприятие Щербакова.

Кроме того, к числу значительных по тому времени предприятий относились льно-прядильно-ткацкая и канатная фабрика бр. Макаровых, Арамильская суконная фабрика, ватная и спичечная фабрики, деревообделочный и лесопильный завод Кроль. «Текстильные фабрики... работали по преимуществу на местный и сибирский рынок. Главнейшими предметами производства являлись грубые сукна, суровое полотно, шпагат, мешки и проч.»[1]).

Сильно была развита в Екатеринбурге и прилегающем к нему районе мелкая и кустарная промышленность. По данным сплошной подворной переписи 1912 года в Екатеринбургском уезде было 14303 кустаря, из них 11380 мужчин. Исходя из разделения уезда на районы, установленные земской статистикой, Екатеринбург должен быть отнесен к среднему горнозаводско-уральскому району. К Екатеринбургу примыкали волости В.-Исетская, Шарташская, Мостовская, Березовская, Пышминская, Сарапульская, Горнощитская, Нижне-Исетская. По роду занятий мужское население района распределялось так: 4,4 проц. было занято в земледелии, 39 проц.—на горных работах; 17,6 проц.—в кустарных промыслах и 39 проц. — на других работах. Наиболее были развиты промыслы: портняжный, кожевенный, столярно-мебельный, кузнечно-слесарный, гранильный. В Верх-Исетске был распространен белошвейный промысел. Преобладающим типом были мелкие кустарно-ремесленные мастерские, причем мастерские по производству одежды и обуви работали, главным образом, на магазины готового платья и обуви. Екатеринбург был «центром гранильного промысла на Урале, и здесь представлены все процессы обработки камня. Большинство кустарей работало постоянно на владельцев более крупных мастерских и продавцов»[2]). За последние двадцать-двадцать пять лет перед революцией гранильный промысел резко упал: «число мастерских в промысле сократилось в два раза, и число занятых лиц — на одну треть. Причина упадка промысла... в тех тяжелых условиях, которые были созданы скупщиками монополистами (от 80 проц. до 95 проц. гранильщиков работало на скупщиков)»[3]).

Екатеринбургская гранильная фабрика, когда-то пользовавшаяся всемирной известностью, вследствие крайней изношенности оборудования и полукабального примитивного труда стариков-рабочих, не могла оказывать сколько-нибудь существенного влияния на развитие гранильного промысла, особенно на его технику. К тому же перед революцией она фактически бездействовала. Несколько десятков небольших екатеринбургских мастерских по гранению и шлифовке камней производили

---

[1]) «Урал». Технико-экономический сборник. Издание Уральского областного экономического совещания. Вып. 6. Екатеринбург, 1923 г., стр. 277—278.

[2]) Там же, стр. 247.

[3]) Там же, стр. 273.

огранку «на примитивных станках, на-глаз; поэтому некоторые ценные камни за границей вновь перегранивались, а значительная часть лучших камней в сыром виде шла непосредственно за границу»[1]).

Скупщики, жестоко эксплоатируя труд рабочих-гранильщиков, орудовали не только в гранильном деле. Скупщичество вообще было сильно развито в дореволюционном Екатеринбурге. По статистике того времени 15,6 проц. всех кустарей уезда работало на вольный рынок, 5,1 проц. — на заказчика-производителя, 38,4 проц. — на заказчика потребителя, 18,4 проц. — на скупщика и 22,5 проц. — неопределенно, причем в последней группе было немало таких кустарей, которые вынуждены были продавать свою продукцию тем же скупщикам.

В период империалистической войны, в 1916 году, в Екатеринбурге к крупным промышленным предприятиям добавился ценный для Урала аффинажный платиновый завод.

Перед революцией Екатеринбург, проходя стадии развития капиталистических городов, развивается как крупный торговый центр. Довоенный годовой оборот его постоянной торговли достигал 27,8 миллиона рублей. «Его (Екатеринбурга **А. П.**) оборот в 1½ раза крупнее оборотов старого культурного центра Перми. Екатеринбург сосредоточивал... в своих руках торговлю изделиями горной промышленности и весьма крупную хлебную торговлю... Екатеринбург получает около 4 миллионов пудов хлеба и пропускает через себя со стороны Тюмени больше 8 миллионов пудов, со стороны Челябинска от 6 до 9 миллионов пудов. Ст. Екатеринбург имеет большой грузооборот по железу не в деле (1,4 миллиона пудов-отправок и столько же получений), получает 2½ миллиона пудов дров и полмиллиона пудов кокса»[2]).

Как крупный торгово-промышленный центр, дореволюционный Екатеринбург обладал всеми данными для того, чтобы иметь хорошо развитое городское хозяйство. Но на общем фоне крайней отсталости хозяйства городов царской России Екатеринбург был одним из наиболее отсталых.

«Надо поискать в России еще такой город, который имел бы столь ясно выраженную будущность, все естественные условия быть красивейшим, как Екатеринбург, и являлся бы не только отсталым в отношении благоустройства, но в высшей степени антисанитарным. Средняя смертность за период 1883—1891 гг. равнялась 36,5, а рождаемость — 36,8 на тысячу.

Несмотря на... значение Екатеринбурга, несмотря на колоссальное богатство недр Урала в виде платины, золота, самоцветов, меди, железа и проч., проходившее через руки Екатеринбурга, — на благоустройстве самого города это мало отражалось»[3]).

Даже данные официальной городской статистики того времени, которая была весьма несовершенной и далеко не об'ективной, рисуют Екатеринбург, как город, где благоустройство и другие отрасли городского хозяйства и культуры находились на низкой ступени развития. Вот как, например, характеризуют Екатеринбург 1910 года данные Центрального статистического комитета министерства внутренних дел.

---

[1]) «Урал». Технико-экономический сборник». Издание Уральского областного экономического совещания. Вып. 6. Екатеринбург, 1923 г., стр. 279.

[2]) Там же, стр. 257—258.

[3]) «Материалы по районированию Урала». Том IV. Изд. Уральского областного экономического совещания. Екатеринбург, 1923 г., стр. 263.

Жителей—70000. Общая площадь—6157 гектаров, в том числе, заселенная 16032,6 кв. м., замощенная 312,8 кв. м. Город в основном деревянный: из 7715 городских строений — 6196 деревянных и только 826 каменных. В городе 90 улиц и переулков общей протяженностью 100,6 км., в том числе мощеных 29,7 км. — 29,5 проц. Бульваров и улиц, обсаженных деревьями,—9, протяженность их—1,4 км. Отношение бульваров и улиц, обсаженных деревьями, к общей протяженности улиц города — 1,4 проц. Из 386,6 кв. м. площадей замощенных только 12,1 кв. м.

Освещение города: 112 электрических и 20 керосиновых фонарей.

В графе «средства сообщения» упомянуты, как единственный транспорт, извозчики: 338 извозчиков — летом и 460—зимой. Водоснабжение города: пруд, река Исеть, городские ключи.

В графе «удаление нечистот» (санитарное благоустройство) назван только один ассенизационный обоз.

Статистика министерства внутренних дел не упоминает ни о водопроводе, ни о канализации, ни о трамвае; их в старом Екатеринбурге не было[1]).

Городское хозяйство Екатеринбурга, как и других городов царской России, находилось в руках купеческо-домовладельческих городских дум, которые проводили в благоустройстве ярко выраженную классовую политику. В составе Екатеринбургской думы преобладали купцы и дворяне. В нашем распоряжении имеются списки гласных думы за три четырехлетия—с 1894 по 1906 год. По данным этих списков, в составе думы было: в четырехлетие—с 1894 по 1898 год из общего числа 59 гласных—34 купца и 13 дворян; в четырехлетие—с 1898 по 1902 год — в числе 53 гласных—34 купца и 9 дворян; в четырехлетие—с 1902 по 1906 год—в числе 49 гласных—28 купцов и 6 дворян[2]).

Городское хозяйство было в руках капиталистов средством дополнительной эксплоатации трудящихся, орудием добавочной выкачки денежных средств. Еще в «Манифесте коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали: «Когда заканчивается эксплоатация рабочего фабрикантом и рабочий получает, наконец, наличными свою заработную плату, на него набрасываются другие части буржуазии—домовладелец, лавочник, ростовщик и т. п.»[3]).

Специфически-домовладельческий состав городских дум Екатеринбурга приводил к тому, что средств на благоустройство города систематически нехватало. С ростом города, с ростом его потребностей основным источником покрытия его расходов по благоустройству были, главным образом, сборы с недвижимых имуществ, с торговли, с городских оброчных статей. Но эти статьи, непосредственно затрагивавшие интересы имущих классов, всегда в бюджете города были недостаточными, так как купеческо-домовладельческая дума относилась к ним наиболее ревностно и бережно. Доходных предприятий у города почти не было. «Так, например, по Екатеринбургу в 1913 году поступления

---

[1]) «Города России в 1910 г.». Изд. Центрального статистического комитета министерства внутренних дел. СПБ. 1914 г., стр. 704—758.

[2]) СОГА (Свердловский областной государственный архив). Фонд 62, оп. 1., дело 160.

[3]) Маркс и Энгельс. «Манифест коммунистической партии». Партиздат, 1932 г., стр. 24.

от городских предприятий составляли всего 9,3 проц. общегородских поступлений»...[1]).

Основными доходами бюджета города были окладные и неокладные сборы. «Города области (Урала. **А. П.**), находившиеся до войны по части благоустройства и рациональной организации городского хозяйства в почти патриархальном состоянии, строили свою доходную смету, главным образом, на окладных и неокладных сборах, каковые, например, для г. Екатеринбурга в 1913 году составили 59 проц. всей доходной сметы»[2]).

Смета Екатеринбурга из года в год сводилась с дефицитом, причем дефициты покрывались займами, а займы служили источниками новых расходов. Статистика министерства внутренних дел за 1910 год отмечает, что доходы Екатеринбурга за три года выражались в среднем в 322,6 тыс. руб., расходы же—в 465,7 тыс. руб., долги города к 1 января 1910 года достигли 532,2 тысяч рублей[3]).

Екатеринбургская городская дума много раз ставила и совершенно бесплодно обсуждала финансовый вопрос, особенно в моменты его наибольшего обострения. Всякий раз вопрос в лучшем случае разрешался за счет новых сборов с населения. Так, например, на январской сессии городской думы в 1907 году «гг. гласные обратили внимание, что городская смета из года в год сводится с дефицитом и балансируется путем займов, которыми поглощены различные специальные капиталы городского управления, а в последние годы приходится уже делать займы у частных лиц и в кредитных учреждениях за большие проценты». Дума признала, что «этот вопрос для Екатеринбурга имеет чрезвычайную важность, так как опасно продолжать хозяйство с непрерывными займами и пора позаботиться об уплате произведенных по настоящее время займов». Долги города в то время достигали 345 тысяч рублей.

Дума избрала комиссию для разработки вопроса об изыскании новых источников городских доходов. Член комиссии по рассмотрению приходо-расходной сметы города на 1907 год гласный А. П. Кожевников внес обширную докладную записку с перечнем доходов, «которые городское управление могло бы... получать без обременительности для населения города»[4]). Некоторые предложения Кожевникова и других гласных, не говоря уже о том, что они были направлены своим острием против населения, звучат в наши дни прямо анекдотически. Что же предлагал Кожевников? В числе новых источников покрытия городских доходов он называл, например, такие: обложение всех врезавшихся в уличные панели построек—крылец, спусков и входов частных лиц, налог на вывески всех ремесленников, денежный сбор среди жителей через старост, по подписным листам, на устройство 23 общественных колодцев и проч.[5]). Гласный С. А. Бибиков предлагал установить «сбор

---

[1]) «Материалы по районированию Урала». Том IV. Издание Уральского областного экономического совещания. Екатеринбург, 1923 г., стр. 251.

[2]) Там же.

[3]) «Города России в 1910 г.». Изд. Центрального статистического комитета министерства внутренних дел. СПБ. 1914 г., стр. 704—758.

[4]) СОГА. Фонд 62, дело 471, 1907 г.

[5]) Там же. Докладная записка члена комиссии по рассмотрению приходно-расходной сметы по г. Екатеринбургу на 1907 г. А. П. Кожевникова от 5 декабря 1906 г.

с дверей и окон, выходящих на улицу». Сметная комиссия наметила в числе новых доходов: особый налог со скота, пасущегося в городской лесной даче, установление таксы за отпускаемую из ключей и колодцев воду потребителям и пр.[1]).

Характерен также и такой факт. Когда было решено строить в Екатеринбурге новый оперный театр, у города на строительство средств не было. Дума в 1910 году пыталась взять деньги из специального капитала, оставленного городу в 1881 году купцом С. А. Петровым, на проценты которого существовал учрежденный по завещанию Петрова приют для подкидышей и круглых сирот. Действия думы были опротестованы попечительным советом приюта. Члены попечительного совета писали в протесте: «Обращаясь к цели, на которую имеют быть затрачены капиталы воспитательного дома, то есть постройку театра, мы, будучи сторонниками этой постройки, все же не можем признать ее столь... насущной необходимостью, чтобы ради нее посягать на сиротские капиталы. Мы вполне уверены, что граждане, желающие иметь в городе благоустроенный театр, найдут и средства на него, хотя бы путем подписки на облигации города. Так они должны поступить, по нашему убеждению»[2]).

Отсутствие сколько-нибудь реальной заботы о благоустройстве города со стороны городской думы и местных властей вызывало нередко недовольство даже в среде ее гласных. Вот один из ярких документов—записка гласного А. Фолькмана, характеризующая вместе с тем внешний облик капиталистического Екатеринбурга:

«Известно, что уже много издано думских постановлений в санитарном отношении, но наблюсти за исполнением их некому; также и в отношении предупреждения пожаров, наблюдения за постройками в городе и проч. Мы видим на улицах всевозможные беспорядки. Строительный камень и лес лежат годами перед домами. Нарочито кладутся большие камни поперек дороги для преграждения проезжающих. У одного дома канава проводится в двух саженях от него, у другого — в двух аршинах. Тут встречаются перила или столбики перед канавой, в другом месте после канавы. На хлебном рынке лавки строятся одна выше, другая ниже. Возводятся дома или без всякого плана или несогласно с планом. Словом — полный хаос всяких беспорядков.

Так и в санитарном отношении. Сколько я знаю дворов в городе, где весною затруднялся пройти: грязь при навозе, разные нечистоты, камни, лужи сменяли друг друга, так что становился втупик, куда и как ступить. Коровы и собаки на улицах пользуются правами полной неприкосновенности, так что от последних и днем нет покоя, тем менее ночью... Все эти беспорядки мы видим. Все о них говорят, все терпят от них, но для устранения их ничего не делается»...[3]).

Старый дореволюционный Екатеринбург, как и все капиталистические города, строился и развивался без плана, хаотически, причем, отсутствие водопровода и канализации ставило город в санитарном отношении в тяжелое положение.

---

[1]) СОГА. Фонд 62. Дело 417. 1907 г. Доклад Екатеринбургской городской управы от 15 марта 1907 г.

[2]) «Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени Семена Александровича Петрова». К 25-летию его существования. Екатеринбург, 1915 г., стр. 38.

[3]) СОГА, Фонд 62, д. 35, л. 2—3.

Империалистическая и затем гражданская войны нанесли и без того отсталому городскому хозяйству Екатеринбурга тяжелые удары. Почти в течение восьми лет оно не только не развивалось, но все более разрушалось. Об'ем работ по благоустройству в первые годы империалистической войны был свернут городской думой до минимума. В 1915 году на содержание и ремонт мостовых, тротуаров и набережных города было израсходовано 9447 рублей 21 коп. Из них: на ремонт мостовых 2.325 рублей 03 коп., на ремонт тротуаров—134 руб. 85 коп., на уравнение дорог—803 руб. 47 коп., на очистку улиц и площадей—4482 руб. 11 коп., на устройство каменных переходов — 1439 руб. 31 коп, на исправление пяти переходов—10 руб. 50 коп. и на укрепление набережной по Сухаревской улице—251 р. 94 коп.[1]). Позднее даже и крайне жалкие по размерам «все работы по благоустройству городов—мощение, ремонт зданий и пр. были брошены, так как средства городов затрачивались на приспособление под постой то того, то иного здания».[2]). «Гражданская война, столь тяжело отразившаяся вообще на Урале, особенно больно ударила по благополучию города... О том. что город от этого терял—говорить не приходится»[3]).

В наследство от колчаковщины и интервентов трудящиеся Урала и Екатеринбурга получили разрушенное хозяйство. Производство железа и стали на Урале в 1918 году составляло 18 проц., а в 1919 году только 9 проц. довоенного уровня. Выплавка чугуна в 1919 году упала до 14 проц. от довоенной[4]). Отступая с Урала, интервенты и белогвардейцы разрушали заводы, взрывали и портили оборудование, выводили из строя электростанции, увозили с собой наиболее ценные машины.

В Екатеринбурге многие предприятия были выведены из строя. О том, что собой представлял самый крупный в городе Верх-Исетский завод, рассказывает в воспоминаниях старый сталевар, участник гражданской войны, орденоносец В. И. Ливадных: «Пришел я в завод, поглядел, а в мартене ни пройти, ни проехать. Все завалено, все разрушено, печи заморожены, людей нет...». Более или менее пригодными для восстановления и использования остались две мартеновских печи и шесть кровельных клетей[5]).

Единственная в городе и без того слабая, не удовлетворявшая даже потребностей в бытовом освещении, электрическая станция «Луч», мощностью в 1175 квт, была разрушена колчаковцами, не работала. Половина мощности станции была потеряна: три газомотора на 575 квт были испорчены[6]).

Сильно пострадали, как показало обследование, проведенное в 1920 году, городские предприятия: общежития, ночлежный дом, бойни; фермы, телефонная станция; последняя, правда, была крайне маломощной (800 абонентов) и устаревшей по оборудованию. Прежние хозяева оставили недостроенными новый гостиный двор, торговый дом, прозванный жителями «вавилонская башня», концертный зал бывшего об-

---

[1]) СОГА. Фонд 62. Дело 826, 1915 г.

[2]) [3]) «Материалы по районированию Урала». Том. IV. Издание Уральского областного экономического совещания. Г. Екатеринбург, 1923 г., стр. 252.

[4]) «Разгром колчаковщины на Урале». Свердгиз, 1939 г., стр. 111.

[5]) «Урал». Технико-экономический сборник. Издание Уральского областного экономического совещания. Екатеринбург, 1923 г., стр. 303.

[6]) Там же, стр. 329—330.

щественного собрания (ныне здание Госфилармонии. **А. П.**).

Построенная с самого основания Екатеринбурга плотина городского пруда «пришла в сильное расстройство... Когда производился последний ее ремонт, никто не помнит»[1]).

Возведенные полстолетия назад набережные ни разу не ремонтировались «и пришли в полное расстройство...», «местами остались лишь одни следы бывших набережных», «началось обрушение набережной, ...а обрушения берега грозят целости ближайших домов»[2]).

Но особенно тяжелым было санитарное состояние города. «Существующие уличные стоки представляют собою вопиющее безобразие, недопустимое ни в каком городе. Это — с одной стороны, ряд крытых канав, отводящих верховую и грунтовую воду в городской пруд и реку Исеть в самом городе — устройство городское, а с другой стороны, отводы частных лиц из своих усадеб с целью дренировать местность с присоединением к ним нередко и отвода нечистот, со спуском в городской же черте в Исеть. Очагами заразы являются имеющиеся в городе речки: Акулинка, Малаховка и Мельковка, служащие для жителей естественными спусками нечистот, загрязняющих р. Исеть и заражающих прилегающие районы на всем их протяжении.

Не меньшими источниками заразы являются и простые городские канавы для отвода поверхностных вод, которые использовываются жителями явочным порядком для спуска нечистот»...

«Водоснабжение города Екатеринбурга в настоящее время основано, главным образом, на ключах и колодцах... Не было предохранения от заражения питьевой воды и колодцы служили очагами заразы и распространителями эпидемий (последняя в 1921 г. — брюшно-тифозная)... некоторые загрязнены вплоть до устройства в них ретирадов, почти все не защищены от попадания поверхностных вод и даже падали; во многих из них нет даже ручных насосов, и жители черпают воду своими ведрами»...

«Имеющийся городской ассобоз весь деревянный и пришел уже в полную ветхость, как зданиями, так и оборудованием, расположен не у места».

«В целях экономии вывозки нечистот, жители пользуются поглощающими колодцами, которые положительно отравляют почву, воду и воздух».

«Нечто неописуемое представляют собой городские свалки. Свалки были отводимы, совершенно не сообразуясь с геологическим строением почвы и потому устраивались на местах, являющихся питательным районом для ключей... Город обслуживался только 4-мя деревянными, примитивного устройства, ретирадами, расположенными на торговых площадях».

«В городе нет ни одного крытого рынка, и все существующие в крайне антисанитарном состоянии»[3]).

В Екатеринбурге имелась всего лишь одна, так называемая, торговая баня с крайне незначительной пропускной способностью, оборудованная к тому же слишком примитивно. Не было ни одной прачечной. Зато «чуть ли не при каждом доме имелась своя баня, что

---

[1]) [2]) [3]) «Материалы по районированию Урала», том. IV. Издание Уральского областного экономического совещания. Екатеринбург, 1923 г., стр. 265, 263, 267—268.

совершенно ненормально для города. Большая часть бань пришла в ветхость, и даже самый незначительный их ремонт не под силу коллективам жильцов. Вследствие этого исправные или даже полуисправные бани осаждаются обывателями и функционируют чуть ли не всю неделю»[1]).

Крайне тяжелое наследие оставила буржуазия и в области жилищного хозяйства. Жилищное хозяйство города за годы империалистической и гражданской войны пришло «в удручающее состояние»[2]). В ведение городского коммунального отдела в 1919—21 гг. перешел следующий жилищный фонд:

«1. Домов владельцев, эвакуировавшихся с Колчаком (1100 владельцев)	1981
2. Домов, оставшихся после смерти владельцев	40
3. Домов духовного ведомства	60
4. Домов, заложенных в банке	218
5. Домов городских и общественных	113
6. Домов с оценкой свыше 5000 руб.	451
А всего:	2863 дома.

Из общего количества 2863 домов, числящихся в ведении коммунотдела: разрушенных — 106, сгоревших и поврежденных пожаром — 149, пришедших в ветхость и требующих капитальных затрат для приведения в жилой вид — 47, недостроенных — 57, жилых, требующих крупного ремонта и переустройства, — 955, жилых, требующих среднего ремонта — 1272, жилых, требующих текущего ремонта — 636»[3]).

Жилищный вопрос был одним из наиболее важных вопросов городского хозяйства; он встал со всей остротой перед партийной организацией города и городским советом вслед за освобождением Екатеринбурга от белогвардейцев и интервентов. Рабочие в период колчаковщины были лишены жилищ, которые предоставила им в домах буржуазии советская власть. Только после изгнания из Екатеринбурга колчаковцев в городе было полностью осуществлено то, что констатировала программа партии в 1919 году: «советская власть экспроприировала полностью все дома капиталистических домовладельцев и передала их городским советам; произвела массовое вселение рабочих с окраин в буржуазные дома; передала лучшие из них рабочим организациям, приняв содержание этих зданий на счет государства; приступила к обеспечению рабочих семей мебелью и т. п.»[4]).

В жилищном вопросе, как и во всем городском хозяйстве, советская власть проводит политику, диаметрально противоположную политике буржуазии. Пожалуй, ни одна из отраслей городского хозяйства не являлась в руках буржуазии средством для жесточайшей эксплоатации трудящихся масс, чем жилищное дело. Строительство и эксплоатация жилищ в капиталистических городах были одним из видов, а порой и единственным источником доходов крупных предпринимателей. Высокие цены на квартиры, диктуемые домовладельцами,

---

[1]) [2]) [3]) «Материалы по районированию Урала», том IV. Издание Уральского областного экономического совещания. Екатеринбург 1923 г., стр. 264, 263.

[4]) «Программа и Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» ОГИЗ, 1931 г., стр. 71.

еще более отягощали и без того тяжелые матеральные условия жизни трудящихся. Екатеринбург и его домовладельцы не представляли в этом отношении исключения. Любопытен и характерен следующий документ. 10 сентября 1907 года в Екатеринбургскую городскую управу поступило заявление Е. Измаилова, выступавшего от имени общего собрания членов профессионального общества рабочих чаеразвесочного дела г. Екатеринбурга.

«Прогрессивное возрастание цен на квартиры, — говорилось в этом заявлении,—замечаемое в последнее время в г. Екатеринбурге, и, по нашему мнению, не находящее себе иного об'яснения, как только в том, что гг. домовладельцы, пользуясь увеличившимся спросом на помещения и, не соображаясь с финансовым положением квартиронанимателей, задались только одной целью набить свои карманы. В то же время — почти та же высота заработной платы (рост ее во всяком случае сильно отстал от роста цен на квартиры) заставляет рабочих сильно ухудшить качество удовлетворения жилищной потребности. А отсюда возрастает для нас опасность от приближающейся холеры, так как поневоле, ютясь по углам, мы не можем уже и мечтать о какой-либо чистоте, а следовательно, и защите от холерного заболевания... Мы являемся такими же плательщиками городских налогов, как и остальные граждане, а следовательно, имеем такое же, как и все остальные, право на заботу о нас городского самоуправления. Сознание всего этого побуждает нас обратиться в Екатеринбургскую городскую думу с следующим ходатайством. Городская дума в ближайшем своем заседании должна рассмотреть это наше заявление и изыскать меры к урегулированию цен на квартиры.

По нашему мнению, квартирный вопрос может быть выяснен только тогда, когда городская дума, не делая из него тайны, немедленно же выделит из своего состава комиссию для изучения вопроса и для изыскания мер борьбы с указанным злом и в эту комиссию пригласит представителей от всех рабочих города Екатеринбурга .

Как же реагировали на заявление рабочих городская управа и городская дума? Они, разумеется, поступили так, как подсказывали им их классовые интересы. Городская управа «пришла к заключению, что выбор комиссии из гласных думы с приглашением в состав ее представителей всех рабочих города Екатеринбурга с целью урегулирования цен на квартиры в гор. Екатеринбурге не будет иметь практических результатов, так как по закону (ст. 2 Город. полож.) общественному управлению не предоставлено права установления такс, или цен на квартиры». Постановление это подписали городской голова Ив. Анфиногенов, члены управы: Дмитриев, Зубрицкий и Коробейников[1]). А городская дума «не нашла возможным прийти к определенному заключению» и, как всегда делалось, когда надо было похоронить какое-нибудь предложение—постановила: «вопрос передать на заключение комиссии, избранной думой по улучшению городского хозяйства»[2]).

На совершенно иной основе, на основе уничтожения всякой эксплоатации в городском хозяйстве, на основе полного подчинения жилищного дела нуждам трудящихся, начали развертывать свою работу в городе советские организации, возвратившись в Екатеринбург после из-

---

1) СОГА, , ф. 62, дело 471, 1907 г.

2) Там же.

гнания из него белогвардейцев и интервентов. Общественный жилой фонд был поставлен на службу рабочим: «Около ста домов, отобранных у буржуазии, — рассказывает один из руководящих работников коммунотдела того времени тов. Щеглов, — мы передали рабочим железной дороги. Рабочие завода Ятес получили дома в районе Мельковки. Рабочие Ленинской фабрики расселились в теперешнем Октябрьском районе. Прекрасные дома по бывшей Архиерейской улице (теперь улица Чапаева. **А. П.**)—Ошуркова, Нурова и других получили под общежития студенты... Дом Астраханцева по ул. Толмачева, дом № 23 по ул. 8 марта, дома исправника Рупинского и владельца кино «Колизей» (ныне «Октябрь». **А. П.**) Макарова были заселены исключительно рабочими»...

С целью более быстрого восстановления жилого фонда городской коммунальный отдел вступил на путь сдачи муниципализированных домов в аренду коллективам трудящихся.

Программа партии наметила широкие мероприятия в области жилищного хозяйства, благоустройства и санитарного обслуживания трудящихся. Она поставила задачей «всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс, к уничтожению скученности и антисанитарности старых кварталов, к уничтожению негодных жилищ, к перестройке старых, постройке новых, соответствующих новым условиям жизни рабочих масс, к рациональному расселению трудящихся»: В области санитарии программа партии определяла «решительное проведение широких санитарных мероприятий в интересах трудящихся, как-то: а) оздоровление населенных мест (охрана почвы, воды и воздуха); б) постановка общественного питания на научно-гигиенических началах» и т. д.

Партийные и советские организации города сосредоточили свое внимание на решении этих задач, хотя разрешение их требовало времени и было лишь возможно на основе восстановления народного хозяйства, разрушенного империалистической и гражданской войнами, на основе создания прочной материально-технической базы. Не оставляя забот об улучшении материально-бытовых условий жизни трудящихся, городской комитет партии и городской совет основные усилия направляют на восстановление и под'ем промышленности города, решающих отраслей городского хозяйства. Вот почему в первые годы после окончания гражданской войны темпы восстановления городского хозяйства неизбежно отставали от темпов восстановления промышленности, хотя процесс восстановления городского хозяйства, начавшийся почти вслед за возвращением Екатеринбурга в руки советской власти, не прекращался.

Восстанавливать промышленность города и городское хозяйство приходилось в невероятно трудных условиях. Екатеринбург, как и вся страна, переживал тяжелое время. Нехватало хлеба и других продуктов питания, плохо было с топливом, транспорт был разрушен, в городе свирепствовали эпидемии.

Требовались поистине героические усилия, чтобы вернуть город к нормальной жизни. Огромную роль в этот труднейший в истории города период сыграл трудовой под'ем масс. Статья В. И. Ленина «Великий

---

[1]) «Программа и Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», ОГИЗ, 1931 г., стр. 71, 72.

почин» нашла широкий отклик в среде трудящихся масс Урала. В конце августа 1919 года газета «Уральский рабочий» писала: «Перед нами стоит задача — наладить хозяйство родного Урала и всей страны.

Это можно сделать только самоотверженной работой всех и каждого, сознательной трудовой дисциплиной трудящихся. Обязанность передового отряда рабочего класса — коммунистической партии — подать здесь первый пример всей рабочей массе.

Вот почему коммунисты идут по субботам, когда они свободны от повседневной работы, — на железную дорогу, в мастерские и берутся за самую необходимую работу, которую не успевают рабочие выполнить за неделю... Живой пример их самоотверженной работы должен увлечь рабочих не-коммунистов»[1]).

29 августа в Екатеринбурге состоялся первый коммунистический субботник. 13 января 1920 года 2500 рабочих Верх-Исетского завода с огромным под'емом во время коммунистического субботника производили очистку цехов, переносили на руках и перевозили в вагонетках, передвигая их руками, машинные части. Только за один день было перенесено и перевезено около 10000 пудов оборудования и материалов. 7 апреля 1920 года — в день всеуральского коммунистического субботника в Екатеринбурге участвовало в работах 18670 человек. Стоимость выполненных за этот день работ достигла 881563 рублей.

Героический труд по борьбе с разрухой возглавляют коммунисты, увлекая своим примером десятки тысяч трудящихся. В начале 1920 года началось восстановление Верх-Исетского завода. В марте Екатеринбургский губком партии мобилизует на борьбу с разрухой 3 тысячи коммунистов.

Одновременно шла напряженная работа по восстановлению городской электростанции «Луч». В декабре 1921 года, когда VIII Всероссийский с'езд Советов принимал ленинский план электрификации, станция была пущена. Это была первая крупная победа на фронте советского городского хозяйства.

В 1921 году возобновили работу Верх-Исетский завод, завод «Металлист» (б. завод Ятес), льно-прядильно-ткацкая фабрика (б. фабр. бр. Макаровых). В следующем, 1922 году на Верх-Исетском заводе были пущены мартеновский и крупносортный цехи.

Центральный комитет партии, советское правительство, В. И. Ленин уделяли огромное внимание Уралу, рассматривая его, как один из опорных промышленных районов страны, которые должны сыграть решающую роль в восстановлении народного хозяйства. В. И. Ленин лично заботится о продовольственном снабжении рабочих Урала и, в частности, Екатеринбургского района[2]). 19 октября 1920 года В. И. Ленин подписывает декрет об учреждении в Екатеринбурге Уральского государственного университета. В телеграммах, посланных в Екатеринбург 10 ноября и 17 декабря, он настаивает на предоставлении помещений университету[3]).

Для разрешения важнейших партийно-организационных и хозяйственных вопросов в Екатеринбург в эти годы приезжали по заданиям ЦК и советского правительства: дважды — в июле 1922 года и декабре

---

1) «Уральский рабочий», № 21, 28 августа 1919 г.

2) «Ленинский сборник», 34, стр. 242.

3) Там же.

1923 года — В. М. Молотов, в январе 1922 года — Ф. Э. Дзержинский, в январе 1923 г. — А. А. Андреев. В июле 1922 года на VIII Екатеринбургской губернской партийной конференции товарищ Молотов отмечал большую роль екатеринбургской организации большевиков. «Работа по укреплению вашей организации, — говорил он в заключительном слове, — имеет громадное значение не только для Урала, но и для всей коммунистической партии, так как Екатеринбургская организация является одной из самых значительных и важных партийных организаций после столичных»[1]).

Восстанавливая промышленность города, партийная организация и городской совет проводили мероприятия, направленные к собиранию распыленного коммунального хозяйства, постепенно концентрируя в руках городских организаций рассредоточенные в период военного коммунизма предприятия коммунального обслуживания. Процесс собирания, начавшийся в 1922 году, закончился в основном в следующем, 1923 году[2]). Это дало возможность впервые в истории города спланировать в известной мере восстановление городского хозяйства и дальнейшее его развитие. В 1922—23 гг. Уральское областное экономическое совещание, в связи с подготовкой районирования Урала, разработало перспективные пятилетние планы развития главных отраслей народного хозяйства Уральской области на 1922—23—1926—27 гг., в том числе перспективный план по коммунальному хозяйству Екатеринбурга и других городов Урала. На восстановление и развитие городского хозяйства Екатеринбурга по этому плану намечалось израсходовать за пятилетие 9.184.000 рублей. Наряду с восстановлением жилищного фонда, набережных, ремонтом электростанции, жилых домов, плотины городского пруда, мостовых, тротуаров, план предусматривал строительство водопровода, электростанции, канализации, общественных бань, прачечных[3]). Этот план лег в дальнейшем в основу работы городских организаций.

В 1923 году Екатеринбург отмечал свое двухсотлетие. В связи с этой датой была проведена городская перепись. По данным переписи «численность населения Екатеринбурга выражается в 93 413 душ обоего пола... Общее число промышленных предприятий города Екатеринбурга... определяется 269; всего занятых в них лиц 9356, в том числе рабочих 7326. Число механических двигателей — 339 с мощностью 11 527,5 лошадиных сил...

Общая площадь города с пригородами достигает 19 кв. верст 58 тыс. кв. сажен. Общая длина улиц и переулков достигает 175 верст, причем из них замощено брусчаткою—2 версты 180 кв. сажен, шоссейной кладкой — 1 верста 170 кв. сажен...

Жилых квартир в городе числится занятых — 15.865 и 282 квартиры пустующих, вследствие разрушения их...

Строительство новых жилых помещений за последние годы почти прекратилось, ...вполне понятен и жилищный кризис...

Из доходных предприятий, находящихся в ведении города, необходимо отметить 4 общежития с 120 номерами, ассенизационный обоз,

---

1) Г. Рычкова. «Боевые дни». Сб. Свердловск. Свердгиз, 1946 г., стр. 157.

2) «Материалы по районированию Урала». Том. IV. Издание Уральского областного экономического совещания. Екатеринбург, 1923 г., стр. 266.

3) Там же, стр. 282—283, а также 262—268.

2 торфяника, городскую баню, купальни, молочную ферму, скотобойни, микроскопическую станцию»...[1]).

В апреле 1923 года XII с'езд партии, признав существующее административно-хозяйственное деление республики не соответствующим новым политическим и экономическим потребностям страны, поручил ЦК партии провести новый план административно-хозяйственного деления, причем было решено для начала осуществить новое административно-хозяйственное деление в двух районах — промышленном и сельскохозяйственном[2]). В качестве промышленного района был намечен Урал. Вместо четырех губерний — Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской—была создана единая Уральская область с областным центром в Екатеринбурге.

В 1923 году происходит еще одно крупное событие в жизни Екатеринбурга: завершается строительство новой железнодорожной линии от Екатеринбурга в направлении на Казань, являющейся более коротким путем с Урала на Москву, чем путь по, так называемой, главной линии. Екатеринбург становится местом скрещения шести дорог, из них четыре связывают его с европейской частью страны. Экономическое значение Екатеринбурга еще более возрастает[3]).

В 1924 году в широких кругах пролетарской общественности поднимается вопрос о переименовании города. Рабочие просят дать городу новое, революционное имя. 7 марта Екатеринбургский городской совет избрал специальную комиссию для разработки этого вопроса. 14 октября он заслушал предложение комиссии о переименовании Екатеринбурга в Свердловск и единодушно принял следующее решение:

«Срочно ходатайствовать через областной исполнительный комитет перед президиумом ВЦИК — переименовать город Екатеринбург в «Свердловск» — в память уральского подпольного работника — большевика «товарища Андрея» — Якова Михайловича Свердлова, прекрасного и стойкого борца за свободу рабочих и крестьян, организатора и агитатора, одного из ближайших помощников в тяжелой работе товарища Ленина, и председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов с октябрьских дней 1917 года по 1920 год».

Президиум ВЦИК утвердил переименование Екатеринбурга 3 ноября. 6 ноября 1924 года, в седьмую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, на торжественном заседании городского совета постановление Президиума ВЦИК было доведено до сведения трудящихся.

С каждым годом нарастали темпы восстановления промышленности города. В 1924 году в городе, кроме восстановленных ранее предприятий, работали завод «Сталькан», механический и чугунолитейный завод «Машиностроитель», государственная гранильная фабрика треста «Русские самоцветы», два кирпичных завода, аффинажный завод, государственный электромеханический завод Электрокуста, деревообделочный завод «Уральский пролетарий», ватная фабрика, ряд предприятий пищевой промышленности. На Верх-Исетском заводе в 1923/24

---

1) «Екатеринбург за двести лет». Изд. «Уралкнига». Г. Екатеринбург, 1923 г.

2) М. Савельев и П. Поскребышев. «Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам». Соцэкгиз, 1931 г., стр. 128.

3) «Урал». Технико-экономический сборник. Вып. 6. Изд. Уральского областного экономического совещания. Екатеринбург, 1923 г., стр. 333.

хозяйственном году работали уже 4 кровельных клети и один мартен. На нем было занято 1.666 рабочих. Предприятия города не только восстанавливают производство, но и перестраиваются. Наряду с прежней продукцией верхисетские металлурги начинают вводить производство новой. «Следует отметить прокатку этим заводом динамного железа для электрических машин. Несмотря на новизну и трудность производства, завод добился прекрасных результатов[1]). Растет выработка продукции городских промышленных предприятий: в 1925 году она достигает 28 млн. рублей.

Развитие промышленности Свердловска лимитирует недостаток электроэнергии: «уцелевшие машины городской станции могут дать городу лишь 2/3 «голодной нормы» электрической энергии». Город питался дополнительной энергией с Верх-Исетского завода (до 300 квт.) и с Березовских золотых приисков, «но оба эти предприятия развивают свою работу и должны прекратить подачу энергии в город»[2]). Выход был в строительстве новой электростанции на дешевом топливе. Станцию решено было строить на торфяных массивах близ Верх-Исетского завода. Местом постройки избрали пустынный Конный полуостров Верх-Исетского пруда, в 7 километрах от города. Для финансирования строительства «организуется акционерное общество с привлечением всех заинтересованных хозяйственных органов[3]»). На новой станции «в первую очередь намечено установить 2 турбогенератора по 3.000 квт, но с расчетом дальнейшего усиления единицами не менее как в 5.000 квт»[4]).

Не менее важное значение не только для промышленности, но и для обслуживания населения Свердловска имело водоснабжение. Недостаток воды при наличии хороших водных ресурсов был для города настоящим бичом. Вопрос о водопроводе в екатеринбургской купеческо-домовладельческой думе дебатировался более тридцати лет. Впервые проект водопровода был предложен думе еще в 1884 году, но «отцы города» никак не могли столковаться. Дума вынесла решение: «устройство водопровода в настоящее время затруднительно по недостаточности городских средств и ввиду того, что водоснабжение у нас поставлено в сравнительно еще сносные условия» (!)[5]). Позднее, не взирая на то, что дума уже признавала необходимость строительства водопровода, она, обсуждая вопросы водоснабжения города, ограничивалась полумерами. В октябре 1908 года ею, например, было поручено постоянной водопроводной комиссии «при участии сведущих лиц заняться разработкой вопроса о снабжении города питьевою водою из имеющихся ключей и о способах водоснабжения в таких районах города, которые удалены от ключей»[6]). В январе 1911 года дума отклонила проект устройства водопровода со сдачей его в концессию некоему Павловскому[7]). А в 1913 году, когда как будто вопрос о строитель-

---

[1]) Статья «Промышленность Урала» в «Уральском торгово-промышленном справочнике 1925 г.». Г. Пермь, 1925 г., стр. 141.

[2]) «Урал». Технико-экономический сборник. Вып. 6. Изд. Уральского областного экономического совещания. Екатеринбург, 1923 г. стр. 330.

[3]), [4]). Там же.

[5]) СОГА., ф. 62, оп. 1., дело 692.

[6]), [7]) Там же.

стве водопровода был поставлен уже практически, она смогла найти на его устройство... всего 813 рублей[1]).

Водопровод в Свердловске появился только в условиях советского строя. В 1924 году был разработан проект его сооружения, в 1925 году началось строительство, а в конце 1925 года уже состоялось открытие. Подача воды началась из водопроводных установок Конного полуострова; первыми получили воду из водопровода верхисетские рабочие.

Дореволюционный Екатеринбург не имел механического транспорта. Автомобиль на улицах города был событием не только для населения. В октябре 1907 года на заседании городской думы была избрана специальная комиссия «для рассмотрения ходатайства товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов о разрешении движения в г. Екатеринбурге автомобиля»[2]). Свердловск с 1925 года начинает обзаводиться городским механическим транспортом. Горсовет приобретает пять первых автобусов «форда» с общим количеством 60 мест. В это время собственной автомобильной промышленности в СССР еще не было. Автобусы приобретались за-границей.

С нарастанием темпов восстановления города растут потребности городского населения и, в первую очередь, в жилищах. С 1924—25 гг. начинается новое жилищное строительство. Пионерами его являются индивидуальные застройщики. С осени 1924 года развертывает организованное строительство Пермская железная дорога. Оно начинается там, где сейчас раскинулся обширный Октябрьский район города. Железнодорожники фактически положили начало созданию Октябрьского поселка.

Чтобы исключить стихийность в постройке новых жилищ, Свердловский горсовет, почти одновременно со строительством Октябрьского поселка, принял первый план размещения новых построек. Для нового жилищного строительства были определены специальные районы. В южном направлении, за 4-й Загородной улицей, под новое строительство была отведена площадь в 200 гектаров. В северо-восточной части, севернее Березовского тракта, был запроектирован так называемый «Новый поселок» площадью в 300 гектаров. Зеленая роща и территория дореволюционной люмпен-пролетарской «Нахаловки» составили район Втузгородка, где предполагалось сосредоточить основные учебные и научно-исследовательские учреждения. В 1924—25 гг. в городе были сданы в эксплоатацию первые шесть тысяч квадратных метров новой жилой площади.

В конце 1925 года состоялся XIV с'езд партии. К этому времени промышленность и сельское хозяйство были восстановлены и приближались к довоенному уровню. Товарищ Сталин поставил на с'езде перед партией задачу индустриализации страны. На основе директив XIV с'езда партии в стране могучими темпами развернулась реконструкция старых предприятий, началось создание новых отраслей промышленности, бурно стала расти тяжелая промышленность.

Свердловск — областной центр — средоточение всей огромной организаторской работы по реконструкции старых заводов, по строительству новых предприятий—встал во главе борьбы за индустриализацию обширного горного края, за превращение старого «седого» Урала в

---

1) СОГА, ф. 62, [illegible]
2) Там же

новый социалистический Урал. В самом Свердловске реконструируются предприятия, имеющие будущность: В.-Исетский завод, завод «Металлист» и др.

Вместе с промышленным ростом города росли его потребности в области коммунального обслуживания и особенно жилищного хозяйства. Июльский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1926 года в резолюции по жилищному строительству дал на целый ряд лет указания о развитии жилищного хозяйства. «Жилищный вопрос в быту рабочих, — указывал пленум, — становится одним из наиболее острых вопросов, без положительного решения которого невозможно сколько-нибудь значительное улучшение положения рабочих. Кроме того, усиливающийся жилищный кризис задерживает дальнейшее развертывание промышленности, являясь значительным препятствием в деле вовлечения рабочей силы в производство и отрицательно влияющим на рост производительности труда»[1]).

В Свердловске широко развертывается новое жилищное строительство. Кроме средств города привлекаются большие средства хозяйственных организаций, жилищной кооперации. В то время как за три года — с 1924 по 1926 год — в городе было построено новой жилой площади 55 тысяч квадратных метров, в одном 1927 году ее было сдано в эксплоатацию 46 тысяч квадратных метров, а в 1928 году — 53 тысячи квадратных метров.

Серьезное внимание уделяется качеству строительства. До 1927 года вновь строящиеся жилые дома в большинстве были деревянные. С 1927—28 гг. начинается строительство каменных многоэтажных и многоквартирных домов. Строятся 1, 2, 3 и 4 дома горсовета по четыре-пять этажей, рассчитанные на сотни комнат (1-й дом на 237, 2-й — на 354, 3-й — на 582 и 4-й — на 400 комнат). Строительство таких крупных многоэтажных домов было большим событием для города. До революции в Свердловске дома выше двух этажей почти не строились.

Одновременно возводились здания учреждений: управление железной дороги, клуб им. Горького, дом Центроспирта, гостиница ярмаркома, Центральная гостиница, физиотерапевтический институт, хирургический корпус новой городской больницы.

В Свердловске появляются: первая большая коммунальная баня, первый хлебозавод, удовлетворивший наполовину потребность населения города в печеном хлебе, первый холодильник. Начались работы по благоустройству: ремонт мощеных улиц, устройство тротуаров, озеленение.

В 1927 году была введена первая очередь новой электростанции, строившейся на Конном полуострове Верх-Исетского пруда. Электроэнергию получили предприятия, жилые дома, улицы города. В черте Верх-Исетского поселка и поселка Ленинской фабрики впервые появились уличные фонари: 600 фонарей — в пять раз больше, чем их было до революции в целом городе.

Продолжает развиваться городской механический транспорт. Улучшается и расширяется автобусное движение. Маломощные «форды» за-

---

[1]) М. Савельев и А. Поскребышев. «Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам». Соцэкгиз, 1931 г., стр. 320.

меняются «фиатами» и «фомагами». Автобусы связывают город с Верх-Исетским заводом, с пригородами: Уктусом, Шарташом, Арамилью.

Одни автобусы не могли, однако, удовлетворять потребности города в механическом транспорте. Встал вопрос о строительстве трамвая. Необходимость строительства трамвая была осознана еще дореволюционной городской думой, но дума не могла разрешить вопроса, хотя он поднимался не раз. В 1910 году дума обсуждала предложение концессионной фирмы, имевшей в виду построить «10 километров одиночного пути раз'ездами и пустить в эксплоатацию 10 вагонов». Но даже и такой ничтожный проект не был осуществлен. Своими же силами построить трамвай дума была не в состоянии: у нее не было средст. В 1914 году директор Сибирского торгового банка Соловейчик «предлагал свои услуги городу в отношении приглашения финансистов по устройству в городе Екатеринбурге трамвая». Дума, обсудив предложение, передала его в комиссию по благоустройству города, где оно было похоронено[1]).

При советской власти вопрос о строительстве трамвая был поставлен в 1926—27 гг. 19 августа 1927 года президиум Свердловского окружного исполнительного комитета постановил:

«Учитывая, что на основе материалов предварительной разработки вопроса о сооружении трамвая в г. Свердловске, устанавливается, что сооружение трамвая отвечает насущным потребностям города и что эксплоатация трамвая будет вполне рентабельной для коммунального хозяйства, подтвердить постановление президиума окрисполкома и горсовета от 16/XII-1926 и 9/VIII-1927 года о необходимости сооружения трамвая в г. Свердловске с тем, чтобы к этим работам приступить с 1927/28 гг.»[2]).

Первая трамвайная линия (вокзал — Цыганская площадь, ныне ул. Щорса), была сдана в эксплоатацию в 1929 году в день двенадцатой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

С 1928 года в Свердловске началось строительство канализации.

Чем шире развертывалась индустриализация, тем выше становились темпы переустройства старого города. Но это были еще только первые шаги на пути к его широкой реконструкции.

У Свердловска—большое индустриальное будущее. Географическое, экономическое и политическое значение города предопределяли его роль в индустриальном развитии Урала и страны. Свердловск находится в центре горнозаводского района, в окружении многих металлургических заводов, здесь скрещиваются важнейшие железнодорожные пути, связывающие Урал с центром и востоком страны. По отношению к крупнейшим индустриальным районам Урала Свердловск занимает срединное положение, его местоположение удачно в единой системе энергоснабжения края, наконец, — он издавна сложился как крупный политический и организационный центр. Опираясь на предприятия, производящие металл, Свердловск может стать центром машиностроения и металлообработки. Так, в соответствии с директивами партии и советского правительства, определял место Свердловска пятилетний план хозяйства Урала на 1928-29 — 1932-33 гг., разработанный Уралпланом. На первое место в перспективе развития города

---

1) СОГА. Фонд 62. оп. 1, л. 826.

2) Протокол № 48 заседания президиума Свердловского окружного исполнительного комитета от 19 августа 1927 года.

было выдвинуто строительство Уральского завода тяжелого машиностроения.

Первым крупным почином в области общего машиностроения, — читаем мы в этом плане, — является... Свердловский завод тяжелого машиностроения. Строительная стоимость завода первой очереди определяется в 38 млн. рублей, его годовая мощность в ценностном выражении — 18 миллионов рублей, первый выпуск валовой продукции предположен в 1931 году...

...Значение этого завода будет полностью выявлено в первые годы последующего пятилетия, когда он, развернув свою полную производительность, сумеет обеспечить реконструируемые и вновь строящиеся предприятия машинами и различным техническим оборудованием»[1]).

В 1928 году, 15 июля, в день девятой годовщины освобождения Урала от колчаковщины и интервентов, в Свердловске произошло историческое событие. Близ Свердловска, в сосновом бору, на месте, где в 1905 году рабочие собирались на нелегальные митинги, была проведена закладка первого цеха Уральского завода тяжелого машиностроения—цеха металлических конструкций[2]).

В 1929 году XVI всесоюзная партийная конференция приняла первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Это был гигантский план перевооружения и реорганизации промышленности, транспорта и сельского хозяйства на основе новой современной техники.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать не только промышленность в целом, но и транспорт, но и сельское хозяйство — на базе социализма» (Сталин)[3]).

Урал был призван сыграть огромную роль в социалистическом преобразовании страны. Эту роль Урала предвидел еще в первые годы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин. Говоря о том, что возрождение России, под'ем производительных сил страны потребуют прежде всего обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности, Ленин в 1918 году писал: Российская советская республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает даже после Брестского мира — гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь), на Кавказе и юго-востоке (нефть), в центре (торф), гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил»[4]).

Но Урал приковывал к себе внимание Ленина не только комплексом своих природных богатств. Не менее оценивал Ленин и другую сторону — военно-стратегическое значение Урала, его географическое положение, его неуязвимость, недоступность для врагов в период неизбежных будущих военных столкновений. Изыскивая в то время —

[1]) «Пятилетний план хозяйства Урала на 1928/29—1932/33 гг.». Изд. Уралплана, 1929 г.

[2]) «Уральский рабочий», 17 июля 1929 г.

[3]) И. Сталин, «Вопросы ленинизма», 10 изд., стр. 485.

[4]) Ленин, соч., т. XXII, стр. 453.

в период оккупации немцами Украины — для «Российской советской республики (без Украины и без занятых немцами областей) возможности самостоятельно снабжать себя всеми главнейшими видами сырья и промышленности»[1]). Ленин в телеграмме, посланной на Урал в апреле 1918 года, требовал создания «единой хозяйственной угольно-металлургической промышленности Урала и Кузнецкого каменноугольного бассейна»...

Продолжая разрабатывать ленинское учение о наиболее рациональном размещении производительных сил страны, товарищ Сталин развил и практически осуществил идею Ленина о создании Урало-Кузнецкого хозяйственного комбината. По инициативе товарища Сталина ЦК ВКП(б) 15 мая 1930 года принял постановление «О работе Уралмета», определившее перспективы развития Урала и его роль в народном хозяйстве страны. «Индустриализация страны, — говорилось в этом постановлении, — не может опираться в дальнейшем только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири.

Запасы уральских железных руд, превышающие 1 млрд. тонн, сочетание их с сибирскими и кизеловскими углями, лесными массивами, благоприятное географическое положение создают все необходимые предпосылки для развития на Урале технически передового, крупного, комбинированного хозяйства и превращения Урала в новый крупный металлургический центр»[2]).

Намечая в политическом отчете ЦК XVI с'езду ВКП(б) очередные задачи партии, товарищ Сталин говорил: «1) Прежде всего проблема **правильного размещения промышленности по СССР.** Как бы мы ни развивали народное хозяйство, нельзя обойтись без вопроса о том, как правильно разместить промышленность как ведущую отрасль народного хозяйства. Сейчас дело обстоит так, что наша промышленность, как и наше народное хозяйство, опирается в основном на угольно-металлургическую базу на Украине. Понятно, что без такой базы немыслима индустриализация страны. И вот такой базой является у нас украинская топливно-металлургическая база. Но может ли в дальнейшем одна лишь эта база удовлетворять и юг, и центральную часть СССР, и север, и северо-восток, и Дальний Восток, и Туркестан? Все данные говорят нам о том, что не может. Новое в развитии нашего народного хозяйства состоит, между прочим, в том, что эта база уже стала для нас недостаточной. Новое состоит в том, чтобы, всемерно развивая эту базу и в дальнейшем, начать вместе с тем немедленно создавать вторую угольно-металлургическую базу. Этой базой должен быть Урало-Кузнецкий комбинат, соединение кузнецкого коксующегося угля с уральской рудой»... Сообщив далее о вновь строящихся на Урале, в Сибири, Нижнем, Саратове, Казахстане и Туркестане предприятиях, — товарищ Сталин указывал, что «все это повелительно требует немедленного приступа к делу образования второй угольно-металлур-

---

[1]) Ленин, соч., т. XXII, стр. 439.

[2]) М. Савельев и А. Поскребышев. «Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам». Соцэкгиз, 1931 г., стр. 703—704.

гической базы на Урале». «Вы знаете, — напоминал он, — что ЦК нашей партии высказался в этом именно духе в своей резолюции об Уралмете»[1]).

XVI с'езд партии одобрил, по предложению товарища Сталина, решение ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 года и подтвердил, что «индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири»[2]).

Впоследствии Великая Отечественная война 1941—1945 гг. полностью подтвердила жизненную необходимость создания второй индустриальной, а, стало быть, и оборонной базы на востоке страны. «Разве не очевидно, — говорил тов. Г. М. Маленков в 1946 году, — что без Кузбасса и без промышленности Урала мы бы проиграли войну? Все это надо было заранее видеть. Сталин велик тем, что он в мирное время видел то, что всем стало ясно во время войны. Он видел и вел советский народ вперед по трудному, но единственно правильному пути укрепления обороноспособности нашей страны»[3]).

Создание на востоке второй индустриальной и оборонной базы страны выдвинуло Свердловск на место одного из наиболее крупных индустриальных центров. Задачи, поставленные перед городом первоначальными планами, стали значительно шире. Свердловск становится центром машиностроения Урало-Кузбасса. Ранее запроектированные мощности заводов были увеличены. Было намечено строительство новых заводов. Определилась организующая, ведущая роль Свердловска в создании социалистической индустрии и крупного механизированного сельского хозяйства на Урале.

Социалистическая индустриализация страны сильно изменила весь облик Свердловска. Уже в начале первой пятилетки в его жизни совершенно отчетливо были видны результаты социалистических преобразований. Главным фактором, определявшим развитие Свердловска, было плановое развитие промышленности, его бурный промышленный рост. В 1930 году выпуск валовой продукции промышленности города оценивался в 83 миллиона рублей, т. е. почти в двенадцать раз превысил довоенный. Еще более показательны были темпы роста продукции. «Валовая продукция промышленности города в 1928—29 г. дала прирост на 31 проц., а в 1929—30 г. — на 33 проц. В 1927—28 г. она составляла 43.250 тыс. руб., а в 1929—30 г. уже 82.900 тыс. руб.; таким образом, за два года рост валовой продукции промышленности выразился в 81,7 проц.»[4]).

Наиболее интенсивно росли предприятия тяжелой промышленности. Верх-Исетский завод имел уже 13 цехов, в числе их шесть основных:—

[1]) И. Сталин. «Вопросы ленинизма», 10 изд., стр. 399—400.

[2]) М. Савельев и А. Поскребышев. «Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам». Соцэкгиз, 1931 г. стр. 726.

[3]) Речь тов. Г. М. Маленкова на предвыборном собрании избирателей Ленинградского избирательного округа гор. Москвы, 7 февраля 1946 г. «Правда», 8 февраля 1946 года.

[4]) АСГС. (Архив Свердловского горсовета). «Отчет Свердловского горсовета XI созыва за 1928-29—1929-30 г.», стр. 9.

мартеновский, сутуночный, листопрокатный, листобойный, сортировочный и динамный.

Резко изменялся характер продукции, выпускаемой предприятиями города; неквалифицированная продукция заменялась более квалифицированной. Верх-Исетский завод отказался от выпуска кровельного железа, которое прежде было основным видом его продукции. Цехи завода стали выпускать динамное, декапированное, трансформаторное железо, специальную листовую сталь высокого качества для нужд электропромышленности[1]).

Рост промышленности повлек за собой быстрое увеличение количества рабочих. «Если в 1927—28 г. количество рабочих, занятых в цензовой промышленности, было 9.506 чел., то в 1929—30 г. число их достигло 16.579 чел. (не считая рабочих ж.-д. транспорта, число которых доходит до 6 тысяч. чел., и строительных рабочих — до 30 тыс. чел.). Таким образом, рост рабочих только по одной цензовой промышленности составляет 74 процента»[2]).

Наиболее ярким показателем роста Свердловска, как промышленного центра и города, где основную массу населения составляют трудящиеся, является факт полной ликвидации безработицы в городе. «Еще в 1928 году на учете биржи труда состояло 7701 безработный. Небывалый размах строительства в городе и рост промышленности, потребовавшие новых кадров, обеспечили полную ликвидацию безработицы в городе. В настоящее время ощущается недостаток в рабочей силе. Особенно нехватает строительных рабочих. В истекшем году (1929—30 г. **А. П.**) хозяйственными органами была сделана заявка на 74 302 человека, послано же было 63 264 чел. Перед горсоветом вплотную встал вопрос о мобилизации резервов рабочей силы и подготовки кадров... В течение 1929—30 г. на различные курсы и в школы было направлено 7309 человек безработных»[3]).

На основе ликвидации безработицы, повышения спроса на рабочую силу, порожденных бурным развитием промышленности и размахом нового строительства, начался процесс увеличения числа работающих в семьях трудящихся города, а это вызвало повышение уровня их материального благосостояния.

Индустриальное развитие Свердловска обусловило также изменение культурного облика населения. До революции половина населения города была неграмотна. Несмотря на то, что Екатеринбург в области народного образования шел впереди многих уездных и даже губернских городов России, сеть учебных заведений в городе по данным 1910 года была невелика: ни одного высшего учебного заведения, 9 средних учебных заведений и 28 низших. На одно учебное заведение приходилось в среднем 1.892 жителя. Отношение учащихся ко всему населению достигало лишь 7,6 процента. Учащихся в городе в 1910 году насчитывалось 5.313 человек[4]).

Таким образом, Свердловск развивался как социалистический город.

---

1) «По Советскому Уралу». Издание изд-ва Уралоблисполкома. Свердловск, 1930 г., стр. 145—146.

2) АСГС. «Отчет Свердловского горсовета XI созыва за 1928-29—1929-30 гг.», стр. 15.

3) Там же, стр. 16.

4) «Города России в 1910 г.». Изд. центр. статистического комитета министерства внутренних дел. СПБ. 1914 г., стр. 748—752

В начале первой пятилетки пленум Свердловского городского совета в одном из своих постановлений записал: «социалистическая перестройка всего народного хозяйства СССР, строительство большого индустриального Урала и его центра—большого социалистического города Свердловска, задача подготовки кадров строителей социализма требует от Свердловского горсовета еще более решительного развертывания мероприятий по под'ему культурного уровня трудящихся масс и в первую очередь распространения обязательного обучения на всех детей»[1]). В 1929 году в городе было введено всеобщее обязательное обучение детей в возрасте от 8 до 10 лет, а в 1930 году — в возрасте от 8 до 11 лет. Одновременно было введено обязательное обучение всех переростков от 11 до 15 лет. В школах первой и второй ступени города в 1930—31 году обучалось 21.509 детей[2]). В городе почти полностью была ликвидирована неграмотность[3]).

Помимо низших и средних школ, в Свердловске в начале первой пятилетки было два вуза — Уральский политехнический институт и Урало-Сибирский коммунистический университет им. Ленина, пять техникумов — индустриальный, художественно-промышленный, педагогический, музыкальный, промышленно-экономический, три школы профессионального образования, две советско-партийных школы, два рабочих факультета, шесть школ фабрично-заводского ученичества и четырнадцать профкурсов[4]).

В городе возникли также шесть научно-исследовательских учреждений, в числе их институты: научной организации труда, по обогащению руд (Уралмеханобр), прикладной минералогии и цветной металлургии[5]).

Таким образом, Свердловск развивался не только как крупный промышленный, но и как крупный культурный центр.

Но все это было лишь началом коренного социалистического преобразования Свердловска. Социалистическая реконструкция города развернулась вширь и вглубь после исторических решений июньского пленума Центрального Комитета ВКП(б) 1931 года о московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР, принятых по инициативе товарища Сталина.

* * *

Июньский пленум ЦК ВКП(б) 1931 года в своих решениях отметил, что «успехи, достигнутые партией и рабочим классом в борьбе за индустриализацию и коллективизацию страны, создали все необходимые условия для решительного улучшения городского хозяйства...

Городское хозяйство в основном закончило восстановительный период и вступает в реконструктивный период...

В борьбе за пятилетку, за дальнейшие успехи социалистического строительства, за преуспевание социалистических предприятий, за улучшение материально-бытовых условий трудящихся, за культурный под'ем и охрану их здоровья, за неуклонный рост реальной зарплаты

---

[1]) АСГС. «Отчет Свердловского горсовета XI созыва за 1928-29—1929-30 г.», стр. 46—47.

[2]), [3]) Там же, стр. 48, 49, 6.

[4]), [5]) «По Советскому Уралу». Изд. из-ва Уралоблисполкома, Свердловск. 1930 г., стр. 154—150.

вопросы городского хозяйства (жилище, водоснабжение, освещение, отопление, канализация, городской транспорт, внешнее благоустройство, бани, прачечные, общественное питание) приобретают крупнейшее значение».

Пленум указал, что «в старых промышленных центрах, бурно выросших за последние годы, ...вопрос о развитии и реконструкции городского хозяйства является вопросом не только обслуживания живущих там сейчас трудящихся масс, но и вопросом размещения, передвижения и материально-культурного обслуживания новых сотен тысяч и миллионов рабочих ...

Пленум подчеркнул, что «наряду с завершением восстановительного процесса там, где еще городское хозяйство полностью не восстановлено, главная задача состоит в том, чтобы развернуть работу по расширению, перестройке и развитию городского хозяйства применительно к требованиям, какие пред'являются сейчас бурными темпами индустриализации, увеличением городского населения, ростом бытовых и культурных потребностей широких трудящихся масс».

«Все это вместе взятое по-новому ставит перед партией проблему города в реконструктивный период, проблему перестройки старых и строительства новых городов»[1]).

Новое в развитии городов нашей страны состояло в том, что под него подводилась научная база. «Мы должны, — говорил на июньском пленуме ЦК ВКП(б) тов. Каганович, — всю практику строительства городов в Советской стране развертывать на основе тех теоретических указаний, которые дали нам Маркс, Энгельс и Ленин. Указание т. Сталина в речи на конференции аграрников об отставании научной теоретической мысли от нашей практики особенно ощутительно здесь, в вопросе о развитии и строительстве городов»[2]).

Июньский пленум ЦК ВКП(б) 1931 года указал на необходимость серьезной марксистско-ленинской разработки вопросов о направлении и перспективах развития городов СССР.

В основе развития и строительства наших городов лежит марксистско-ленинское учение о социалистическом расселении человечества. Это расселение коренным образом отличается от расселения капиталистического. Теоретические основы учения о новом, социалистическом расселении были даны Марксом и Энгельсом и в дальнейшем разработаны Лениным и Сталиным «в стройное учение о способах и формах расселения в бесклассовом социалистическом обществе»[3]).

Марксистско-ленинское учение о социалистическом расселении опирается на решение одной из коренных задач пролетарской революции—ликвидации противоположности между городом и деревней. Марксизм-ленинизм учит, что социалистическое расселение связано «с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах»[4]).

---

1) «Резолюция июньского пленума ЦК ВКП(б) (11—15 июня 1931 г.)». Справочник партийного работника. Вып. 8. Партиздат, 1934 г., стр. 198—207:

2) Л. М. Каганович. «За социалистическую реконструкцию Москвы и городов СССР». Изд. «Московский рабочий», 1931 г., стр. 60.

3) Проф. Б. Веселовский. «Коммунальное строительство Сталинской эпохи». Журнал «Коммунальное строительство», 1939 г., кн. 12.

4) В. И. Ленин, соч., том XVIII, стр. 25.

Ленин связывал постановку вопроса о городе с вопросом о соединении «промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда»[1]).

Ленин указывал, что для полного уничтожения классов необходимо не только свергнуть эксплоататоров и отменить их собственность,— надо еще отменить и всякую частную собственность на средства производства, «надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда». Но Ленин одновременно предупреждал, что «это — дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил»[2]).

Товарищ Сталин в беседе с первой американской рабочей делегацией говорил о том, что в коммунистическом обществе «не будет противоположности между городом и деревней, между индустрией и сельским хозяйством»[3]).

Поэтому партия поставила проблему социалистического города во весь рост только в 1931 году не случайно. К этому времени были уже достигнуты большие успехи в области индустриализации и социалистического сельского хозяйства, в области сближения промышленности и сельского хозяйства. Таким образом, вопрос о социалистическом городе был выдвинут всем ходом, успехами нашего социалистического строительства. Уже первые успехи коллективизации, первые успехи социалистического преобразования деревни, достигнутые на основе индустриализации страны, дали возможность товарищу Сталину говорить на конференции аграрников-марксистов в 1929 году, что «вопрос об отношениях между городом и деревней становится на новую почву, что противоположность между городом и деревней будет размываться ускоренным темпом...

Это обстоятельство имеет... величайшее значение для всего нашего строительства. Оно преобразует психологию крестьянина и поворачивает его лицом к городу. Оно создает почву для того, чтобы лозунг партии «лицом к деревне» дополнялся лозунгом крестьян-колхозников «лицом к городу». И в этом нет ничего удивительного, ибо крестьянин получает теперь от города машину, трактор, агронома, организатора, наконец, прямую помощь для борьбы и преодоления кулачества. Крестьянин старого типа с его зверским недоверием к городу, как к грабителю, отходит на задний план. Его сменяет новый крестьянин, крестьянин-колхозник, смотрящий на город с надеждой на получение оттуда реальной **производственной** помощи»[4]).

Каждый город нашей страны мог бы проиллюстрировать эти слова товарища Сталина яркими данными, характеризующими крупные сдвиги в сближении города с деревней в первые годы колхозного строительства. К Свердловску в 1929—1930 году были присоединены бывшие Арамильский и Березовский районы. Перед городом была поставлена задача—создания в этих районах сельскохозяйственной огородно-молочной базы. Уже в это время Свердловск сумел организовать широкую помощь пригородным колхозам: «Горсовет вплотную подошел к

---

1) В. И. Ленин, соч., том XVIII, стр. 25.
2) В. И. Ленин, соч., том XXIV, стр. 337.
3) И. Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 10-е, стр. 193.
4) И. Сталин «Вопросы ленинизма», изд. 10-е, стр, 310—311.

осуществлению практической помощи деревне и непосредственному руководству социалистическим переустройством сельского хозяйства в районах». В весеннюю посевную кампанию 1930 года горсоветом были направлены бригады для временной работы в количестве 100 человек и, кроме того, послано для постоянной работы в деревне 65 депутатов, большая часть которых работает сейчас председателями сельсоветов...». «В результате материально-технической помощи города, постепенно крепнет техническая база колхозов. Имеются 6 тракторов. В 1930 году район затратил на приобретение сельскохозяйственных машин 22.292 руб.; на развитие сельского хозяйства затрачено 130546 руб. государственных средств. Из этой суммы колхозно-кооперативная система получила 97 проц., единоличники—3 проц.». Городские организации помогли колхозам организовать «4 красных уголка, один клуб, установить 50 громкоговорителей». С помощью из города были организованы также «4 постоянных и 8 летних детских яслей, которые обслуживают 54,4 проц. детей колхозников в возрасте до трех лет. 6 детских площадок охватывают 24 проц. детей до восьмилетнего возраста. Выписывается 325 экземпляров различных газет и журналов»...[1]).

Величайшие победы на фронте индустриализации привели к успехам социалистического переустройства сельского хозяйства. Страна вступила в период социализма. Именно этот период, обеспечивший ускоренные темпы ликвидации противоположности между городом и деревней, наряду с дальнейшей индустриализацией и коллективизацией сельского хозяйства, выдвинул на первый план, как одну из главнейших задач социалистического строительства, — задачу социалистической реконструкции городов и городского хозяйства. От решения этой задачи в значительной мере зависели дальнейшие успехи индустриализации страны и строительства социализма.

Городское хозяйство в своем развитии отставало от индустриального развития городов; это отставание могло быть в дальнейшем серьезным тормазом на пути социалистического строительства. Вот почему июньский пленум ЦК ВКП(б) 1931 года поставил «перед всеми партийными, советскими, профсоюзными и хозяйственными органами боевую задачу скорейшей ликвидации отставания городского хозяйства от общего развития и решительного перелома в темпах его развития»[2]).

В Свердловске диспропорция между ростом города и состоянием городского хозяйства проявлялась особенно резко. Население города росло все быстрее. «Прирост населения города только за один... 1930 год выразился в 30.700 человек, т. е. в 20,3 проц. к предыдущему году»[3]). В 1929 году население города достигло 187 тыс. чел., в 1930 году было уже 225 тыс. человек[4]). Между тем, строительство трамвая только еще началось, канализация строилась медленно, развитие водопроводной сети и энергоснабжение отставали от запросов промышленности и населения. Но особенно сильно ощущалось отставание город-

---

1) АСГС. «Отчет Свердловского горсовета XI созыва за 1928-29—1929-30 г.», стр. 5, 22, 24.

2) «Революции июньского пленума ЦК ВКП(б) (11—15 июня 1931 года)». Справочник партийного работника. Выпуск восьмой. Партиздат, 1934 г. стр. 199:

3) АСГС. «Отчет Свердловского горсовета XI созыва за 1928-29—1929-30 г.», стр. 28.

4) Там же.

ского хозяйства в области жилищного строительства. Хотя «строительство жилищ шло небывалым темпом, вся выстроенная за 4 года (1927—1930 гг. **А. П.**) площадь составляла третью часть старого города»,—«жилищный вопрос для г. Свердловска являлся крайне тяжелым в связи с огромным ростом города. За последний год (1930 г. **А. П.**) средняя норма жилплощади на одного человека... несколько уменьшилась, а именно: с 4,5 до 4,3 кв. м.»[1]).

Необходимо было подтянуть развитие городского хозяйства до уровня развития всего народного хозяйства. С другой стороны, одновременно нужно было решить проблему коренной, социалистической реконструкции города. Свердловский городской совет тогда формулировал свою основную задачу так: «В ближайшее время должен быть создан новый социалистический Свердловск. К этой работе городской совет подошел вплотную»[2]).

Марксизм-ленинизм учит, что социалистические города развиваются на основе правильного, целесообразного планового размещения и развития производительных сил. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «Только общество, способное гармонически приводить в движение свои производительные силы, согласно единому общему плану, в состоянии организовать их так, что будет возможно равномерно распределить крупное производство по всей стране, в полном соответствии с его собственным развитием и сохранением и развитием прочих элементов производства. Таким образом устранение противоречия между городом и деревней не только возможно, но оно стало просто необходимым в интересах индустриального и земледельческого производства, а также в целях общественной гигиены»[3]).

Социалистический город развивается по пути ликвидации вековой противоположности между городом и деревней: он не противостоит деревне, а ведет ее за собой на социалистическое преобразование. Развиваясь на основе планового использования производительных сил, социалистический город исключает практику стихийного развития, присущую капиталистическому городу, приводившую к тому, что на небольшом участке скоплялись большие массы населения. Строительство социалистического города предполагает равномерное распределение населения по всем его районам, соответственно с этим равномерное распределение бытовых и культурных учреждений для обеспечения и улучшения всех условий жизни трудящихся масс. В социалистическом городе исключены противоречия между роскошными кварталами в центре и заброшенными рабочими окраинами. В строительстве социалистического города исключены стихийность, самотек; социалистический город строится, развивается на основе целеустремленного, научно-разработанного плана.

Образцом такого плана для реконструкции старых городов и строительства новых городов СССР явился сталинский генеральный план социалистической реконструкции столицы нашей Родины Москвы. В этом плане нашли полное отражение марксистко-ленинское учение о новом, социалистическом расселении, принципы создания новых, социалистических городов.

---

1) АСГС. «Отчет Свердловского горсовета XI созыва за 1928-29—1929-30 гг.», стр. 28

2) Там же, стр. 30, 28.

3) Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг». Партиздат, 1932 г., стр. 214.

Двумя неделями ранее июньского пленума ЦК ВКП(б) 1931 года состоялось постановление президиума ВЦИК о городском хозяйстве Свердловска. «Учитывая быстрый рост гор. Свердловска, как хозяйственного, политического и культурного центра большого Урала и констатируя значительное отставание в развитии жилищного, коммунального и социально-культурного строительства от темпов нового промышленного строительства и роста городского населения», президиум ВЦИК предложил Свердловскому городскому совету, «решительно продолжая перестройку своей работы лицом к производству и коллективизации, — уделить исключительное внимание организации городского хозяйства, всемерно улучшать работу по обслуживанию социально-бытовых запросов трудящихся»[1]).

Президиум ВЦИК обязал городской совет разработать генеральный план социалистической реконструкции Свердловска.

Разработка этого плана протекала в обостренной классовой борьбе. Масштабы, об'ем плана были встречены в штыки оппортунистами всех мастей. В плановых органах Свердловска нашлись сторонники урбанистических и дезурбанистических извращений[2]) марксистско-ленинской теории социалистического расселения, использованных врагами народа—правыми и «левыми» реставраторами капитализма для борьбы против социалистической реконструкции города.

Среди городских планировщиков были урбанисты-сторонники городов-гигантов, — с двадцатью-сорока и более этажными зданиями. Они мыслили создавать Свердловск по типу американских городов-гигантов. Урбанисты лили воду на мельницу троцкистов: они повторяли зады пресловутой контрреволюционной троцкистской теории — «пожирания крестьянского хозяйства».

Были среди свердловских планировщиков и дезурбанисты, вытаскивавшие на свет мелкобуржуазную идею разукрупнения городов. Таких было большинство. Стоит ли размахиваться в плане строительства города так широко? — говорили они. — Не лучше ли ограничиться постройкой нескольких сот одно-и двухэтажных домов, чем строить каменные многоэтажные дома? Они рассматривали будущий Свердловск, как город-«ленту», пытались убедить в необходимости «приблизить город к природе», защищали идею создания внутри Свердловска, примерно, в районе горного института, города-сада. Дезурбанисты извращали марксистско-ленинское учение о социалистическом расселении и, отрицая ведущую роль города в социалистическом преобразовании деревни, лили воду на мельницу правых реставраторов капитализма.

Те и другие тянули город назад, в прошлое — к капиталистическому городу. И те и другие были разоблачены. Свердловск пошел в реконструкции своей дорогой, — дорогой создания социалистического города, указанной партией, опираясь на опыт сталинского генерального плана реконструкции Москвы.

Огромную помощь в разработке генерального плана Свердловска

---

[1]) Постановление президиума ВЦИК по докладу Свердловского городского совета от 30 мая 1931 г. АСГС. Отчет Свердловского городского совета XII созыва о работе с 1 января 1931 г. по ноябрь 1934 г., стр. 121.

[2]) А. Нейштадт. «Свердловск индустриальный». Уральское издательство, г. Свердловск, 1934 г.

и в новом строительстве оказали Москва и Ленинград. Московский Совет прислал в Свердловск специальную бригаду и взял шефство над реконструкцией города для «перенесения сюда, — как говорилось в письме Моссовета к свердловчанам, — опыта работы главных участков городского строительства Москвы». Ленинградский совет организовал для работников свердловского коммунального хозяйства консультации по вопросам использования новых строительных материалов и механизации строительства.

Реконструкция Свердловска требовала больших капитальных затрат, огромных усилий со стороны партийной организации и совета города, самой активной помощи трудящихся. Об'ем задач определялся прежде всего тем состоянием городского хозяйства, в котором оно находилось перед реконструкцией. Несмотря на значительные успехи, достигнутые к тому времени, оно достигло уровня, который еще совершенно не соответствовал гигантски возросшему значению Свердловска, как центра крупнейшего индустриального района страны.

После июньского пленума ЦК ВКП(б) вопрос о реконструкции Свердловска обсуждался на бюро областного комитета партии, которое приняло специальное постановление. Оно дает представление о тех задачах, которые предстояло решать городу в период реконструкции.

«В строительстве свердловского городского хозяйства, особенно за последние годы, — констатировало бюро обкома, — имеются серьезные достижения. При увеличении жилищного фонда по городу почти в два раза (в 1917 году — 514 тыс. кв. метров, а на 1 января 1931 года — 924 тыс. кв. м.), за последние 2 года построено новой жилищной площади около 220 тыс. кв. м. Построен водопровод, заново организовано трамвайное и автобусное сообщение, построены две бани, строится канализация, эксплоатируется новая электростанция... Значительно увеличилась школьная площадь, строится научно-учебный городок (Втузгородок), намечающий охватить до 20000 учащихся, построен ряд рабочих клубов и новых крупных больниц. Построены фабрика-кухня и хлебозавод.

Несмотря на размах, в строительстве города имеют место медлительность, отставание целого ряда работ и строительства по городу от установленных сроков и далеко не удовлетворительное обеспечение рабочих и трудящихся жилищами и социально-бытовым обслуживанием. Город переживает острый жилищный кризис, отпуск воды из водопровода чрезвычайно незначительный, норма площади на ученика в школах в два раза ниже установленной, все еще крайне недостаточен охват рабочих и трудящихся медицинской помощью; общественным питанием рабочие основных видов промышленности охвачены только на 50 процентов». Вместе с тем бюро обкома отмечало также плохо вымощенные улицы, избитые дороги, архаическую телефонную связь, слабое уличное освещение, редкие зеленые насаждения и проч.[1]).

Реконструкция города развернулась на основе решений июньского пленума ЦК ВКП(б) 1931 года, на основе новой планировки города. Эта планировка исходила из наиболее целесообразного размещения

---

[1]) Постановление Бюро Уральского обкома ВКП(б) от 21 июля 1931 г. о задачах реконструкции городского хозяйства Свердловска.

предприятий: комбинирования их в группы, кооперирующиеся порайонно в технологическом процессе; наибольшей увязки предприятий с транспортом. Она предусматривала целеустремленное районирование города: организацию жилых районов для расселения рабочих вблизи предприятий, с соблюдением при этом необходимых санитарно-гигиенических условий; распределение городской территории на административные, селитебные и культурно-просветительные районы. Она разрешала вопрос о комплексном планировании жилищных и бытовых условий: электроосвещение, теплофикация, водопровод, канализация, телефон, местный транспорт и проч.

Новый социалистический город рос в напряженном труде, в жестокой борьбе с классово-враждебными силами, пытавшимися срывать реконструкцию города. В ходе строительства они доказывали «непригодность асфальта в свердловских условиях», пешку и брусчатку считали излишней роскошью, стремились убедить, что лучше и дешевле будет обыкновенный булыжник. Они пытались сбить городские организации с толку своими необоснованными подсчетами «о недостатке воды» в городе. Некоторые из них вредили открыто: на строительстве городка Уралмашзавода запутывали финансирование, убивали средства на второстепенные об'екты, растаскивали оборудование фибролитового завода; построили завод бесцементных камней по перевернутому чертежу; в 1933 году подожгли новый кузнечно-прессовый цех Уралмашзавода.[1]). Но партийная организация и советы города, неустанно воспитывая трудящихся города в духе большевистской бдительности, опираясь на их поддержку и самоотверженный труд, разгромили троцкистско-бухаринских вредителей.—врагов народа, расчистили путь для развития города по социалистическому плану.

Из года в год, по мере того как росло и крепло социалистическое государство, темпы строительства нового Свердловска нарастали. Правда, город строился не без ошибок, особенно в первые годы реконструкции, когда спешили строить; экономя средства, стремились построить возможно больше, не обращая нужного внимания на качество, на архитектуру, допускали упрощенное оформление. Вот почему в городе есть новые сооружения, архитектурное оформление которых не соответствует советскому архитектурному стилю. Вот почему среди новых домов в Свердловске немало «домов-коробок», и есть такие дома, которые в свое время газета «Правда» правильно называла «архитектурными уродами». Так, например, Дом печати выстроен в виде «слоеного пирога». Жильцы дома Наркомтяжпрома испытывают большие неудобства от того, что окна в этом доме расположены на уровне подбородка взрослого человека[2]). В здании почтамта архитектор почему-то задумал устроить невынимающиеся вторые рамы. Но все эти непростительные и, может быть, дорогостоящие ошибки и промахи были лишь немногими темными пятнами на общем фоне правильного преобразования города.

* * *

Годы сталинских пятилеток в корне преобразовали столицу нашей Родины — Москву и вместе с нею все старые крупные наши города.

---

[1]) А. Нейштадт. «Свердловск индустриальный». Уральское издательство, г. Свердловск, 1934 г.

[2]) «Правда», 3 февраля 1936 г.

В докладе XVII с'езду партии товарищ Сталин говорил: «Изменился облик наших крупных городов и промышленных центров. Неизбежным признаком крупных городов буржуазных стран являются трущобы, так называемые рабочие кварталы на окраинах города, представляющие груду темных, сырых, большей частью подвальных, полуразрушенных помещений, где обычно ютится неимущий люд, копошась в грязи и проклиная судьбу. Революция в СССР привела к тому, что эти трущобы исчезли у нас. Они заменены вновь отстроенными хорошими и светлыми рабочими кварталами. Причем во многих случаях рабочие кварталы выглядят у нас лучше, чем центры города»[1]).

Почти полностью преобразился и Свердловск. На смену старому городу пришел совершенно новый город, контуры которого сумел разглядеть сквозь леса новостроек еще в 1928 году В. В. Маяковский, образно назвавший Свердловск городом — работником и воином[2]).

Сталинские пятилетки сделали неузнаваемой промышленность города[3]).

Ведущими отраслями промышленности Свердловска, где до Великой Октябрьской социалистической революции не было машиностроения, стали машиностроение и металлообработка. Создание передового машиностроения, которому принадлежит ведущая роль в техническом перевооружении народного хозяйства СССР, и полная реконструкция старых заводов выдвинули Свердловск в число крупнейших и важнейших индустриальных центров страны.

К промышленности Свердловска вполне приложима характеристика социалистической промышленности СССР, данная товарищем Сталиным на XVIII с'езде партии: «социалистическая система хозяйства дала нам возможность в несколько лет переоборудовать всю нашу социалистическую промышленность на новой, современной технической базе. Такой возможности не дает и не может дать капиталистическая система хозяйства. Это факт, что с точки зрения об'ема насыщенности промышленного производства новой техникой, наша промышленность стоит на первом месте в мире»[4]).

Свердловск за годы пятилеток стал центром самой передовой техники и индустрии — городом заводов, решающих на важнейших участках экономическую самостоятельность и оборонную мощь Советского Союза. Охватывая своим влиянием большую группу областей Урала и прилегающих к нему районов, Свердловск стал крупнейшим индустриальным форпостом на Востоке страны.

Партия и правительство уделяли огромное внимание индустриальному развитию Урала и Свердловска. Товарищи Сталин и Молотов лично занимались вопросами строительства на востоке второй угольно-металлургической и оборонной базы. Товарищ Сталин не раз приковывал внимание партии и всей страны к этому строительству, не раз напоминал об огромном значении Урала. В речи на первой Всесоюзной

---

[1]) И. Сталин. «Вопросы ленинизма», 11 изд., стр. 457.

[2]) В. В. Маяковский. «Екатеринбург-Свердловск». Стихотворение впервые было опубликовано в газете «Уральский рабочий» 29 января 1928 года.

[3]) Основанием для данного раздела работы послужили многочисленные материалы к отчетам Свердловского городского совета и материалы Свердловского горплана за 13 лет — с 1928 по 1940 год, хранящиеся в архиве Горсовета и Горплана.

[4]) И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII с'езде партии о работе ЦК ВКП(б). Госполитиздат, стр. 20—21.

конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года товарищ Сталин привел в пример Урал, как район неисчерпаемых природных богатств страны: «Взять хотя бы Урал, который представляет такую комбинацию богатств, какой нельзя найти ни в одной стране. Руда, уголь, нефть, хлеб—чего только нет на Урале!». В этой же речи он напомнил о том, что «Советской власти пришлось вести некоторую борьбу по вопросу об образовании второй угольно-металлургической базы, без которой мы не можем больше развиваться». «Но мы,—заметил товарищ Сталин,—уже преодолели эти препятствия. И у нас будет в скором времени эта база»[1]).

В 1933 году в докладе на об'единенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) об итогах первой пятилетки товарищ Сталин говорил: «У нас была лишь одна единственная угольно-металлургическая база — на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу — на Востоке, составляющую гордость нашей страны»[2]).

Ближайшие соратники товарища Сталина — товарищи В. М. Молотов, М. И. Калинин, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилов, А. А. Андреев, Л. М. Каганович, Н. М. Шверник—приезжали на Урал, в Свердловск и оказывали личную помощь в создании и развитии социалистической промышленности Урала, в социалистической реконструкции Свердловска.

В годы пятилеток в Свердловске построены крупнейшие передовые современные предприятия: Уральский завод тяжелого машиностроения им. С. Орджоникидзе, электро-машиностроительный комбинат — Уралэлектроаппарат, станкостроительный завод — Уралстанкострой, шарикоподшипниковый, электролитный и другие заводы. Полностью реконструированы, обновлены старые заводы: В.-Исетский, «Металлист», механический завод им. Воровского, вагоноремонтный завод им. Воеводина, завод «Спартак» и др.

Уралмашзавод — гордость не только Свердловска и Урала, но и всей страны. Он был построен по инициативе товарища Сталина. Строительством его руководил товарищ Г. К. Орджоникидзе. Партия и советское правительство рассматривали пуск Уралмашзавода в 1933 году, как крупнейшую победу всего советского народа. ЦК партии в своем приветствии отмечал: «Пуск Уральского машиностроительного завода — крупнейшая победа в развертывании второй угольно-металлургической базы на Востоке, в строительстве Урало-Кузнецкого комбината»[3]). Совнарком СССР писал: «Пуск Уралмаша, завода, который в ближайшие годы будет оснащать новейшим оборудованием десятки новых мощных заводов и, прежде всего, заводов металлургии, — новая наша крупнейшая победа в деле индустриализации страны и создания мощной индустриальной базы на Советском Востоке»[4]).

Великий пролетарский писатель А. М. Горький образно назвал Уралмаш отцом многих заводов и фабрик.

По своему техническому оснащению Уралмашзавод стоит на

---

1) И. Сталин. «Вопросы ленинизма», 11 изд., стр. 324.
2) Там же, стр. 373—374.
3) «Уральский рабочий», 15 июля 1933 г.
4) Там же.

высшей ступени современной культуры. По мощи ему должны были уступить три крупнейших германских машиностроительных завода — «Демаг», «Ганс унд Люк» и «Зак».

За образцовую работу по выпуску оборудования для горной, рудной, каменноугольной промышленности, черной и цветной металлургии СССР советское правительство наградило Уралмашзавод орденом Ленина. В годы пятилеток он оснастил новейшим современным оборудованием десятки заводов Советского Союза. Оборудование с Уралмашзавода получили Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, «Азовсталь», «Запорожсталь», «Криворожсталь», Чусовской, Нытвенский, Верх-Исетский заводы, Московский завод «Серп и молот», Прибалхашский и Среднеуральский медные комбинаты, Тихвинский алюминиевый комбинат, предприятия «Североникеля» и «Орскникеля», Московский метрополитен и т. д.

Продукция Уралмашзавода — агломерационные фабрики, проволочные станы, дробилки, краны различных типов и мощностей, оборудование мартеновских и доменных печей, блюминги, миксеры, станы, тюбинги, шахтные под'емники и многое другое оборудование — освободила страну от многих монопольных иностранных поставщиков Европы и Америки.

Другое крупнейшее предприятие Свердловска — завод Уралэлектроаппарат — один из передовых и лучших заводов советского электромашиностроения. Заводом в годы пятилеток было освоено более 100 наименований высоковольтной продукции, масляные выключатели, раз'единители, сигнально-блокировочная аппаратура, низковольтная аппаратура, трансформаторы и проч. и более 50 типов электропечей.

Уральский станкостроительный завод начал выпускать металлорежущие, токарные, револьверные, сверлильные и другие станки.

Неузнаваемо изменились старые предприятия города.

Верх-Исетский завод, выпускавший до первой пятилетки в основном прокатные изделия, целиком перешел на выпуск мартеновской стали, трансформаторного железа, электростали. За годы пятилеток завод освоил десятки марок высококачественных сталей. Завод был полностью переоборудован, вооружен самым современным оборудованием.

Полностью обновленные старые заводы «Металлист», им. Воровского, «Сталькан», «Спартак» и др. целиком переключились на выпуск новой продукции, на производство оборудования для горной промышленности, геологоразведочного оборудования, буровых и других станков.

Предприятия государственной промышленности Свердловска в 1940 году выпустили продукции на 660 с лишним миллионов рублей в неизменной денежной оценке 1926/27 гг. Если вспомнить, что вся валовая выработка промышленности Екатеринбурга до революции оценивалась в 6,9 миллиона рублей, то в 1940 году Свердловск дал продукции в 95 раз больше, чем давала ее промышленность дореволюционного Екатеринбурга. Каждые три дня социалистический Свердловск производил в 1940 году столько же продукции, сколько ее вырабатывала вся промышленность Екатеринбурга за год! При этом, как мы уже видели, ассортимент продукции старого города не может итти ни в какое сравнение с продукцией Свердловска.

Успехи крупной социалистической промышленности обеспечили развитие местной промышленности, развитие отраслей промышленно-

сти, производящих предметы широкого потребления. До революции в городе крупных предприятий легкой и пищевой промышленности не было. Почти все промышленные товары широкого потребления привозились сюда из центральных районов страны. За годы пятилеток в Свердловске возникли десятки крупных, технически оснащенных предприятий легкой и пищевой промышленности. Фабрика «Уралобувь», старая реконструированная фабрика «Обувь», фабрика «Одежда», 17 предприятий пищевой промышленности, мясокомбинат, молочный, кондитерско-макаронный комбинат, мощные хлебозаводы, пивоваренный завод, завод безалкогольных напитков и другие предприятия выпускали самую разнообразную продукцию широкого потребления. В 1940 году в Свердловске было выработано товаров широкого потребления на 133,8 млн. рублей.

Сталинские пятилетки вооружили Свердловск новой мощной, современной энергетикой. Город вошел в систему единой высоковольтной передачи, об'единенной в масштабе всего Урала. В 1940 году городские потребители израсходовали энергии 82.780 тыс. киловаттчасов, или почти в 9.200 раз больше, чем потребляли ее в дореволюционном Екатеринбурге.

Индустриализация города вызвала бурный рост его жилищного и коммунального хозяйства.

Население Свердловска к 1940 году достигло 425 тысяч человек[1]).

Выросла намного территория города. К 1941 году общая протяженность улиц, проездов и площадей достигла 336 километров против 100,6 километра в 1910 году, т. е. увеличилась в три раза. Бывшие пригороды — Верх-Исетский завод, Нижне-Исетск, Уктус, Шарташ, поселок завода «Новострой», Октябрьский, Новый поселок почти срослись с городом. В черту города вошла вся территория Уралмаша, Уралэлектромашины, Станкостроя. Вокруг Уралмаша возник новый город с 60 тысячами населения, почти равный по количеству населения дореволюционному Екатеринбургу.

Свердловск рос как город подлинно социалистического типа, с хозяйством, полностью поставленным на службу трудящихся. Былой антагонизм между центром и окраиной был ликвидирован. Освещение, мостовые, тротуары, водопровод, механический транспорт вошли в быт окраин.

Количество жилых домов в городе достигло 230 тыс. против 7.715 в 1910 году. Большое жилищное строительство развернулось на Верх-Исетском заводе, на Уралмашзаводе, вокруг завода Электроаппарат и других предприятий. Общий жилой фонд в 1940 году достиг 1781,2 тыс. кв. мтр., т. е. превысил более чем в три раза фонд 1917 года.

Возросла мощность водопроводной сети. Протяжение уличной сети достигло 125 километров против 65,6 в 1929 году. Построена фильтровальная станция, мощность которой в 1940 году составляла около 39 тысяч кубометров воды в сутки. На деловую почву в 1939—40 гг. был поставлен вопрос об освоении водоема Исети, о создании большого водохранилища, приступлено к строительству канала Чусовая — Исеть.

В 1940 году мощность очистных сооружений канализации была

---

1) По данным Всесоюзной переписи 1939 года.

доведена до 4,4 тыс. куб. м., длина главного коллектора — до 14,8 клм., а длина уличных коллекторов—до 38,2 клм.

В Свердловске в 1940 году было 3 бани с общим количеством 1.105 мест, против 143 мест до революции.

Намного усилился механический транспорт. Длина трамвайных пассажирских линий достигла 52 километров, количество пассажирских вагонов — 139. Автобусный парк был доведен до 44 машин. Большое развитие получил автомобильный транспорт.

Широким фронтом развернулось в городе благоустройство. В 1940 году длина замощенных улиц достигла 977 тыс. кв. метров против 436 в дореволюционные годы, причем, 168,5 километра замощенных улиц было покрыто усовершенствованными покрытиями. Площадь озеленения в 1940 году была доведена до 324,8 га против 9 га до революции.

В 1940 году электроосвещение охватило 160 километров улиц и площадей, улицы и площади освещались 4.682 электрическими фонарями.

Во второй пятилетке старая, постоянно требовавшая большого ремонта, набережная городского пруда заменена новой — гранитной и превращена в одно из самых благоустроенных мест города. Стоит вспомнить в связи с этим одно из решений городской думы о постройке в городе, так называемого, царского моста. Оно гласило: «Принять предложение комиссии по устройству царского моста — о постройке моста на сваях, а не на цементных устоях»[1]).

В 1935 году в Свердловске начала работать новая телефонная станция, количество абонентов которой в 1940 году было доведено до 10.000. Были построены также междугородная телефонная станция, радиостанция им. Я. М. Свердлова, одна из наиболее мощных в СССР, оборудован трансляционный узел.

Воздушные сообщения связали город с Москвой и другими крупнейшими центрами страны, город обзавелся аэропортом.

Высокая смертность в дореволюционном Екатеринбурге, о которой мы говорили выше, была результатом не только его антисанитарного состояния, но и крайне слабо развитой медицинской помощи. По данным 1910 года, в городе насчитывалось всего 6 больниц с 365 койками, 26 врачей, 34 фельдшера и 28 акушерок и повивальных бабок[2]). Город часто был подвержен эпидемиям. Однако архивные документы свидетельствуют, что городскую думу это мало беспокоило. Характерно, что дума трижды отклоняла просьбу «Комитета общественного здравия» об устройстве специальных помещений для изоляции детей и взрослых, заболевающих инфекционными болезнями[3]). В то же время дума извлекала из больничных учреждений доходы. В городе были распространены венерические заболевания.

В Свердловске лечебная помощь выросла до невиданных ранее размеров. В 1940 году в городе было 25 больниц с 4.000 коек, 10 научно-исследовательских институтов, 35 поликлиник и амбулаторий, 13 диспансеров и проч., число врачей перешагнуло за тысячу, среднего медицинского персонала—за три тысячи. В 1940 году откры-

---

1) СОГА, фонд 62, опись 1, дело 692.

2) «Города России в 1910 г.». Изд. Центрального статистического комитета министерства внутренних дел. СПБ, 1914 г.

3) СОГА, фонд 62. опись 1, дело 692 .

лась вторая детская больница, продолжалось строительство новой областной больницы.

В годы пятилеток Свердловск полностью покончил с неграмотностью населения. Всеобщим обязательным обучением в 1940 году были охвачены все дети трудящихся города. В 81 школе училось свыше 60 тысяч учащихся, работали 1.835 учителей.

Свердловск развивался в годы пятилеток и как крупный научный и культурный центр, кузница кадров новой, социалистической интеллигенции. В Свердловске в 1940 году насчитывалось 13 вузов, в их числе один из наиболее крупных в стране индустриальный институт им. С. М. Кирова, горный институт, университет и др. В вузах обучалось около 13 тысяч студентов. Кроме того, свыше 6.600 человек училось в 18 техникумах. Свердловск стал крупным центром научного исследования: здесь был создан Уральский филиал Академии наук СССР, свыше 30 научно-исследовательских институтов, ботанический сад.

Огромный под'ем культуры в городе характеризуют также его первоклассные театры — оперы и балета, драмы, музкомедии и др., филармония, широкая сеть культурных учреждений: прекрасный Дворец пионеров, 50 клубов, 7 звуковых кинотеатров, цирк, 112 библиотек, с общим книжным фондом, достигавшим, не считая библиотек высших учебных заведений, миллиона экземпляров, десятки газет, журналов, типографий, музеи, картинная галлерея, Дом техники, областной дом народного творчества, парки и в числе их один из самых больших в стране парк культуры и отдыха, сады и проч.

Зеркалом успехов городского хозяйства Свердловска является его бюджет, который за годы пятилеток вырос почти в шестнадцать раз: с 5 ½ млн. руб. в 1928 году до 79 ½ млн. руб. в 1940 году. Направление расходов в бюджете подтверждает, что Свердловск рос как социалистический город. В 1940 году из общей суммы расходов на социально-культурные нужды израсходовано почти 63 млн. рублей, или около 80 процентов (в том числе на просвещение — 32,5 и на здравоохранение 46,2 проц.), 15,6 проц.—на финансирование народного хозяйства. Если принять за среднюю цифру бюджета дореволюционного Екатеринбурга бюджет 1910 года, равный 800 тыс. руб., то в сравнении с дореволюционным бюджет Свердловска вырос почти в 100 раз!

Прямым результатом создания на месте старого Екатеринбурга нового, социалистического города явилась ликвидация былого антагонизма между городом и пригородной деревней. На XVII с'езде партии товарищ Сталин говорил: «Еще больше изменился облик деревни... Исчезает противоположность между городом и деревней. Город перестает быть в глазах крестьян центром их эксплоатации. Все крепче становятся нити хозяйственной и культурной смычки между городом и деревней. От города и его промышленности деревня получает теперь помощь — тракторами, сельхозмашинами, автомобилями, людьми, средствами. Да и сама деревня имеет теперь свою промышленность в виде машинно-тракторных станций, ремонтных мастерских, всякого рода промышленных предприятий колхозов, небольших электростанций и т. п. Культурная пропасть между городом и деревней заполняется»[1]).

---

[1]) И. Сталин. «Вопросы ленинизма», 11 изд., стр. 457—458.

Наиболее важным результатом развития сельского хозяйства Свердловского пригородного района за годы пятилеток явилось завершение реконструкции земледелия на базе современной техники.

На основе завершения коллективизации сельского хозяйства, укрепления колхозного строя, социалистической реконструкции земледелия, сельское хозяйство Свердловского пригородного района из отсталого, примитивного превращено в передовое хозяйство, вооруженное новейшей техникой. Социалистическая система хозяйства стала единственной формой земледелия.

Общая площадь пахотных земель пригородной зоны в 1940 году достигла 4299,5 га. Кроме того, индивидуальными огородами населения было занято 1.523 га, из них на приусадебных участках 800 га и на временно отведенных под рабочие огороды свободных городских землях — 723 га. В пригородной зоне Свердловска в 1939—40 гг. было три совхоза, два колхоза, два сельхозкомбината и девять подсобных хозяйств городских предприятий.

Совхозы и подсобные хозяйства, выполняя директиву XVIII с'езда ВКП(б), включились в работу по созданию вокруг города картофельно-овощной и животноводческой базы, чтобы полностью обеспечить Свердловск овощами, картофелем и, в значительной степени, молоком, мясом. Между тем, до революции город не имел своих овощей и картофеля. В 1916 году в пригородном районе Екатеринбурга было всего два гектара так называемых промышленных огородов!

Свердловск обзавелся крупным парниково-тепличным хозяйством, имеющим более 25 тыс. парниковых рам и свыше 2 тысяч кв. метров теплиц.

В пригородном районе начало развиваться племенное животноводство, создан крупный племенной очаг; совхозы и колхозы приступили к метизации местного беспородного, малопродуктивного скота культурными, высокопродуктивными породами.

Возросла энерговооруженность сельского хозяйства пригородного района: в 1940 году на полях работало 42 трактора, 3 комбайна, большое количество сложных сельскохозяйственных машин.

В пригородных селах появилось электричество.

Весенний сев 1940 года совхозы и колхозы Свердловского района закончили досрочно, выполнив план посева на 103 проц. Средний урожай зерновых в колхозах района достиг 15,5 центнера при запланированном в 15 центнеров. Хозяйственные и культурные связи Свердловска с прилегающими к нему деревнями прочно закреплены. Учебные и культурные учреждения, лечебные заведения города обслуживают советских крестьян так же, как трудящихся города.

Успехи социалистической реконструкции города были достигнуты благодаря огромной идейно-политической работе, которую неустанно вела Свердловская городская партийная организация среди трудящихся города и Свердловского района, сплачивая их вокруг задач, выдвигаемых на каждом этапе социалистического строительства партией и советским правительством. В годы пятилеток Свердловская партийная организация сумела воспитать огромный актив партийных и непартийных большевиков, подлинных энтузиастов, патриотов своего города, Родины. В годы пятилеток в Свердловске сложились кадры подлинно народной, социалистической интеллигенции. Социалистическое соревнование как на предприятиях, в колхозах и совхозах, так и в благо-

устройстве города стало методом работы, могучей силой, обеспечивающей высокие темпы социалистической реконструкции города. Свердловск стал родиной новых методов производственной работы. В цехах Уралмашзавода на пороге третьей пятилетки, родились новые формы стахановского движения—многостаночничество, совмещение профессий, сыгравшие особенно большую роль впоследствии, в годы Великой Отечественной войны. Социалистическое соревнование свердловских предприятий за выполнение производственных планов и планов реконструкции городского хозяйства вышло за рамки Свердловска, превратилось в 1940 году в межгородское соревнование Свердловска с Новосибирском.

Социалистическое развитие Свердловска шло вместе с социалистическим преобразованием страны. Товарищ Сталин, оценивая в речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 года итоги трех пятилеток в создании экономической базы Советского Союза на основе политики индустриализации и коллективизации, говорил, что «небывалый рост производства нельзя считать простым и обычным развитием страны от отсталости к прогрессу. Это был скачок, при помощи которого наша Родина превратилась из отсталой страны в передовую»[1]). Эта характеристика вполне приложима к Свердловску, как к части нашей Родины, тем более, что Свердловск—один из таких центров, которые наиболее полно воплотили в себе социалистические преобразования нашей Родины. Вместе со всей страной Свердловск за годы пятилеток в невероятно короткий срок — за тринадцать лет — проделал огромный путь социалистической реконструкции, сделал огромный скачок от отсталости к прогрессу, превратился из бывшего отсталого уездного, захолустного города в один из крупнейших социалистических городов Советского Союза.

Впереди у Свердловска были еще более широкие перспективы. На 1941 год была намечена огромная программа работ по дальнейшей реконструкции города. Достаточно указать на то, что на капитальное строительство жилищ планом 1941 года была намечена сумма, более чем в два с половиной раза превышавшая значительные ассигнования на жилстроительство в 1940 году: — 52 миллиона рублей вместо 20 миллионов.

Но в июне 1941 года мирный труд советских людей был прерван вероломным нападением на нашу Родину гитлеровской Германии.

Свердловск вступил в период Великой Отечественной войны.

---

1) И. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. «Уральский рабочий», 10 февраля 1946 г.

Ю. В. Гетлинг

СВЕРДЛОВСК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сталинский Урал в годы Великой Отечественной войны с честью выполнил поставленные перед ним партией и правительством серьезные задачи по обеспечению героической Красной Армии боевой техникой, по снабжению фронта вооружением и боеприпасами. Вся экономика этого богатейшего края в дни войны была перестроена на военный лад. Могучий сталинский Урал быстро стал основным арсеналом Красной Армии.

Президент Академии наук СССР В. Л. Комаров писал: «Урал — это богатейшая страна железа, цветных и легких металлов, топливных и химических ресурсов. Этот меридиональный хребет, тянущийся параллельно фронту и удаленный от него на тысячу, две тысячи километров, образует как бы могучую линию экономических укреплений, линию богатейших месторождений, мощных рудников, заводов и электростанций, созданную в течение трех пятилеток. Я назвал бы Урал «линией Сталина», так как именно товарищу Сталину принадлежат инициатива и руководство в создании этой могучей индустриальной линии от арктических областей до южно-башкирских степей»[1]).

Историческая роль Урала в защите Родины общеизвестна. Уральцы, дав перед лицом всей страны священную клятву великому Сталину, трудились, не щадя сил, не считаясь со временем, выковывая грозное оружие для разгрома немецко-фашистских полчищ. Священная клятва вождю стала боевым знаменем для тружеников Урала в борьбе за наращивание темпов военного производства. Товарищ Сталин высоко оценил вклад Урала в Великую Отечественную войну советского народа с немецко-фашистскими захватчиками, назвав Урал надежным арсеналом доблестной Красной Армии.

Все производительные силы Уральского индустриального района, вся его экономика были подчинены единой цели — разгрому и уничтожению гитлеровской военной машины.

«Никогда еще в истории России Урал не играл такой роли, как во время Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии, — писал Е. Ярославский на рубеже 1943 года. — Никогда еще его природные богатства, наряду с природными богатствами Сибири, не оказывали такого решающего влияния на ход мировой войны, как в войне 1941—1942 гг. ...Быстрое нарастание силы Урала, наряду с нарастанием силы других областей СССР, в значительной степени решало и решает успех этой войны. Урал стал основным военным арсеналом, основной кузницей оружия страны Советов[2]»).

---

[1]) В. Л. Комаров. «Отечественная война и наука». Госполиздат, 1942 г., стр 25.

[2]) Е. Ярославский. «Урал». Газ. «Правда» № 346 от 28 декабря 1942 г.

Г. М. Маленков, выступая на предвыборном собрании избирателей в 1946 году, сказал: «Конечно, можно было растратить силы и средства не на оборудование нашей тяжелой индустрии, а на развитие легкой промышленности. Но тогда бы у нас не было, например, Кузбасса и богатого промышленного Урала. А как бы мы выглядели в таком случае во время войны, когда вынуждены были временно потерять Донбасс? Разве не очевидно, что без Кузбасса и без промышленности Урала мы бы проиграли войну? Все это надо было заранее видеть. Сталин велик тем, что он в мирное время видел то, что всем стало ясно во время войны»[1]).

Такую же высокую оценку сталинскому Уралу дал председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник. Выступая на предвыборном собрании избирателей в городе Свердловске, он заявил: «В деле разгрома врага и победоносного окончания войны исключительная роль принадлежит рабочим, колхозным крестьянам и интеллигенции Урала... Трудящиеся Урала покрыли себя славой защитников Родины, о которых будут говорить в веках наши поколения»[2]).

Свердловск занимает центральное место на Урале. За годы сталинских пятилеток город был превращен в крупнейший индустриальный центр. Естественно, что в годы войны он был призван сыграть выдающуюся роль в борьбе с гитлеровской Германией. С первых же дней военных действий он превращается в могучую крепость обороны.

22-го июня 1941 г., как только заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народный комиссар иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов произнес по радио свою историческую речь о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз и призвал народы СССР к священной Отечественной войне, на многих предприятиях Свердловска, несмотря на воскресный день, состоялись стихийные митинги и собрания.

Велик был гнев народа. Рабочие, инженеры и техники, служащие, интеллигенция, горя священной ненавистью, выражали в своих выступлениях беспредельную преданность правительству, партии, великому Сталину, свою готовность отдать все свои силы, всю свою жизнь делу разгрома врага.

На митинге Верхисетского завода выступил рабочий Ильин. Выражая настроение всех трудящихся, он заявил: «Мы не пожалеем сил, не пожалеем своей жизни во имя нашей Родины. Сегодня мы готовы итти на фронт и с оружием в руках бороться за наше счастье, за нашу свободу, за нашу жизнь, за нашу Родину, за нашего Сталина! А тот, кто останется на заводе, будет свято защищать свою Родину тем, что даст Красной Армии как можно больше металла, который пойдет на пушки, самолеты, на танки»[3]).

Рабочие, инженерно-технические работники и служащие Свердловского ацетилено-сварочного завода единодушно приняли такую резолюцию: «Коллектив завода глубоко возмущен вероломством клики кровожадных фашистских правителей Германии. Мы уверены, что наша доблестная Красная Армия, Военно-Морской Флот, смелые соколы Советской авиации нанесут сокрушительный удар врагу. Обещаем

---

[1]) Г. Маленков. «Речь на собрании избирателей». Госполитиздат, 1946 г., стр 11.

[2]) Н. Шверник. «Речь на собрании избирателей г. Свердловска», Госполитиздат, 1946 г., стр 11—12.

[3]) «Уральский рабочий» № 146 от 23 июня 1941 г.

показать пример революционной бдительности, дисциплины и организованности. К 1 сентября обеспечим выполнение девятимесячной программы. Заверяем нашу партию, правительство и любимого товарища Сталина, что по их первому зову встанем как один на защиту нашей Родины»[1]).

Подобные митинги и собрания прошли на всех предприятиях, во всех учреждениях Свердловска. Рабочие, служащие, интеллигенция в своих резолюциях выразили полную готовность с оружием в руках—на фронте и на своих рабочих местах—в тылу ковать победу над врагом.

С первых же дней Великой Отечественной войны вся экономика Свердловска стала перестраиваться на военный лад. Партийная организация сумела мобилизовать трудящихся на выполнение и перевыполнение плана, развернуть широкое социалистическое соревнование, поднять величайший трудовой энтузиазм.

Великий Сталин в своей исторической речи по радио 3-го июля, ставя конкретные задачи перед всем советским народом, сказал: «Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинить интересам фронта и задачам разгрома врага... Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжением всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым. Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов...»[2]).

Товарищ Сталин призвал советский народ отрешиться от настроений мирного времени, перестроить всю работу на военный лад. Свердловчане, верные сыны советского народа, по-боевому восприняли задание великого вождя.

Быстро налаживалось военное производство. В июле обком ВКП(б) созвал пленум, на котором были обсуждены мероприятия, вытекающие из речи товарища Сталина. Пленум принял конкретные решения по перестройке всей промышленности на военный лад. На пленуме Свердловского горкома партии и собрании городского партийного актива также обсуждались вопросы, связанные с перестройкой промышленного производства, с оказанием помощи Красной Армии.

По инициативе трудящихся Свердловска рабочие, колхозники, интеллигенция нашей области в канун 1942 года обратились с новогодним письмом к товарищу Сталину, которое подписали более миллиона человек. Трудящиеся Свердловской области перед лицом всей Родины дали священную клятву работать за двоих, за троих, неустанно повышать выпуск боевой техники, выпуск оружия и боеприпасов, помочь героической Красной Армии быстрее разгромить и уничтожить ненавистного врага.

Через полгода, в первых числах июля 1942 года, трудящиеся Свердловска и области в своем полугодовом рапорте вождю впервые отчитались перед товарищем Сталиным, перед советской Родиной в том, как они выполняют свою священную клятву. И с тех пор в течение всей войны трудящиеся Свердловска и области через каждые полгода отчитывались перед великим Сталиным, перед партией, перед советским

---

[1]) «Уральский рабочий» № 151 от 28 июня 1941 г.

[2]) И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», стр. 13—14.

правительством, в том, как уральцы куют грозное оружие для разгрома врага. Письма и рапорты вождю стали могучей движущей силой мобилизации народных масс на повышение темпов военного производства, на усиление помощи фронту.

Война потребовала максимального увеличения и расширения военного производства. Интенсивный и форсированный рост индустриальной мощи шел путем расширения и усиления существующих заводов города; более полного использования наличия производственных мощностей; развертывания эвакуированных заводов, вывезенных из угрожаемых районов; использования эвакуированного оборудования на местных городских предприятиях; привлечения к интенсивной промышленной работе на нужды фронта различного рода мелких предприятий легкой, местной, пищевой промышленности и промысловой кооперации.

В Свердловск было эвакуировано значительное количество оборудования из угрожаемых и оккупированных районов. В городе было размещено и пущено в ход много военных предприятий. Перебазирование промышленности на Урал и, в частности, в Свердловск было грандиозной операцией, небывалой в истории по масштабам, сложности и срокам проведения.

Одновременно с этим велось крупное промышленное строительство. Оно осуществлялось преимущественно скоростными методами. Широкий переход к скоростному строительству обеспечивался соответствующей организацией работы, его высокой технической оснастской и механизацией, сокращением организационного периода и совмещением строительных процессов во времени.

В городе на одном из военных заводов скоростными методами за 12 дней было построено 12 тысяч квадратных метров производственной площади. Свердловчане помнят суровые месяцы ноябрь и декабрь 1941 года. Обстановка в нашей стране тогда сложилась напряженная. Гитлеровские бронированные полчища лавиной двигались на Москву, Ленинград, на важнейшие центры нашей страны. В это время Свердловск получил боевое задание — наладить выпуск танков для Красной Армии. На одном заводе требовалось построить два крупных цеха. Городская партийная организация мобилизовала все силы для быстрейшего выполнения этого важного задания. За 12 дней два крупных цеха на территории завода были построены.

Крупный эвакуированный завод боеприпасов, переведенный в Свердловск, был смонтирован за 11 дней. На другой стройке за 35 дней было сооружено 14000 квадратных метров промышленных площадей. При чем все это сверхскоростное строительство осуществлялось в условиях суровой уральской зимы, когда морозы достигали 25—30 градусов.

Высокие скоростные темпы строительства, осуществляемые в условиях суровой уральской зимы, сопровождались ускоренным развертыванием и освоением военного производства. Война требовала мобилизации и крайнего напряжения всех сил. По призыву партии Ленина—Сталина тысячи трудящихся начали работать по-боевому, с невиданным под'емом и упорством, быстротой и четкостью. Правилом стал новый стиль работы, когда коллективы заводов совместно с партийными и хозяйственными руководителями искали и находили выход, казалось, из безвыходного положения, когда техническое творчество приняло массовые размеры.

В своем историческом докладе 6 ноября 1941 года товарищ Сталин

поставил перед промышленностью задачу «увеличить в несколько раз производство танков в нашей стране»[1]), чтобы быстрее ликвидировать превосходство в танках гитлеровской Германии.

Практически выполняя это боевое задание, коллектив Уралмашзавода, еще осенью 1941 г. освоивший выпуск корпусов танков «КБ», проявив подлинные чудеса доблести и геройства, добился крупнейших успехов. Уже в марте 1942 года на заводе было налажено в крупных размерах (двумя серийными потоками) производство корпусов для средних танков «Т-34». В октябре того же года коллектив завода получил задание правительства приступить к проектированию и изготовлению первой партии самоходных пушек. Это задание было также выполнено в минимально короткий срок. За годы Великой Отечественной войны славный коллектив трижды орденоносного Уралмашзавода создал 12 типов самоходной артиллерии, явился основным поставщиком средней самоходной артиллерии для Красной Армии.

Быстро, четко, организованно шло налаживание производства на артиллерийских заводах, заводах боеприпасов и снаряжения. К концу войны Свердловск стал крупнейшим поставщиком танков, полевых, зенитных, самоходных пушек, минометов, снарядов, авиабомб, мин, патронов, узлов для самолетов, контрольно-измерительной аппаратуры, оптики, дизельмоторов, электрооборудования, гидро- и паровых турбин, металлорежущих станков и инструментов, резинотехнических изделий, шин и покрышек, изделий из пластмасс, медицинского инструментария и медикаментов, аппаратуры связи, красноармейского обмундирования и многого другого.

Промышленное производство в г. Свердловске за годы Великой Отечественной войны возросло в 7 раз[2]), причем вся эта боевая техника, выпускаемая в огромных размерах, была высокого качества.

Трудящиеся Свердловска, как и весь советский народ, показывали чудеса доблести и геройства не только в тылу, но и на переднем крае обороны. Тысячи рабочих-кадровиков ушли на фронт с оружием в руках защищать республику Советов. Уже в первые месяцы войны больше половины всей городской парторганизации влилось в ряды Красной Армии и отправилось на фронт. В Свердловске из лучших сынов города были сформированы пехотные, артиллерийские, танковые части, которые покрыли себя неувядаемой славой. Трудящиеся Свердловска вместе с трудящимися других крупных индустриальных центров явились инициаторами создания Уральского добровольческого танкового корпуса. Танковый корпус, созданный уральцами, был оснащен уральским оружием, вооружен уральскими машинами. Корпус прошел с боями от Орла до Берлина, участвовал в боевых операциях под Львовом, Каменец-Подольском, Прагой и в других местах. Уральский добровольческий танковый корпус неоднократно был награжден боевыми орденами, приказом товарища Сталина ему присвоено звание Львовского за освобождение крупнейшего центра братской Украины—Львова.

На место ушедших в ряды Советской Армии бойцов и офицеров к печам и станам, к станкам и агрегатам пришли новые кадры, преимущественно молодежь, женщины, рабочие, эвакуированные из западных областей Советского Союза.

---

1) И. Сталин «О Великой Отечественной войне Советского Союза», стр. 24.
2) К. Клименко «Уральский промышленный район», Госполитиздат, 1945 г. стр. 37.

Оставшиеся в тылу чувствовали себя как на фронте. Неразрывными, тесными нитями был связан Урал с фронтом. Труженики тыла жили одной жизнью с бойцами и офицерами-фронтовиками. На фронте каждый зорко следил за тем, что происходило в тылу.

Одной из первых приняла на фронте удары бронированных гитлеровских банд дивизия, сформированная на Урале. Эта героическая дивизия покрыла себя неувядаемой славой. Приказом Верховного Главнокомандующего товарища Сталина она была переименована в гвардейскую, а впоследствии награждена орденами.

В конце ноября 1941 года прославленные гвардейцы прислали письмо трудящимся Свердловска. В письме они рассказали о первых своих ратных делах и призывали трудящихся города и области к новым трудовым успехам.

«Великий Сталин дал нам наказ,—писали гвардейцы,—истребить всех до единого фашистских оккупантов. Не щадя своих сил и крови, мы, воины Красной Армии, выполняем эту историческую задачу. Не щадите своих сил, работайте за двоих, за троих и вы, бойцы трудового фронта! Работайте, не покладая рук, давайте фронту все больше и больше вооружения и боеприпасов... Пусть наш Урал станет еще более могучей оружейной мастерской великого боевого лагеря, в который организовались все народы СССР, чтобы вместе с Красной Армией и флотом вести великую освободительную войну за счастье и свободу нашей Родины, за разгром немецких армий»![1]).

Ответить гвардейцам от имени трудящихся Свердловска выпала честь коллективу Верх-Исетского завода. В своем письме на фронт верх-исетские металлурги писали:

«Боевые товарищи уральцы! Величайшая ответственность возложена сейчас партией и правительством на нас, работников промышленности Урала. Самоотверженный стахановский труд советских патриотов, неисчерпаемые природные богатства, мощная индустрия, созданная за годы сталинских пятилеток,—все есть у нас для того, чтобы день ото дня ковать еще больше оружия для вас,—наших героев, для того, чтобы усиливать наши удары по врагу. Нам многое дано, с нас много спросится. Всю силу, всю мощь Сталинского индустриального Урала обрушим на голову зарвавшегося врага»[2]).

Обращаясь к трудящимся города и области, визовские металлурги призывали:

«Боевые товарищи уральцы! Выходите на соревнование за большее производство вооружения и боеприпасов для нашей героической Красной Армии. Пусть дополнительно выпущенная продукция приблизит час разгрома гитлеровских разбойников—империалистов»[3]).

По призыву верх-исетских металлургов на предприятиях города широко развернулось социалистическое соревнование, разгорелась перекличка между фронтом и тылом.

Но с особенной силой социалистическое соревнование на предприятиях города развернулось после того, как летом 1942 года были учреждены знамена Государственного Комитета Обороны. Во Всесоюзном со-

---

1) «Уральский рабочий» от 21 ноября 1941 г.
2) «Уральский рабочий» № 277 от 22 ноября 1941 г.
3) Там же.

ревновании многие свердловские предприятия неоднократно занимали первенство. Такие заводы, как Уралмаш, завод имени Сталина и другие, держали знамена Государственного Комитета Обороны по 16—20 месяцев подряд. На Уралмашзаводе и на заводе имени Сталина за доблестный труд в Великой Отечественной войне эти знамена оставлены навечно. Тысячи стахановцев самоотверженно трудились на своем посту, неустанно повышая производительность труда. Широкую популярность завоевали в городе имена знатных стахановцев Коваленко, Спехова, Шалаева, Базетова, Алексеева, Ушакова, Чугунова, Лаврентьева и многих сотен других. Организованное в апреле 1944 года городским комитетом ВКП(б) и исполкомом горсовета соревнование по профессиям, еще более способствовало выявлению творческой инициативы стахановцев. В газете «Уральский рабочий» каждый месяц печатались фамилии стахановцев, завоевавших своим самоотверженным трудом первенство в соревновании за звание лучшего мастера своей профессии.

Тысячи рабочих-стахановцев награждены за доблестный труд орденами и медалями. Передовые предприятия, такие, как Уралмашзавод, завод имени Сталина, Верх-Исетский завод, за отличную работу, за боевое выполнение заданий Государственного Комитета Обороны также награждены орденами.

Большой вклад в дело разгрома врага внесла советская интеллигенция. Еще 28 октября 1941 года научные и инженерно-технические работники, собравшись на общегородской антифашистский митинг ученых, дали священную клятву отдать все свои силы, знания, энергию на дело разгрома врага. В своем обращении к интеллигенции Свердловска и области участники антифашистского митинга ученых писали:

«Нет и не может быть более почетной задачи у людей науки, как помощь разгрому фашистских варваров. Особенно ответственные задачи лежат на нас, интеллигенции Урала. Урал — важнейший индустриальный центр Советского Союза. Урал может и должен стать арсеналом, снабжающим Красную Армию всем необходимым для разгрома врага. Урал имеет неисчерпаемые богатства. Эти богатства должны быть поставлены на службу фронту, на службу Родине»[1]).

В тесном содружестве с производственниками, ученые, научные работники многое сделали для повышения мощностей предприятий, совершенствования технологии, для лучшего использования оборудования.

Крупную роль в области мобилизации экономических ресурсов Урала сыграла Академия наук СССР.

Зимой 1941 года Академия наук создала на Урале постоянную комиссию, которая направляла работу научных организаций в сторону максимальной мобилизации естественных ресурсов для нужд обороны. Работа экспедиций Академии наук, ее Уральского филиала, всех институтов и лабораторий была подчинена этой важнейшей, решающей задаче. Промышленные предприятия и городские организации приняли в этом начинании самое горячее участие. Работу возглавляли крупнейшие исследователи из числа действительных членов Академии наук. В ней участвовали десятки уральских геологов, технологов, энергетиков,

---

[1]) «Уральский рабочий» № 255 от 28 октября 1941 г.

почвоведов, экономистов, большое число практиков-инженеров, техников, мастеров.

Ученые сыграли большую роль в деле мобилизации ресурсов Урала. Академия наук СССР, научно-исследовательские институты сумели изыскать крупные возможности для расширения военного производства, новые виды стратегического сырья, помогали налаживать промышленную эксплоатацию новых месторождений, оказывали большую помощь в освоении новых для Урала производств.

Труд ученых помог уральским оружейникам ковать грозное оружие для разгрома врага. Профессор-доктор Смирнов с коллективом сотрудников успешно разрешил задачу интенсификации производства никеля и кобальта. Крупное оборонное значение имели работы, выполненные профессорами-докторами Козловым и Чуфаровым. Профессор Горшков оказал большую помощь в освоении производства литых боеприпасов. Профессор-доктор Постовский разработал синтез новых сульфамидных препаратов, что спасло жизнь многих тысяч воинов Красной Армии. Профессор-доктор Мамыкин явился инициатором использования местного сырья для производства огнеупоров. Большой вклад в науку, в дело укрепления обороны страны внесли профессора-доктора Днев, Смирнов, Спунов, Шахрай и многие другие наши ученые.

Дружная работа людей науки и производства привела к замечательным результатам. Свердловск выпускал много боевого оружия высокого качества. Прославленные конструкторы Петров, Горлицкий и другие многое сделали для повышения боевой мощи вооружения Красной Армии. Великий Сталин дал высокую оценку оружию, выпускаемому на свердловских заводах.

В своем приветствии коллективу Уральского артиллерийского завода товарищ Сталин писал: «Созданный в дни Отечественной войны артиллерийский завод стал основной базой по выпуску наиболее совершенного и мощного артиллерийского вооружения, превосходящего технику врага, которым наша Красная Армия обеспечила полную победу над фашистской Германией».

Самоотверженный труд ученых, конструкторов, инженерно-технических работников в дни Великой Отечественной войны был высоко оценен партией и правительством. Лучшим из лучших было присвоено звание лауреатов Сталинской премии. Сотни ученых, научных и инженерно-технических работников награждены орденами и медалями.

Но не только самоотверженным трудом на производстве крепили свердловчане оборонную мощь Советского Союза. Животворный патриотизм советских людей имел и другие проявления. С первых же дней Великой Отечественной войны по инициативе свердловских комсомольцев начался сбор средств на постройку танковой колонны. Женщины выступили инициаторами сбора средств на постройку боевых эскадрилий. За годы войны на строительство танковых колонн и боевых эскадрилий самолетов было собрано 54,2 миллиона рублей.

Осенью 1941 года коллектив Уралмашзавода выступил инициатором сбора теплых вещей для бойцов и офицеров героической Красной Армии. В своем обращении к трудящимся Свердловска и области уралмашевцы писали:

Братья и сестры, трудящиеся Свердловской области! К вам наши слова, наш сердечный призыв. Не откладывая ни на один день, начнем сбор теплых вещей и белья для Красной Армии. Зима ведь не за горами. В походной жизни, в ожесточенных боях в условиях зимы многое

может быть полезным для наших горячо любимых воинов. Соберем для родной Красной Армии полушубки, овчины, валенки, фуфайки, теплое белье, шерсть, рукавицы, шапки-ушанки, ватные брюки, куртки и другие вещи. Пусть каждый из нас сделает все, что в его возможностях. Пусть наша забота о Красной Армии будет повседневной, чтобы наши отважные братья, отцы и сыновья чувствовали на полях сражения нашу любовь к ним, нашу готовность сделать все для них, для победы над врагом»[1]).

Призыв уралмашевцев нашел живой отклик среди тружеников Свердловска. За две военных зимы было собрано для воинов 87 тысяч теплых вещей. Кроме того, свердловчане послали бойцам и офицерам—фронтовикам к революционным праздникам более 50 тысяч подарков и посылок.

Большую заботу проявили свердловчане о семьях фронтовиков и семьях погибших воинов. Для них было собрано более 20 миллионов рублей, много промышленных и продовольственных товаров. Сотни свердловчан взяли на воспитание детей погибших фронтовиков.

Условия военного времени пред'явили серьезные требования, поставили новые сложные задачи перед советскими и партийными организациями города. До войны в Свердловске было 425 тысяч населения. В первые же месяцы войны в город прибыло много эвакуированных предприятий. Прибыло несколько десятков тысяч рабочих, инженеров, техников, интеллигенции. Население Свердловска в разгар войны сильно возросло. Это поставило перед советскими и партийными организациями задачу обеспечить возросшее население жилищами, коммунально-бытовым обслуживанием, снабжением, питанием и не допустить возникновения эпидемий — вечного спутника прежних войн в царской России и других странах.

Эти чрезвычайно трудные задачи были успешно разрешены. Эвакуированное население безболезненно и быстро было размещено в домах и квартирах свердловских граждан. В этом еще раз сказался советский патриотизм, величайшее сознание, которое проявили свердловчане в годы Великой Отечественной войны.

Кроме того, за годы войны в городе было построено 184 тысячи квадратных метров новой жилой площади. Большая работа была проведена по улучшению коммунального обслуживания трудящихся, по благоустройству районов, значительно были расширены водопровод, канализация, трамвайные линии, пущен троллейбус, замощены и заасфальтированы десятки тысяч километров мостовых и тротуаров, посажены тысячи деревьев и кустарников.

За четыре военных года в Свердловске выросли новые поселки — на Уралмашзаводе, Уралхиммашзаводе, Верх-Исетском заводе и в других местах. В 1943—44 годах развернулось индивидуальное жилищное строительство, принявшее особенно широкий размах после войны, причем если в первый период войны в городе строились преимущественно временные дома (главным образом бараки), то уже в последние годы воздвигались в значительном количестве капитальные жилища с необходимым благоустройством и удобствами для жильцов.

Серьезное внимание было уделено реконструкции и расширению коммунального хозяйства. Летом 1942 года в городе наблюдались некоторые перебои с водой. Существующий водопровод не в состоянии

---

[1]) «Уральский рабочий» № 225 от 29 сентября 1941 г.

был удовлетворить возросшие нужды промышленности и населения. Исполком горсовета вместе с хозяйственными организациями сумел быстро справиться с этими трудностями. В короткий срок была построена новая нитка водопровода протяженностью в 8 километров. Значительно увеличилась мощность головных сооружений водопровода. Проблема снабжения водой города была разрешена.

Многое было сделано и для улучшения работы городского транспорта. При участии общественности была построена трамвайная линия от улицы Щорса до мясокомбината. В конце войны в Свердловске появился новый вид транспорта — троллейбус. Первая линия троллейбуса соединила улицу Фрунзе с Нижне-Исетском — крупнейшим промышленным районом города. Работники коммунального хозяйства за время войны капитально отремонтировали и пустили в эксплоатацию 50 трамвайных вагонов, эвакуированных из угрожаемых районов.

В период войны бесперебойно работали все культурно-социальные учреждения. Сеть дневных и вечерних школ, ремесленных училищ и школ ФЗО, техникумов значительно возросла. Число учащихся в школах увеличилось. Возросло число библиотек. В годы войны плодотворно работали все высшие учебные заведения. Уральский государственный университет, Уральский индустриальный институт, Свердловский педагогический институт, Свердловский горный институт, сельскохозяйственный, лесотехнический, юридический и другие дали стране свыше 5 тысяч молодых специалистов. Больше того, — в самый разгар войны советское правительство нашло возможным открыть в Свердловске новое высшее учебное заведение — театральный институт с двумя факультетами.

Героически трудились в годы войны работники здравоохранения. Большой вклад в науку, в дело лучшей организации обслуживания раненых воинов, инвалидов Отечественной войны и населения сделали профессора Лидский, Кушелевский, Богданов, Каратыгин, Пунин, Мелкин, Шефер, Яковлев, врачи Лепешинский, Колосовская, Ильина-Петрова и многие другие. Благодаря самоотверженной работе медицинских коллективов, в городе не было ни одного случая возникновения эпидемий, значительно расширилась сеть лечебных и профилактических учреждений, повысилось качество обслуживания. Количество коек в больницах возросло с 2800 в 1941 году до 4035 в 1945 году. За это же время было открыто более 30 новых поликлиник, амбулаторий, детских и женских консультаций, специальных кабинетов. После Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1944 года о помощи женщинам-роженицам и матерям значительно увеличилась сеть детских учреждений.

Лучшие медицинские силы города работали в местных госпиталях. Десяткам тысяч воинов —бойцов и офицеров было возвращено здоровье. Многие из раненых после выздоровления вновь получили возможность итти на фронт.

Несмотря на трудности военного времени, несмотря на то, что все экономические ресурсы страны были направлены на укрепление военной экономики, на оснащение Красной Армии, советское правительство, партия повседневно заботились об улучшении материально-бытового положения тружеников Урала. В этом также сказалась сила советского строя.

Советское правительство отпускало огромные средства на культур

но-социальные мероприятия. В одно только коммунальное хозяйство Свердловска за годы войны было вложено 75 миллионов рублей.

Параллельно с тем, что в благоустройство коммунального хозяйства города вкладывались средства, отпускаемые правительством, большую инициативу проявляло само население. Жители принимали большое участие в благоустройстве города, в санитарной очистке улиц и дворов. За годы войны население города добровольно отработало на благоустройстве более 800 тысяч человеко-дней. В одном только воскреснике по благоустройству, который проходил вскоре после окончания войны,—10 июля 1945 года — участвовало 70.000 свердловчан.

23 апреля 1943 года Президиум Верховного Совета СССР выделил Свердловск, в административно-хозяйственный центр республиканского подчинения, с самостоятельным бюджетом. В конце этого же года в Свердловске было создано три новых административных района—Куйбышевский, Кировский, Чкаловский. Все это еще более приблизило советский аппарат к населению.

Забота партии и правительства о населении Свердловска ярко видна на росте бюджета города. Если в 1941 году бюджет Свердловска исчислялся в 89 млн. рублей, то в 1944 году он возрос до 239 млн. рублей, причем расходы на социально-культурные мероприятия за это время выросли более чем в два раза.

Большое внимание в годы войны было уделено созданию собственной продовольственной базы Свердловска. Широкие размеры приняло индивидуальное огородничество. Если в 1941 году до начала войны лишь сотни жителей в городе имели индивидуальные огороды, то в 1944 году их имели более 200 тысяч свердловчан. В 1944 году с индивидуальных огородов было собрано 166 тысяч тонн картофеля и 79 тысяч тонн овощей. Продукция индивидуальных огородников имела значительный удельный вес в продовольственном балансе города.

Кроме того, почти все крупные и средние предприятия Свердловска, хозяйственные организации в годы войны создали свои подсобные хозяйства. Уралмашзавод уже в 1944 году полностью удовлетворил потребности рабочих и инженерно-технических работников общественным питанием за счет собственных овощей, картофеля и продуктов животноводства.

С каждым годом крепла связь индустриального Свердловска с подшефными колхозами. Предприятия и организации города за время войны электрифицировали 342 колхоза и 38 машинно-тракторных станций. Один только Уралмашзавод электрифицировал 40 колхозов и 2 МТС Манчажского района. В свою очередь, колхозы оказывали помощь предприятиям и организациям Свердловска, поставляя в город картофель, овощи, молоко и мясо.

* * *

Великий Сталин дал следующую высокую оценку героическому советскому народу в Великой Отечественной войне: «Можно с полным основанием сказать, что самоотверженный труд советских людей в тылу войдет в историю наряду с героической борьбой Красной Армии, как беспримерный подвиг народа в защите Родины»[1]).

---

1) И. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза», стр. 103.

Рабочие, колхозное крестьянство, интеллигенция проявили беспримерный трудовой героизм. Уральцы, выполняя волю партии и правительства, сделали все для того, чтобы превратить свой чудесный край в могучую кузницу оружия.

Уральцы, вдохновленные постоянным вниманием товарища Сталина, обеспечили фронт самой первоклассной боевой техникой, дали нашей героической Советской Армии все необходимое для разгрома и уничтожения немецко-фашистских захватчиков.

Н. А. Финкельштейн

ОБ ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНБУРГА XVIII ВЕКА

Прошлое и настоящее Екатеринбурга-Свердловска, одного из старинных и крупнейших городов нашей страны, замечательно и достойно обстоятельного изучения. Между тем, и в настоящее время приходится еще констатировать, что история Екатеринбурга-Свердловска слабо изучена. До сих пор, например, нет схемы периодизации истории города. Многие стороны и моменты жизни города не освещены в литературе. Не все даты событий точно установлены. Не составлена систематизированная хронологическая таблица.

Значительная часть материалов по истории города нуждается в серьезном критическом пересмотре. Напечатанные источники, имеющие отношение к истории города, критически мало изучены. К тому же нет ни одного хотя бы краткого обзора всех опубликованных источников по истории города. До сих пор не издано ни одного сборника документов. Источники, находящиеся в центральных архивах, плохо выявлены. В недостаточной мере выявлены и критически изучены материалы, хранящиеся в местных уральских архивах.

Все это настоятельно требует:

1) провести полный учет исторических источников, в особенности наиболее важных и ценных для изучения истории города;

2) издать ряд работ библиографического характера по истории города;

3) публиковать обзоры исторических источников.

Необходимо проделать большую и сложную работу, чтобы создать капитальный научный труд по истории Екатеринбурга-Свердловска.

Отметим некоторые из наиболее важных опубликованных источников, а также кратко охарактеризуем значение материалов, хранящихся в Свердловском областном государственном архиве (СОГА) для изучения истории Екатеринбурга с момента его основания до начала XIX века.

* * *

Возникновение Екатеринбурга и вся его история неразрывно связаны с развитием горнозаводской промышленности на Урале.

Преобразования Петра I, деятельность птенца «гнезда Петрова» В. Н. Татищева и В. де-Геннина на Урале определили историю Екатеринбурга в начальный период его существования и надолго в дальнейшем. Причины и характер отношения Петра I к Уралу общеизвестны.

Классическая оценка Петра Великого и его реформ дана товарищем Сталиным.[1]).

Роль замечательного русского патриота В. Н. Татищева в развитии горнозаводского дела на Урале, а в связи с этим и в истории Екатеринбурга освещается в целом ряде работ, в частности, в работах Нил. Попова[2]), В. П. Безобразова[3]), В. Рожкова[4]), Д. Н. Мамина-Сибиряка[5]), Н. К. Чупина[6]), К. А. Пажитнова[7]), Ю. Гессена[8]), Н. В. Нечаева[9]) и др.

Немало места отведено во многих работах и деятельности В. де-Генина на Урале. Генину посвящены, например, работа В. Берха — «Жизнеописание г.-л. В. И. Генина, основателя российских горных заводов»[10]) и содержательная статья М. Ф. Злотникова[11]), в которой показана ценность основного труда Генина — «Описание уральских и сибирских заводов», как источника для изучения истории промышленности, положения рабочих и приписных крестьян на уральских заводах, в том числе и Екатеринбургском заводе.

В названной книге Генин подробно описывает Екатеринбургский завод с его «цехами и фабриками», рассказывает о строительстве Екатеринбурга, организованных в нем первых школ, о Сибирском Обербергамте и т. д. Значительный интерес представляют и имеющиеся в книге Генина данные, свидетельствующие о сильном движении приписных крестьян на уральских заводах в 1726—1727 гг.

Ценным источником является также переписка В. де-Генина[12]). Однако и теперь еще далеко не все материалы, рисующие деятельность Генина и Татищева на Урале, опубликованы. Много документов, связанных с их именами, находится в центральных архивах[13]). Небольшая часть как этих документов, так и хранящихся в СОГА в фонде Уральского Горного Управления (УГУ) использованы исследователями. Основой фонда УГУ являются дела Сибирского Обербергамта. В 1723 г. Генин перевел из Уктусского завода учрежденное В. Н. Татищевым «Сибирское высшее горное начальство» и переименовал его в «Сибирский Обербергамт». А затем приехавший вторично на Урал В. Н.

---

1) «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом». Партиздат, 1938 г., а также «Об индустриализации страны и правом уклоне в ВКП(б)». Партиздат, 1937.

2) «В. Н. Татищев и его время» М. 1861, а также — «Ученые и литературные труды В. Н. Татищева», СПБ, 1886.

3) В. Н. Татищев. (Торжественное заседание Академии наук — 1886 г.). Приложение к 55 тому «Записок Академии Наук», № 4, СПБ, 1887 г.

4) «Деятельность артиллерии капитана В. Н. Татищева на уральских заводах в царствование Петра Великого». СПБ, 1884.

5) Историко-экономический очерк «Город Екатеринбург», ЕКТБ, 1889 г.

6) «Полуторастолетие Екатеринбурга (1723—1873 гг.)» и др. работы. См. список трудов Н. К. Чупина в «Сборнике статей о Пермской губернии» Д. Смышляева. Пермь, 1891, стр. 278—280.

7) «Положение рабочего класса в России» т. 1, Лнгр., 1925.

8) «История горнорабочих СССР», т. 1, 1926.

9) «Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия». М., 1944.

10) «Горный журнал», 1826, кн. V.

11) Ст. в книге В. де-Генина — «Описание уральских и сибирских заводов». М., 1937, стр. 11—64. См. также работу Бакланова — «Техника металлургического производства XVII века на Урале». ОГИЗ—Соцгиз, М. — Л., 1935.

12) «Горный журнал», 1826, кн. I, III, IV, 1827, кн. V.

13) См. Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. ч. I, М., 1946.

Татищев в 1734 году переименовал Обербергамт в «Канцелярию главного заводов правления». Так называлось высшее горное учреждение на Урале до 1781 г. В этом году в связи с учреждением Пермского наместничества Канцелярия главного заводов правления в Екатеринбурге была упразднена, а вместо нее была образована Горная экспедиция при казенной палате в Перми. Но в 1797 году Канцелярия главного заводов правления была вновь восстановлена и просуществовала до 9 ноября 1800 года[1]).

Вошедшие в фонд УГУ дела Обербергамта и Канцелярии главного заводов правления, а также документы, находящиеся в других фондах, позволяют полнее обрисовать деятельность Генина и особенно Татищева на Урале.

В фонде УГУ имеются: д. № 14 — Доношения и представления Генина (1723 г.), д. № 332 — Указы Генина и заводские распоряжения (1733 г.) и другие документы Генина. Названия этих документов из-за недостатка места не приводим, а только отметим №№ дел — 25, 37, 59, 90, 199, 205, 246, 253, 257, 375, 410, 433, 448[2]). Необходимо указать также д. № 2 — Табель при указе Генина для оклада жалованья всех заводов (1725 г.)[3]) и д. № 1 — Инструкция от генерала Генина (1724 г.)[4]).

Знакомство с перечисленными документами показывает, что Генин сделал много на Урале. Однако, некоторые исследователи, например, Нил. Попов[5]), преувеличивают значение первых мероприятий Генина. Нил. Попов считает, что инструкция комиссару Екатеринбургского завода Неклюдову была составлена Гениным. Между тем, еще Н. К. Чупин[6]) выяснил, что автором этой инструкции был Татищев, а Генин лишь подписал ее в 1723 году. Татищев после передачи дел Генину не сразу уехал с Урала, а некоторое время работал в Обербергамте при Генине. При определении места последнего в истории Екатеринбурга и Урала в целом нельзя упускать из виду, что Генин тенденциозно рассказывает о своих заслугах и многое позаимствовал у Татищева.

Роль В. Н. Татищева в жизни Урала и его центра гор. Екатеринбурга была весьма велика. Татищев еще в первый приезд на Урал добился указа Бергколлегии от 8 декабря 1720 года.

По этому указу власти Татищева подчинялись все жители сел, приписанных к заводам. Они поступали в полное его распоряжение, а губернской власти запрещалось вмешиваться в распоряжения Татищева. Во второй же приезд на Урал Татищев получил в 1734 г. инструкцию от правительства Анны Ивановны, которую, как можно судить по некоторым данным, составил сам. Согласно этой инструкции, Татищев становился полновластным хозяином на Урале и подчинялся только кабинету министров и императрице. В 1734 г. он назначает сам в

---

[1]) См. П. А. Иванов, «Краткая история управления горной частью на Урале». Екб. 1900.

[2]) СОГА, ф. 24. оп. 1.

[3]) СОГА, ф. 38.

[4]) СОГА, ф. 56.

[5]) «Татищев и его время», 1861.

[6]) «Жизнь Татищева с 1723 по 1734 г.», «Пермские губернские ведомости», 1867. №№ 61—63 и след.

Екатеринбурге полицмейстера Семена Сикорского и дает ему особую инструкцию[1]).

Татищев первый практически воплотил в жизнь идею о независимости горной власти на Урале от гражданской и о приоритете первой над последней. Эта точка зрения затем вплоть до 60-х годов XIX века упорно защищалась горным начальством Урала и находила поддержку у правительства. Так, например, после введения городового положения Екатерины II роль городничего в Екатеринбурге играл горный начальник.

В конце XVIII века, когда была учреждена «шестигласная» городская дума в Екатеринбурге, утверждение городского головы зависело от горного начальника.

Уже в XVIII веке Екатеринбург приобретает те своеобразные черты горного города, которые, благодаря дальнейшему увеличению прав и власти горного начальства, а также пребыванию в Екатеринбурге главного начальника уральских заводов, четко оформляются в первой половине XIX века, особенно в период управления уральскими заводами генерала В. А. Глинка (1837—1856 гг.).

Для выяснения характерных черт Екатеринбурга в XVIII веке важны инструкции Татищева и Генина, «Устав заводской Татищева 1735 г.», Штаты Канцелярии Главного заводов правления 1737 г., «Учреждение для управления губерний 1775 г.», жалованная грамота городам 1785 г. и многие из нижеуказанных документов, находящихся в различных фондах СОГА. Среди этих документов выделяются: д. № 1 — Указы Петра I Татищеву, доношения и письма (1720 г.), д. № 5-б — Протоколы Татищева (1727 г.), д. № 742—копии указов Татищева (1739 г.), д. № 405 — реестр ея императорского величества заводов, принятых у Генина (1743 г.) и следующие татищевские документы: д. №№ 12, 400, 411, 466, 489, 503, 504, 512, 533, 534, 540, 588, 618, 623, 684, 3122[2]).

Особо следует отметить сохранившуюся в СОГА рукопись «Устава заводского Татищева 1735 г.»[3]), содержание которой несколько иное, чем в опубликованной редакции Устава[4]).

«Устав заводской», или иначе Горный устав 1735 г., не был утвержден правительством, но его влияние на жизнь горнозаводского Урала, и гор. Екатеринбурга в частности, было велико вплоть до 1806 года. Источники Устава, как и многое, связанное с его разработкой, еще не выяснены в литературе, если не считать отдельные соображения по этому вопросу Нил. Попова[5]). Между тем, пользуясь материалами из личного архива Н. К. Чупина, который находится в СОГА, имеется возможность показать работу Комиссии по выработке Устава 1735 г. Материалы из фонда Чупина с достаточной полнотой воспроизводят ту борьбу, которая шла в комиссии при выработке Устава 1735 г. между В. Н. Татищевым и его советниками Хрущевым и др. с приказчиками Демидова и Строганова.

Изучение этих материалов и окончательной редакции Устава

---

1) СОГА, ф. 29, оп. 1, д. № 172, л. 111.
2) Там же, стр. 224, оп. 1.
3) СОГА, ф. 24, д. № 3123.
4) «Горный журнал», 1831 г., кн. 1—3, 5—10.
5) «Татищев и его время», гл. IV.

1735 г. позволяет дать ответ на нерешенный до сих пор вопрос: как отразилась в отдельных статьях Устава борьба В. Н. Татищева и его советников, защищавших интересы казны, с представителями уральских магнатов, отстаивавших интересы заводчиков.

Содержание фонда Чупина разнообразно. Н. К. Чупин длительное время изучал материалы архива Уральского Горного Управления (ныне фонд УГУ). Знакомство с последним и фондом Чупина показывает, что значительная часть копий документов и выписок, сделанных Чупиным из материалов УГУ, сохранилась в СОГА в подлинниках. Но это не обесценивает фонд Чупина, так как там имеется большое число выписок и копий с документов, подлинники которых отсутствуют в СОГА. Ценны также и неопубликованные рукописи работ Н. К. Чупина[1]). Эти работы, как и опубликованные работы Н. К. Чупина о Екатеринбурге, Татищеве и известный «Географический и статистический словарь Пермской губернии», насыщены фактическими данными, почерпнутыми автором из архивных дел; поэтому работы Чупина не потеряли своего значения и в настоящее время. При изучении далекого прошлого гор. Екатеринбурга заслуживает внимания и рукопись Е. И. Короткова «История горной промышленности»[2]). Однако нельзя обойти молчанием, что названная рукопись и другие дела из личного архива Короткова не представляют такой ценности, как архив Чупина. Коротков нередко делает заключения без достаточных оснований и часто произвольно излагает содержание использованных материалов.

Исключительно важны и ценны дела фонда УГУ. В последнем, кроме упомянутых документов, связанных с именами Татищева и Генина, находятся интересные материалы по истории города, промышленности Урала и о классовой борьбе на Урале в дореволюционное время.

В фонде УГУ имеются, например, дела о гранильной фабрике в Екатеринбурге, до 30 дел, относящихся к Екатеринбургской горной школе, указы и прочие дела Екатеринбургской казначейской конторы (1762 г.), «Книги о беглых крестьянах и о высылке их на прежние жилища», многочисленные дела «о ссылке и поимке беглецов», о заводских работах и «раскладке крестьян в заводские работы» с 1732 по 1787 г., ревизские сказки, д. № 631 о содержании аптеки и госпиталей (1794 г.), д. № 725 — о перестройке Екатеринбургского железоплавильного завода (1741 г.), д. № 750 — о состоянии Екатеринбурга в 1738 г., д. № 16—«Записная книга при Уктусском заводе разным людям с семействами» (1720 г.) и другие[3]). О бывшем Уктусском заводе сообщает Генин в своем «Описании Уральских и Сибирских заводов» и много сведений имеется в документах Татищева. Кроме того, в СОГА хранится особый фонд—Уктусский чугуноплавильный завод (1713 — 1844 гг.).

В последнем сохранилось много дел о приписанных к заводу крестьянах, их работе «за подушный оклад», формулярные списки «разного звания людей при Нижне-и Верхне-Уктусских заводах» (1774 и др. годы), о поправке Уктусской плотины (1759 г.), о промысловых работах, о жаловании мастеровым, книги о приходах и расходах разных припасов, книги о расходах руд и др. Дела об Уктусском заводе находятся и

---

[1]) СОГА. См. опись фонда № 129.
[2]) Там же, ф. 74, оп. 1.
[3]) Там же, ф. 24, оп. 1, 2, 3.

в других фондах[1]). Например, в фонде «Контора земских и судных дел» (гор. Екатеринбург) 1722—1807 гг. Из дел, находящихся в этом фонде, интересны: д. № 351—по Указу канцелярии Главного заводов правления об открытии Екатеринбургского Горного Совета (1799 г.), д. № 398 —по предложению Главного канцелярии начальника — об учреждении в Екатеринбурге горной полиции (1797—1798 гг.), а также д. № 290 — по Указу канцелярии с расписанием селений, вошедших в состав Пермского наместничества, и об учреждении в Екатеринбурге по указам палочного караула (1781 г.) и другие дела[2]).

Материалы СОГА хорошо отражают прошлое пригорода Свердловска Уктуса, выросшего из существовавшего в XVIII веке Уктусского завода. История последнего еще ждет своего исследования.

Обстоятельного изучения заслуживают и другие пригороды бывшего Екатеринбурга — село Шарташ, Нижне-Исетск, а также Березовск.

За исключением Шарташа остальные пригороды были основаны в связи с постройкой завода или разработкой жильного золота, а позднее золотых россыпей.

О Шарташе, возникшем задолго до постройки Екатеринбурга, в СОГА сохранилось немного документов, причем они разбросаны по многим фондам. Первыми поселенцами Шарташа были бежавшие с Балахны и реки Керженца старообрядцы.

Шарташ затем долго был одним из видных центров старообрядчества. С конца XVIII века в жизни Екатеринбурга и Урала уже заметную роль стали играть крупные промышленники—раскольники Рязановы и Казанцевы. Их родоначальниками, как многих других крупных промышленников, были шарташские раскольники. В СОГА имеется немало документов, рисующих роль купцов и заводчиков—старообрядцев в жизни Екатеринбурга и их место в промышленности Урала, а также борьбу с раскольниками православной церкви и царского правительства. Сохранившиеся в СОГА документы интересны и для характеристики эксплоатации рядовых раскольников промышленниками-раскольниками. Большое количество сведений о Березовске с его золотопромывальным промыслом в XVIII веке помещено в ряде опубликованных работ. Некоторые из них, как например, труды И. Ф. Германа[3]), относятся уже к историческим источникам. Много данных о Березовских золотых промыслах имеется и в документах, находящихся в различных фондах (УГУ и др.). Кроме того, в СОГА Березовские золотые промыслы представлены специальным фондом. Материалы этого фонда и других дают хорошее представление о технике золотых промыслов, тяжелом положении крестьян и мастеровых, работавших на промыслах, о численности населения Березовска в XVIII веке и т. д.

Значительное число сведений содержится во многих документах, находящихся в различных фондах, и о Нижне-Исетском железоделательном заводе и в особом фонде «Нижне-Исетский железоделательный завод» (1793—1909 гг.). Из документов этого фонда, относящихся

---

[1]) Некоторые интересные сведения о заводе за 1702—1733 гг. есть и в заметке об Уктусском заводе. «Горный журнал», 1828, кн. 8, стр. 82—85.

[2]) СОГА, ф. 34, оп. 1.

[3]) «Описание заводов под ведомством Екатеринбургского Горного начальства состоящих».

к XVIII веку, ценны, например, д. № 2816—Штат екатеринбургских заводов (1726 г.), а также годовые отчеты по Н.-Исетскому заводу и др.

К числу исключительно ценных источников по истории Екатеринбурга и промышленности Урала принадлежат материалы двух фондов: 1) Верх-Исетский железоделательный завод (1798—1901 гг.) и 2) Управление верхисетскими заводами (1702—1919 гг.). Содержание этих фондов, а также целого ряда документов, фонда УГУ и других всесторонне освещает историю Верх-Исетского завода в XVIII веке и место завода в прошлом Екатеринбурга. Они дают представление о строительстве Верх-Исетского завода, смене его владельцев, состоянии техники, производительности завода почти за все годы его существования, о положении рабочих, их упорной борьбе с заводовладельцами и царским правительством, а также о патриотических делах тружеников завода в XVIII веке и в последующих столетиях.

Из огромного числа разнообразных документов двух названных фондов, относящихся к Верх-Исетскому заводу, отметим некоторые. Интересны, например, д. № 150—Указы екатеринбургского нижнего суда (1788 г.), д. № 263—расчетная с рабочими (1790 г.), д. № 46 — списки приписных крестьян (1762 г.), д. № 195—копии протоколов земского суда (1788 г.), д. № 216—копия с заявления молотовых рабочих Верх-Исетского завода на действия приказчика Заверняева (1788 г.), д. № 486—о буйственных, якобы, поступках при следствии приказчика Заверняева с товарищами и приговор Верхнего уездного суда (1797 г.), д. № 217—Указом екатеринбургского нижнего суда строжайшее предписание к сбору недоимок с мастеровых (1789 г.), д. № 267—о вышедших мастеровых из Верх-Исетского завода в казенные места (1790 г.), д. № 280 — о пожаре в Верх-Исетском заводе (1790 г.), д. № 306—договоры на поставку угля с государственными крестьянами Красноуфимского уезда (1791 г.), д. № 1431—ревизские сказки и о бежавших работных людях из одного завода в другой (1796 г.), д. № 406—о верхисетских мастеровых по совестному суду (1795 г.), д. № 539—разные указы и постановления о бежавших с работы крестьянах (1798 г.), полицейские журналы, ведомости о произведенных работах крестьянами и рабочими и о выдаче им жалованья, следственные дела, документы о добыче руды, перевозке ее на завод, списки мастеровых и т. д.[1]).

Значительное число документов о побегах мастеровых с Верх-Исетского и Березовского заводов сохранилось в фонде — уездные дореформенные суды (1790—1865 гг.)[2]). Документы этого фонда хорошо отражают настроение мастеровых и социальную сущность многочисленных дел о богохульстве, оскорблении и поношении царя, нарушениях тишины и спокойствия и т. д.

Ежегодные данные (с 1766 по 1780 гг.) о выплавке чугуна на Верх-Исетском заводе приведены в делах фонда «Екатеринбургская заводская контора» (1723—1851 гг.)[3]).

Из материалов этого фонда обращают на себя внимание группы

---

1) СОГА, ф. 72, оп. 1. Интересные сведения есть в ст. З. Н., С. В. — «Исторический очерк Верхисетского завода». «Ирбитский ярмарочный листок», 1866, №№ 9, 10 и 15 и в «Пермских губернских ведомостях» 1866, №№ 24, 27 и 28.

2) Там же, ф. 12, оп. 1. — Дела екатеринбургской Нижней Расправы.

3) Там же, ф. 38, оп. 1, д. № 218—229.

документов Башкирской комиссии и о башкирских восстаниях в 1733 г., а также д. № 9—послужные списки чиновников и мастеровых людей (1733 г.), д. № 64—Ревизская сказка Пышминской слободы (1747 г.), д. № 143—о постройке Екатерининского собора в Екатеринбурге (1756 г.) и др.

В делах фонда «Старший врач екатеринбургских заводов» (1781—1886 гг.), а также фонда УГУ имеются ценные сведения о постановке медицинского обслуживания в Екатеринбурге и на заводах.

Определенный исторический интерес представляют сохранившиеся дела в фонде «Златоустовская церковь в Екатеринбурге» (1769—1927 гг.).

Ценнейший материал содержится в почти неописанном фонде — «Чертежная Уральского горного управления» (1725—1914 гг.). Из колоссального числа находящихся в этом фонде карт, планов, отводов и чертежей рудников, лесных дач и т. д. отметим только некоторые. Например, генеральную карту лесничего или дач Нижне-Исетского завода (1754 г.). В данном фонде имеются уникальные чертежи, представляющие исключительный интерес при изучении металлургической техники XVIII века, а также планы екатеринбургского завода в первой половине XVIII века и другие планы и чертежи, дающие представление о находившихся в Екатеринбурге в XVIII—XIX вв. заводах и фабриках.

Обширный документальный материал сохранился о Екатеринбургской гранильной фабрике и Екатеринбургском монетном дворе. Их замечательное прошлое до сих пор заслуживает специальных монографий. Из немногих отдельных статей о них необходимо отметить статьи Н. Чупина[1]) и О. Волковой[2]), написанные на основе документов СОГА, а также статьи Грамматчикова — «Исторические и практические сведения о екатеринбургской шлифовальной фабрике и мраморном горнощитном заводе»[3]).

Хранящиеся в фонде «Контора екатеринбургского монетного двора» (1721—1885 гг.) материалы тщательно еще не изучены. Эти материалы характеризуют состав, положение и настроение мастеровых, работавших на монетном дворе, позволяют установить количество выделанной монеты в отдельные годы и т. д.

Разнообразны и богаты также материалы фонда «Императорская гранильная фабрика» (1765—1916 гг.). Документы последнего ярко отражают замечательное искусство уральских мастеров камня, их состав и тяжелое положение в дореволюционное время, дают ясное представление о поисках и разработках драгоценных камней, об иностранных мастерах и их отношении к делу, о превосходстве искусства русских мастеров по сравнению с иностранными, о сделанных екатеринбургскими камнерезами и гранильщиками для Кремлевского дворца колоннах из мрамора и других украшениях (1773 г.), о содержании караванов с мраморными вещами, отправленными из Екатеринбурга в Петербург (1774—1775 гг.) и т. д.

Ценные сведения о внешнем виде Екатеринбурга, о его промышленности, торговле и т. д. в XVIII веке содержатся в дневниках и

---

[1]) «О начале монетного дела в Екатеринбурге». «Пермские губернские ведомости», 1870, № 51.

[2]) «Мастера камня». Сб. «Свердловск», Свердгиз, 1946, стр. 60—72.

[3]) «Горный журнал», 1827, кн. 3, стр. 131—147.

записках русских и иностранных путешественников. Интересны известия о Екатеринбурге путешественников Гмелина, Палласа, Лепехина, Георги, Фалька[1]), а также записи А. Н. Радищева в его «Записке путешествия в Сибирь» (1790—1791 гг.), «Дневнике путешествия из Сибири» и замечания в обнаруженной нами рукописи Радищева «Статистическое описание Тобольской губернии»[2]). Немаловажным источником является и «Обозрение Российской империи, учиненное Сергеем Плещеевым» (С.-Петербург, 1787, стр. 168—170), а также географические лексиконы и географические словари Российского государства, составленные в XVIII веке[3]).

Много ценных сведений и важных документов по истории Екатеринбурга напечатано в «Горном журнале», «Уральском технике», «Трудах Пермской ученой архивной комиссии» «Пермском крае» («Сборник сведений о Пермском крае»), в «Пермских губернских ведомостях». Ряд данных имеется, например, и в таких изданиях, как «Труд и быт рабочего и крестьянского населения Урала конца XVIII и начала XIX вв.»[4]).

Из находящихся в СОГА фондов необходимо отметить еще фонд «Екатеринбургская горная воинская команда, Оренбургский линейный батальон № 14 (1794—1851 гг.)», в котором имеются дела о Екатеринбургской монетной инвалидной команде.

Богатые источники по истории Екатеринбурга в XVIII веке сохранились в фонде «Екатеринбургский городовой магистрат». В последнем находятся, например, дела о выборах городского головы и должностных лиц (в 1781—1785 гг.), журналы и протоколы заседаний магистрата, о сборах с жителей и т. д.

Опубликованные источники и богатые материалы Свердловского областного государственного архива вместе с материалами фондов, хранящихся в других архивах, позволят правдиво и с достаточной полнотой осветить жизнь и место Екатеринбурга в истории Урала и России в целом не только в XVIII веке, но и в последующие периоды.

---

[1]) Названия известных сочинений и краткий перечень имеющихся последних сведений о Екатеринбурге см. у Д. Смышляева — «Источники и пособия для Пермского края», Пермь, 1876.

[2]) Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, «Собрания Воронцовых», д. № 477, т. II.

[3]) См. Смышляев. Указ соч.

[4]) М. Госмузей, 1927.

Е. М. Берс

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГОРОДА СВЕРДЛОВСКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

Археология, в отличие от других исторических наук, оперирующих с письменными источниками, добывает материал для изучения древнейшей истории народов из земли путем раскопок памятников древней культуры.

В окрестностях Свердловска эти памятники представлены местами поселений, стоянками и городищами, укрепленными рвом и валом, жертвенными местами, расположенными на высоких горах, местами погребений, курганами и могильниками, древними копями и писанцами — изображениями, написанными краской на утесах и скалах по берегам озер и рек.

Наиболее ранние сведения об археологических находках близ Свердловска мы имеем от 1840 года. В 60 километрах на северо-восток от Свердловска, в золотоносном торфянике, на глубине 3-х метров, далматовский купец Сигов нашел бронзовое птицевидное изображение, несколько бронзовых вещей, принадлежащих к сбруе, и костяную мотыгу.

В 1858 году им же в 10 километрах к западу от гор. Свердловска, там, где сейчас деревня Палкино, на возвышенном берегу р. Исети, на Палкинском городище были найдены два человекообразных идола с каменными формами для их отливки, два птицевидных изображения, две фигуры медведей с полыми отверстиями на спине для подвешивания, бронзовое зеркало, 31 медная подкова и ряд медных пластин для изготовления вещей. Эти находки были настолько необычны, что Сигов вместе с вещами, найденными им в 1840 году, послал их в Петербург. Находки потом были переданы в музей Археологического общества и получили научную известность[1]).

Нам известны и другие сведения об археологических находках на Палкинском городище. Здесь сбором археологических предметов занимались жители местной деревни, продавая их скупщикам меди или любителям старины.

Благодаря находкам Сигова, Палкинское городище получило известность. Московское общество естествоиспытателей при поездке на Урал в 1867 году Л. И. Сабанеева предложило ему обследовать и местность у деревни Палкино.

Сабанеев установил, что население уже давно не находит на Палкинском городище археологических предметов; на этом обследование и закончилось.

---

[1]) «Известия Русского Археологического Общества», т. II, вып. 1, стр. 381.

В числе вещей, посланных Сиговым в Петербург, упоминались находки из камня и керамики, но на этот факт никто не обратил внимания.

По мнению же профессора Аспелина, считалось, что Урал вообще лишен следов каменного века. Но в 1873 году ученик Екатеринбургского реального училища Брюханов случайно, во время охоты, нашел на берегу 1-го Карасьего озера, в 15 км. от гор. Свердловска, оригинальный камень. Секретарь Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) О. Е. Клер установил, что это—шлифованный каменный топор доисторического времени и приобрел его для музея. На первом же собрании УОЛЕ Клер сделал доклад о находке с соответствующими археологическими выводами. Это было так ново и смело, что доклад большинством слушателей был принят с недоверием, но Клер энергично принялся за дальнейшие археологические изыскания.

Уже в следующем 1874 году член Русского географического общества М. В. Малахов, по указанию О. Е. Клера, произвел разведочные работы близ дер. Палкиной—на месте первых археологических находок близ Свердловска[1]).

Этими работами и рядом последующих работ удалось установить наличие нескольких стоянок на берегах р. Исети у дер. Палкино. Найденные здесь вещи говорили о том, что древнее население, жившее здесь, изготовляло орудия труда и быта из камня. На обработку на месте указывали многочисленные кремневые осколки со следами искусственного откола. Древнее население знало гончарное производство, сосуды формовались от руки, посуду украшали орнаментом и обжигали на кострах. К глине примешивались слюда и тальк.

Этими работами утвердилось за Малаховым открытие первых находок каменного века на восточном склоне Урала. Его работы послужили началом исследования и других мест близ Свердловска. Почти все реки и озера этой территории дали ряд археолгческих находок и позволили установить наличие здесь стоянок.

Размываемый в течение долгого времени водой, культурный слой стоянок дал обильный под'емный материал, на который до этого времени никто не обращал внимания. По инициативе УОЛЕ сотрудники музея и лица, интересующиеся вопросами археологии, собирали под'емный материал на береговых стоянках и передавали его в музей УОЛЕ.

Насколько велик был этот под'емный материал, можно установить из следующих данных.

В 1888 году по берегам 1-го Карасьего озера препаратором музея Гаккелем найдено: керамики 365 шт., хорошо обработанных кремневых орудий и стрел—265 шт., изделий из глин—9. Сбор вещей на 2-м Карасьем озере дал: орнаментированных черепков 375 шт., без орнамента—1050 шт., каменных орудий—108 шт., кибасьев из глин—27 шт., бронзовых пластин 17 и одну форму для отливки бронзовых вещей. Рыжниковым на берегах Исетского озера собрано: 10 каменных топоров, более 20 наконечников копий и дротиков, более 20 стрел и шильев, ножи, скребки, пилы и проч. орудия из кремня, яшмы, халцедона, агата и кварца, 300—400 шт. разновидностей гончарных изделий, глиняные кибасья, гранитные точила и проч.

---

[1]) И. В. Малахов. «На Чудском городище», «Древняя и Новая Россия» № 3. 1879 г. Его же. «Курганы в окрестностях г. Екатеринбурга, Пермской губ.».

Такие же находки поступили в музей с Аятского озера, Верх-Нейвинского пруда, оз. Таватуй, Шиты и др. мест.

Большой под'емный материал собран на стоянках, открытых в верховьях реки Исети, на озере Мелком, у дер. Палкино, по берегам и островам В-Исетского пруда. Кроме изделий из камня в музей УОЛЕ стали поступать от разных лиц предметы из бронзы: стрелы, зеркала, бляхи, птицевидные изображения, человекообразные идолы и формы для отливки медных вещей.

Вещи, обнаруженные случайно при разработке торфяников, представляли собой изделия из дерева и кости, обычно не сохраняющиеся в почве.

Одновременно с археологическими работами, проводимыми в окрестностях Свердловска, к востоку и северо-востоку от него, в центре внимания остается и 1-е Карасье озеро, где был найден первый топор из камня. Оно находится в 15 километрах на юго-восток от гор. Свердловска. Это небольшое умирающее озеро, окруженное торфяным болотом свыше 40 километров в окружности. На озере—острова. Большой гранитный кряж, простирающийся с севера на юг, называется Лиственным или Разбойничьим островом.

С двадцатых годов XIX столетия и до недавнего прошлого рассказывалось, что у озера разбойники ограбили проходивший из Сибири в Россию караван с золотом. Разбойников поймали, а золото осталось не найденным, и много кладоискателей положило свои силы на розыски его.

Работами кладоискателей выбрасывался на поверхность земли культурный слой стоянок. Около таких ям удалось собрать значительный археологический материал и определить территорию, занятую стоянками.

Разведочные работы здесь производились по поручению О. Е. Клера-Рыжниковым и Гаккелем с 1884 по 1890 гг.[1]).

На берегах 1-го Карасьего озера и в его окрестностях Н. А. Рыжниковым зарегистрировано 8 стоянок. Под'емный материал и вещи, добытые путем разведочных раскопок, дали: большое количество керамики, каменных орудий, отщепов, кремня, кости животных и большое гранитное точило для полирования каменных орудий. Изделия из бронзы состояли из медных наконечников стрел, блях и двух птицевидных изображений.

На 2-м Карасьем озере разведочные работы проводились Рыжниковым с 1887 по 1899 гг. и дали указания о 10 стоянках в этом районе.

Места поселений, открытые в конце XIX века по берегам рек и озер, побудили к исследованию памятников и других видов. Наиболее живописные и часто посещаемые места в окрестностях города приобретают новый смысл и интерес. На Каменных палатках около Втузгородка, на Чортовом городище и горе Матаихе, близ станции Исеть, на Шабровских каменных палатках у дер. Седельниковой, близ Полевского и Северского заводов на горах Азов, Думной и Караульной были обнаружены жертвенные места с остатками материальной культуры этого периода. По берегам рек и озер удалось установить следы городищ, на двух скалах Исетского озера обнаружены писанцы, заре-

---

[1]) Н. А. Рыжников. «Материалы к археологической карте Урала». СОГА, Фонд УОЛЕ, п 37

гистрирован ряд курганов. В самом городе обнаружены археологические памятники.

Кроме разведочных работ, научными силами города проводятся и раскопки археологических памятников.

В 1874—75 годах М. В. Малахов и О. Е. Клер проводят раскопки на стоянках и городище близ деревни Палкино.

В 1876—78 годах Малахов ведет раскопки на береговых стоянках Аятского озера и озера Таватуй, в 1880 году им проводится работа на Шигирском торфянике, в 1881 году—на озере Шиты.

В 1886 году на Палкинских стоянках и городище продолжают раскопки О. Е. Клер и К. И. Фадеев, а с 1890 года по 1900 год работу ведет О. Е. Клер. В этот же период времени О. Е. Клер и Н. А. Рыжников производят археологические раскопки на стоянках у Исетского озера.

Интерес к открытию близ Свердловска памятников каменного века охватил весь мыслящий Екатеринбург и не мог пройти мимо внимания Д. Н. Мамина-Сибиряка. В 1888 году он проводит раскопки на 1-ом Карасьем озере. Таких археологических работ по размерам на 1-ом Карасьем озере больше не проводилось.

Более богатым об'ектом для изучения явилось 2-ое Карасье озеро. В этом районе Маминым-Сибиряком и Фадеевым раскапывалась стоянка № 1.

Первые вещи с этого участка были принесены в музей УОЛЕ крестьянином Антроповым. Они состояли из двух литейных форм для отливки птицевидных изображений и каменного долота из зеленоватого сланца. В 1889 году Антропов продал Мамину-Сибиряку еще часть вещей со 2-го Карасьего озера: керамику, костяные изделия, наконечники стрел, обломок костяной ложки и клыки медведя и бобра.

По этим следам в 1888 г. Д. Н. Мамин-Сибиряк и Гаккель вскрыли площадь стоянки на 2 кв. сажени. В культурном слое, находящемся на глубине одного аршина, были найдены изделия из камня (топоры, ножи, кремни) и керамика с примесью в ней слюды и талька, а также грузила для сетей. В 1889 году М.-Сибиряк прорыл еще одну траншею, размером 2 х 3 аршина и раскопал часть берега. Инвентарь, встретившийся при раскопках, был тождественен с вещами, добытыми при раскопках в 1888 году. Здесь же была найдена и вторая часть от костяной ложки, купленной у Антропова.

Дальнейшие поиски Антроповым археологических вещей дали интересную картину погребения. Им были открыты 5 гранитных плит, которые были поставлены наклонно на ребро, образуя палатку. Внутри этого сооружения находились человеческий череп и керамика.

По просьбе Мамина-Сибиряка на 2-ое Карасье озеро выехал К. И. Фадеев. В яме, образуемой плитами гранита, оказался слой черновато-серой земли, в нем были найдены кибасья из глины, наконечник копья из камня, обитый широкий каменный нож, пряслицы и около места, где лежал череп, три мелкие человеческие кости.

Работами, проведенными на разных участках стоянки в двух местах раскопок, удалось установить второй культурный слой, отделенный от первого узкой полоской песка[1]).

---

[1]) «Отчет о раскопках Д. Н. Мамина-Сибиряка» «Древности», т. XV, вып. I и II, 1888—89 гг.

Археологические памятники восточного склона Урала посещались известными русскими и иностранными археологами. Путем раскопок, сбора и покупки вещей они собирали археологические коллекции и вывозили за пределы края.

По поручению Казанского общества истории, археологии и этнографии геолог Зайцев в 1883—85 гг. обследовал археологические памятники восточного склона Урала.

В 1887 году профессор Московского университета Д. Н. Анучин с археологом Уваровым изучали археологические памятники: Палкинское городище, жертвенные места у Полевского и Северского заводов. курганы у дер. Кошкаровой, близ г. Тагила, и ряд памятников в Шадринском и Ирбитском уездах. Коллекции, добытые ими здесь, демонстрировались на выставках 7 и 8-го археологических с'ездов.

В 1895—97 гг. местные археологические памятники исследует французский археолог де-Бай. Собранные им коллекции были переданы Парижскому музею. В 1915 году в Екатеринбург приезжал финский археолог Тальгрен, который приобрел археологические коллекции с ряда памятников, находившихся близ города.

В конце XIX и в начале XX столетий на ряде стоянок близ Свердловска проводились хищнические раскопки.

Коллекционеры старинных вещей — фарфора, бронзы и старинной мебели с XIX столетия стали собирать также интересные археологические предметы из камня, кости и керамики. К услугам уральских богатых меценатов в Екатеринбурге, как и на юге России, появились люди, удовлетворяющие их запросы за деньги. Часть вещей попадала в антикварную лавку Д. Н. Плешкова.

При хищнических раскопках брались так называемые «отборные остатки» первобытной культуры, то есть то, что имело ходовую цену; остальное погибало.

В 1901 году Замшин провел хищнические раскопки на стоянке Коптяки 20, у Чортова Городища. Было собрано до 15 пудов «отборных остатков», в числе их 7 медных идолов и до 30 штук других медных вещей.

В 1889—90 гг. на Шарташских стоянках Рыжников и Замшин нашли керамику, каменные и костяные орудия, два целых глиняных сосуда и несколько изделий из меди. Все вещи были проданы Гергойду в Одессу.

На пашнях, окружающих озеро Сосновское, находящееся к юго-востоку от Свердловска, часто находили медные вещи. На одной из таких пашен было выкопано серебряное сассанидское блюдо, которое было продано коллекционерам.

К концу XIX века сведения об археологических памятниках оказались настолько значительными, что явилась необходимость для дальнейшего изучения археологических памятников восточного склона Урала об'единить их в один сводный источник — археологическую карту. В «Записках УОЛЕ» В. Я. Толмачевым было издано только два выпуска с материалами к археологической карте Урала, освещающих находки на Шигирском торфянике и памятники близ Сухого-Лога[1]). По

---

[1]) В. Я. Толмачев. «Древности Восточного Урала», «Записки УОЕ», тт. XXXIII и XXXIX. 1913—14 гг.

печатные работы старых исследователей не отражают исторического развития местного общества.

Производившиеся раскопки были направлены вначале к поискам наиболее ценных и редких вещей. Потом стали обращать внимание на все находимые в земле предметы и определять их назначение. Картина же той обстановки, в которой они находились, тот сложный комплекс различных элементов, в который вещи входят лишь как составная часть, не были достаточным образом учтены. Исследователи не изучали вещественные памятники, как исторические источники, а подходили к археологии, как к науке о древностях. Это не дало возможности разобраться в древней истории народа, жившего здесь.

Раскапывая древние поселения и жилища, исследователи не выясняли ни план самого поселения, ни устройства жилищ, ни топографию находок в соответствии с распланировкой жилищ и их окружения. Они не сумели отделить более ранние наслоения от более поздних, не смогли определить хронологические рамки общества, заселявшего наш край и установить влияние смежных культур на нашу территорию.

Поэтому после Октябрьской революции работу по изучению древнейшего прошлого Урала пришлось начинать сначала, на уровне тех требований, которые на основе археологического материала дают возможность восстановить развитие первобытного общества в соответствии с марксистско-ленинской методологией.

Первобытное общество существовало в течение тысяч лет и в своем развитии прошло через ряд стадий. Сущность первобытно-общинного строя с полной ясностью охарактеризована в следующих словах «Краткого курса истории ВКП(б)»:

«При первобытно-общинном строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период. Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплоатации, нет классов»[1]).

Для установления последовательности проходимых обществом стадий выясняется хронология изучаемых явлений, т. е. определяется время их возникновения и существования.

В Советском Союзе археология стала передовой наукой, идущей по пути, указанному основоположниками марксизма-ленинизма. Широко развертываются полевые археологические исследования, памятники изучаются во всей их цельности и полноте, совершенствуются приемы раскопок и разведочных работ.

---

[1]) «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». 1938 г., стр. 119.

Систематическое изучение археологических памятников Урала начинается после Великой Октябрьской социалистической революции центральными организациями Москвы и Ленинграда — Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР, Государственным историческим музеем и местными музеями.

Археологическая работа в Свердловске с 1924 года по 1937 год возглавлялась областным и окружным бюро краеведения. Среди населения широко популяризировались археологические знания. В 1927 году был выпущен конспект лекций по археологии Урала. В 1928 году была распространена среди населения анкета по учету археологических памятников. В 1930 году выпущена книга «Прошлое Урала» — первая попытка осветить древнейшую историю Урала на основе археологического материала.

В 1924 году были проведены разведочные работы на Исетском и 1-м Карасьем озерах. В 1926 году на средства музея велись раскопки на стоянке Калмацкий брод на р. Исети, в 18 клм. от Свердловска, где в культурном слое стоянки шигирской культуры оказался могильник сарматского времени.

Основным исследователем археологических памятников близ Свердловска в советский период был московский археолог П. А. Дмитриев, уроженец гор. Тюмени. С 1928 по 1940 гг. он проделал большую исследовательскую работу на стоянках Исетского озера и Калмацкого брода. В 1940 году им были обследованы археологические памятники на р. Исети до границ Челябинской области.

Перу П. А. Дмитриева принадлежит ряд работ по археологии Урала; некоторые из них посвящены древнейшей истории народов, заселявших окрестности Свердловска.

В годы Великой Отечественной войны П. А. Дмитриев ушел добровольцем на фронт, был ранен и умер от ран 2 ноября 1943 года.

В настоящее время археологические исследования в Свердловске и его окрестностях ведутся историко-филологическим факультетом Уральского государственного университета и Свердловским краеведческим музеем.

Наиболее древними памятниками в районе Свердловска являются стоянки шигирской культуры.

Термин «шигирская культура» введен в археологию П. А. Дмитриевым по местонахождению многочисленных, наиболее типичных и хорошо описанных Толмачевым находок из Шигирского торфяника, расположенного в Невьянском районе, близ Нейво-Рудянского завода[1]).

Район распространения шигирской культуры представляется нам сейчас в следующих границах: на западе—до восточного склона Уральского хребта, на юге — до лесостепной полосы, на востоке — до гор. Камышлова. На севере граница этой культуры еще не выявлена.

По определению П. А. Дмитриева, шигирская культура бытовала на этой территории со второй половины II-го тысячелетия до VII века до нашей эры и представляла собой родовое общество с развитым охотничье-рыболовецким хозяйством и с зачатками земледелия.

Материал по шигирской культуре, собранный с XIX столетия по на-

---

1) П. А. Дмитриев. «Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе». Сборник «Из истории родового общества на территории СССР». М.—Л., 1934 г., стр. 82.

ший дни, достаточно велик, но, к сожалению, почти не обработан. Сосредоточен он, главным образом, в Свердловском краеведческом музее, но плохо паспортизирован. Обычно известно только место находки, так как отчетов об археологических работах нет.

Отчеты о работах, произведенных Малаховым, утеряны. О. Е. Клер передал коллекции музею без отчетов к ним, так как считал преждевременной обработку собранного и полученного им при раскопках материала до того времени, пока им не будет исследована торфяниковая стоянка у 1-го Карасьего озера. Он полагал, что исследования, проведенные им на этом месте, дадут ключ к пониманию всех зауральских древностей.

Материалы о раскопках, проведенных Эдингом и Дмитриевым, увезены в Государственный исторический музей и опубликованы лишь частично.

Своеобразие шигирской культуры, заставляющее нас об'единить определенный период времени в одно целое, заключается в том, что на восточном склоне Урала длительный период существовало родовое общество с охотничье-рыболовецкой формой хозяйства и зачатками земледелия, т. е. экономическая база населения не менялась.

Утверждать это дает возможность многочисленный вещевой материал из стоянок, состоящий из предметов, необходимых для ведения именно таких форм хозяйства.

Длительность существования этих форм хозяйства вытекает из природных условий данной территории и естественных богатств края: Огромные лесные массивы с большим количеством диких животных в них, пригодных в пищу и дающих меха, значительная речная сеть, большое количество озер с рыбой создавали базу для ведения такого хозяйства.

Обилие материала—кремня, сланца, яшмы и др. для изготовления здесь же на месте каменных орудий для охоты, рыболовства, богатые, выходящие на поверхность, месторождения меди — все это наложило своеобразный отпечаток на шигирскую культуру и обусловило длительность ее существования.

Установить ряд последовательных стадий развития шигирского общества—одна из задач дальнейшего изучения шигирской культуры.

В ряде археологических статей о памятниках шигирской культуры и в названии самих статей часто содержатся пленяющие нас определения: «наряду со стоянками медного века, здесь были обнаружены и стоянки каменного века» (Малахов), «Заметка об открытии изображений животных на сосуде археологической эпохи на Урале» (Клер), или: «Селище доисторического человека на Калмацком броде было обитаемо долгое время, переживая все фазы развития от отбивного камня и кости до обработки металла» (Рыжников). Читатель ждет подтверждения этому, а их в статьях нет.

Об архаических элементах в керамике шигирской культуры говорит и П. А. Дмитриев[1]). Однако, по неопубликованным материалам, удается наметать ряд стадий в шигирской культуре.

Неопубликованные материалы Рыжникова дают возможность вос-

---

[1]) П. А. Дмитриев. «Об археологических исследованиях в Свердловской области летом 1940 г.». Краткие собрания о докладах и полевых исследованиях. ЦИМК'а, т. XII, М.—Л., 1940 г., стр 22—25.

становить размеры археологической работы на стоянках, где были найдены сосуды неолитического облика с изображением животных.

Это стоянка Коптяки 9, расположенная на Еловом мысу Исетского озера. Она представляет из себя большое плоскогорье, юго-западная часть которого возвышается над озером на 4,5 м.; северо-восточная часть этого острова постепенно понижается и переходит в болото. Площадь стоянки, как установлено Клером и Рыжниковым, равна 600 метрам и занимает юго-западную часть острова. Раскопки проводились по побережью, шириной в 6—10 метров и длиной до 180 метров, т. е. были значительными для того времени. Культурный слой стоянки не велик — до 20 см. мощности; вещи залегают в поддернике. На всем этом участке обнаружены, главным образом, каменные орудия с многочисленными осколками кремня и яшмы, большим количеством точил, заставляющих предполагать существование здесь мастерской каменных орудий. Находок из меди не было. Это — одна из причин, заставивших Клера датировать сосуд неолитом[2]).

Керамика сосудов не изучена, но, судя по их рисункам, последние имели яйцевидную, даже коническую форму, резко расширяясь кверху; края иногда изогнуты во внутрь сосуда. Сосуды с изображением животных яйцевидны и прямостенны. Найдены они и на стоянке Коптяки 4, в урочище Липовка, где также культурный слой был тонок и так же, как на стоянке Коптяки 9, не обилен находками, богат каменными орудиями изящной оббивной работы. Меди не было. Найдены ямы без очагов до 1 метра глубины с остатками керамики, осколками кремня и остатками углей; может быть, это ямы для хранения запасов.

Форма сосудов стоянки Коптяки 4 тоже яйцевидная.

Стоянка на Калмацком броде хорошо исследована Рыжниковым, Берсом и Дмитриевым. От стоянок Исетского озера она удалена на 7 километров. При раскопках этой стоянки в 1906—1907 гг. Рыжниковым получено 25 пудов вещевого материала. Медных вещей не обнаружено. Орудия из камня отличались прекрасной ретушью. Встречались желобчатые шлифованные ножи, наконечники стрел и копий из сланца, отбивные наконечники стрел из кремня и яшмы. Вещи из стоянки Калмацкий брод — шедевры каменной индустрии. Раскопки стоянки Калмацкий брод, проведенные в 1928 году Берсом (не опубликованы), велись траншеей, деленной на квадраты послойно, и изделий из меди не дали. Раскопки этой же стоянки Берса и Дмитриева дали изделия из меди: в 1934 году одну медную пластинку; ранее найдено медное шило и литая медная пластинка. Сосуды Калмацкого брода в большинстве яйцевидны и круглодонны, но встречались и плоскодонные. Сосуды для хранения запасов обычно сплошь украшались орнаментом, покрывающим и дно. Орнамент в основном гребенчатый. Сосуды плоскодонные, орнаментированы не сплошь.

Стоянка Калмацкий брод по инвентарю, кроме керамики, тождественна с Коптяками 9 и 4. На ней П. А. Дмитриевым раскопаны жилища[1]).

---

2) О. Е. Клер. «Предварительная заметка об открытии изображений животных на сосуде неолитической эпохи на Урале». «Записки УОЛЕ», т. XXII, 1901 г. стр. 214—227.

1) П. А. Дмитриев. «Раскопки стоянки Калмацкий Брод на р. Исети». Свердловск, 1934 г.

Жилища обнаружены также раскопками Клера и Рыжникова в 90-х годах прошлого столетия на стоянках Коптяки 2 и 3 (из неопубликованных материалов Рыжникова). На стоянке Коптяки 2, где раскопки велись на прибрежной полосе, на протяжении 300 метров вдоль всей площади, обнаружено 14 ям — землянок, глубиной до $2^1/_2$—3 аршин при площади пола 4 $\times$ 5 и 5 $\times$ 5 аршин. В землянках были очаги, сделанные из кусков гранита и сланцев. На стоянке Коптяки 3 удалось установить сохранившийся очаг из палаток гранита и сланца с трубой из таких же камней, выведенной на поверхность. Как и в жилищах Калмацкого брода, около очага найдено гранитное точило. Найдены также керамика и камень. Меди не было.

Керамика на стоянке Коптяки 2 в большинстве плоскодонна, прекрасно орнаментирована; есть и полированная. Данных о принадлежности ее к жилищам пока не установлено. Культурный слой мощный, как и на Калмацком броде.

Подобные же данные удалось утановить и по ряду других материалов, взятых со стоянок близ Свердловска.

Однако, несмотря на все эти сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, материал, поскольку керамика пока не разработана, не разрешает поставить вопрос о наличии на восточном склоне Урала неолитических стоянок. Можно лишь говорить о существовании здесь стоянок неолитического облика, как ранней стадии шигирской культуры.

Вопрос нуждается в дальнейшем уточнении его по материалам музея и дополнительным полевым работам.

Наиболее ранние памятники шигирской культуры надо искать на прибрежных однослойных стоянках. Раскопки таких стоянок позволяют нам разделить керамику на более позднюю и более раннюю и на тех стоянках шигирской культуры, где мы устанавливаем смешанный культурный слой.

Особенностью шигирских прибрежных стоянок является то, что культурный слой их очень тонок, так как лежит на каменной основе гор. Находки залегают в поддерничном слое почвы. Культурный слой здесь имеет мощность от 20 до 40 см. Дальше идут щебенка и куски гранита. При таких условиях остатки от разных периодов существования здесь людей смешивались между собой. Вот почему так сложен вопрос о стадиях шигирской культуры.

Наряду со стоянками неолитического облика открыты стоянки и другого типа, позволяющие нам говорить о дальнейших этапах развития шигирской культуры и наметить пути к их изучению.

Культурный слой стоянок на Исетском озере содержит много керамики. Сосуды, представленные в коллекциях Свердловского краеведческого музея в реставрированном виде или в виде больших фрагментов, имеют разные размеры и формы с большим разнообразием орнамента, то сплошь покрывающего сосуд и его дно, то спускающегося до половины, то обрамляющего лишь стенку сосуда. Встречаются сосуды прямостенные, конической формы, яйцевидные больших и малых размеров и сосуды с плоским дном, с шейкой и без шейки. Высота сосудов колеблется от $^3/_4$ метра до величины ореха.

Керамика шигирских стоянок до сего времени еще не изучена, но Дмитриев обращал внимание на различные элементы всех орнаментов. Он отделял в своих полевых записях ту керамику, в которой находил наиболее архаичные элементы.

Исследованный им в 1940 г. на Исетском озере 4-й пункт на Шинайской горке по характеру найденной керамики отнесен им к более раннему времени, чем рядом расположенное селище Толстик, относимое им уже к Ананьинской эпохе.

В основе такого деления лежит иное соотношение типов орнамента, так как керамика сохранила в общем тот же характер и на поздних стоянках.

Такие места, где мы рядом имеем стоянки ранние и более поздние, еще раз убеждают нас в возможности разделения памятников шигирской культуры на ряд этапов.

На стоянках второго типа представлена медь, встречающаяся в виде изделий, и медные шлаки, лежащие на поверхности и в культурном слое стоянок. Умение обрабатывать медь подтверждают находки разбитых тиглей из толстой глины, формы из талькового камня для отливки стрел и копий.

Известна форма из талькового камня для отливки в ней медведя, напоминающая по композиции тальковую фигуру медведя с Елового мыса на Исетском озере, найденную Дмитриевым.

Непременная примесь к глине слюды и талька, формы каменных орудий на стоянках без бронзы, в сочетании с находками бронзовых изделий, позволяют сделать вывод о длительном существовании шигирской культуры. На то же указывает и влияние соседних областей, которое прослеживается в шигирской культуре и которое позволяет вместе с тем ориентировочно наметить ряд стадий существования в определенных хронологических рамках.

Такое хронологическое определение ориентировочно дано Дмитриевым. Ранняя дата базируется на находках кельтов сейминского топа из ряда стоянок шигирской культуры (на озере Аятском, озере Сосновском, Горбуновской стоянке), находках головок лося андроновского типа на берегах Исетского озера, медного шила со стоянки Калмацкого брода[1]). К этому можно добавить, что в керамике на шигирских стоянках постоянно встречаются сосуды с орнаментом, типичным для андроновской культуры, из ромбов, треугольников и меандра. А в керамике андроновских памятников установлены элементы шигирской культуры.

Основанием для поздней даты шигирской культуры П. А. Дмитриеву служили формы для отливки кельтов с прибрежных шигирских стоянок и кельта из шигирского торфяника и Ирбитского озера.

Таким образом, хронологическое разделение шигирской культуры, охватывающее промежуток времени около тысячи лет, установлено Дмитриевым на основе анализа бронзовых вещей из стоянок восточного склона Среднего Урала путем сравнений с более изученными памятниками. По этим материалам определены здесь элементы сеймоско-турбинской культуры, андроновской культуры и, наконец, ананьинской.

Дальнейшее изучение должно вестись на Урале, в первую очередь, путем камеральной обработки коллекций Свердловского музея, в основном керамики. Возможно, что для этого необходимо привлечь материалы отчетов и полевых описей П. А. Дмитриева.

---

[1]) П. А. Дмитриев. «Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе». Сборник «Из истории родового общества на территории СССР». М.—Л., 1934 г., стр. 82.

Если мы считаем, что шигирская культура требует дальнейшего изучения, то памятники, выходящие из рамок понятия о шигирской культуре, надо начинать изучать сначала.

Незащищенные селища ананьинской эпохи Зауралья, связывающиеся в одно целое со стоянками шигирской культуры, повидимому, заменились городищами с рвом и валом. В окрестностях Свердловска, у озера Мелкого, в верховьях реки Исети, на Исетском озере, в верховьях реки Пышмы и в других местах сохранились остатки таких городищ.

Жертвенные места расположены здесь на высоких обнаженных скалах, так называемых «палатках», и обнаружены в тех районах, где известны стоянки или городища, расположенные недалеко от них. Это позволяет связать их в одно целое, как с памятниками шигирской культуры, так и с более поздними памятниками, известными здесь. Находимые обычно на жертвенных местах птицевидные изображения вклиниваются и в культурный слой ряда шигирских стоянок; керамика жертвенных мест аналогична с керамикой стоянок. При дальнейшем изучении шигирской культуры, возможно, удастся определить, в какое время возникли и как долго существовали известные нам жертвенные места.

В работах П. А. Дмитриева устанавливается связь памятников шигирской культуры с более поздними ананьинской эпохи (VII—II век до н. э.) по ряду бронзовых предметов, найденных на стоянках. Возможно предположить, что эти влияния отразились и на местном искусстве, связанном с культом, и хронологически могут быть увязаны с рядом местных памятников.

Вещевой материал жертвенных мест близ Свердловска не велик. На Шарташских каменных палатках, находящихся теперь на территории Свердловска, в 1 километре от прибрежных стоянок Шарташских озер, на верху обнаженных скал находится чашеобразное углубление, считавшееся многими выдолбленным искусственно для жертвенных обрядов, но, возможно, что это углубление и естественное. В плитах меж скалами найдено несколько целых круглодонных орнаментированных глиняных сосудов и много керамики. Культурный слой у подножья палаток также содержит большое количество керамики, встречается медный шлак. Раскопками С. И. Сергеева, Н. А. Рыжникова и других добыты и поступили с палаток в музей УОЛЕ в 1890 году более 500 штук керамики, костяные и каменные орудия. На самых палатках найдены: кремневые поделки, костяные наконечники стрел, куски листовой меди, соединенной между собой заклепками, железные ножи, хрустальная буса, изображение лошади длиной 3 см., высотой до 1,7 см.

Между д. Палкино и Исетским озером, где известно большое количество стоянок, в лесу на гранитных сопках также открыты жертвенные места. Керамика с жертвенного места на Чортовом городище в 5 клм. от ст. Исеть, переданная в музей В. Я. Толмачевым, имела, как и на стоянках, примесь слюды, талька и дресвы.

В двух километрах от Чортова городища находится г. Матаиха — тоже жертвенное место, расположенное на вершине восточной части горы. Оно занимало площадь 20 × 30 метров. На камнях, окружающих площадку, и в культурном слое найдено много керамики, каменных орудий и костей, золы, пережженного гравия и углей.

Внизу на площадке, под гранитными выступами, Н. А. Рыжниковым заложены 2 траншеи до метра глубины. В культурном слое здесь

оказались также черепки и мелко раздробленные кости. Форма сосудов восстанавливается в виде круглодонных сосудов с немного отогнутым краем. В 1915 году на горе Матанхе найден птицевидный идол, переданный в музей[1]).

На Каменных палатках, близ озера Мелкого, где тоже известно несколько стоянок, найдено медное птицевидное изображение и вместе с ним форма из талькового сланца для отливки кельта, такая же форма для долота, керамика и каменные орудия.

И, наконец, последнее жертвенное место в этом районе найдено в 1940 году аспирантом Уральского государственного университета В. Н. Зуйковым. На горе близ ст. Исеть, под слоем дерна и у камней, он обнаружил разноцветные пастовые бусы, трехгранную стрелу из кости, почти целый сосуд с орнаментом, близким к керамике на селище Толстик Исетского озера, много шлака с примесью меди, куски меди и медные ножички до 8—10 см. длины с черенками для надсада на рукоятки. Вещи переданы Свердловскому краеведческому музею.

К югу от Свердловска, в 6—8 километрах от д. Седельниковой и в 2 километрах от раз'езда № 75 железной дороги на Челябинск, находятся скалы, известные под именем Шабровских каменных палаток. У подножья этих скал Н. А. Рыжниковым, Д. Н. Маминым-Сибиряком и другими собрано много черепков глиняной посуды, каменные орудия и кости животных. В 1845 году около палаток найдены остатки горна для плавки железной руды, обломки сопла и орнаментированная керамика.

Около Полевского и Северского заводов, на горах Думной, Караульной и Азов открыты подобные же жертвенные места. Около Думной горы, кроме того, известно городище с полукруглым валом. На площади городища и около него найдены: керамика, обломки шлифованных предметов из известняка со следами сверления, медные шлаки и мелкие слитки меди, птицевидные изображения.

На горе Азов, кроме птицевидных изображений, встречались бронзовые копья и стрелы. В 1897 г. Анучин и Уваров раскопками на Караульной горе добыли птицевидные изображения. Некоторые из них были воткнуты вертикально в землю, а на другой горе, расположенной в этом же районе, перед птицевидным изображением стоял горшок из глины. От местных жителей и владельцев заводов получены отсюда руда, шлак, керамика, формы для отливки вещей, трехгранные стрелы, бляхи и т. п.

Наиболее интересные находки найдены на горе Азов в 1940 году геологом Сысертского приискового управления тов. Ботановым. Они состояли из 40 шт. бронзовых предметов; часть птицеводных изображений в количестве 10 стояла в гроте у стенки лицом на восток. Выехавшим на место находок археологу Н. Н. Бортвину и писателю П. П. Бажову удалось получить и сдать в Свердловский краеведческий музей 33 предмета, из них две фигуры двойных, слитых одна с другой птиц с четырьмя крыльями (форма ранее неизвестная), изображение всадника на коне, копье, зеркало с ручкой, резная бляха с изображением дракона и гладкая бляха.

Могильник и курганы, обнаруженные близ Свердловска, почти не изучены.

---

[1]) Книга поступлений УОЛЕ. 1905 г. № 627.

На Калмацком броде в 1925 году был разрушен при постройке моста могильник из 28 могил Сарматовского времени и вскрыты дополнительно Берсом неразрушенные погребения. Погребения сопровождались глиняным горшком или двумя—в головах и предметами из камня и меди.

Погребение, открытое Дмитриевым в 1940 году на г. Шанаихе, увязывается с погребениями на Калмацком броде деформированным черепом. Вещи и костяки из раскопок Берса находятся в Свердловском музее, но антропологически еще не изучены.

О памятниках типа Гляденского костища (III в. до н. э.—V в. н. э.) нам известно, что в районе Шигирского озера, близ ст. Рудянка, существовало костище в виде двух больших курганов. Когда стали строить дорогу и брали для нее балласт, разрыли эти бугры. В них оказалась такая масса костей, что их более тысячи возов отправили в Пермь на фосфорный завод, и памятник был уничтожен до приезда специалиста (Чупина). Рыжников считает, что в районе Таватуйского озера есть подобные костища.

В курганах у Верх-Нейвинска, раскопанных Рыжниковым по поручению Сержепутовского для его частного собрания, найдены костяки, золотые и серебряные вещи. Видевший эти предметы, А. А. Спицин определил их как древне-русские.

Древние копи известны по материалам Гумешевского рудника близ Полевского завода. Первобытные рудники поражали своей теснотой, в них едва помещался один человек. Из таких узких дудок руду выносили в мешках из кожи. Рудники были не глубокие, но есть выработки от 10 до 15 сажен. Как правило, разрабатывались поверхностные руды, баснословно богатые медью. Установлено, что рудокопы работали зимой, вырывая воронкообразную яму. В таких ямах в горизонтально идущих ходах встречается крепь. Крепь делалась из березы, сосны или лиственницы, из тонких колотых жердей. В Гумешевском руднике лестницей служило дерево с сучками. Покидая копи, наиболее богатые медью, древние рудокопы закладывали их камнями и засыпали землей. Встречающиеся у рудников остатки плавильных горнов, а также формы для отливки вещей свидетельствуют, что обработка добытой руды проводилась на территории самого месторождения. Покрываясь окисью меди, вещи в шахтах хорошо сохранялись.

При первых разработках меди в Гумешевском руднике в 1731 году найдена обгоревшая лучина, рукавица, сумка из лосиной кожи, медное кайло и молоток. В 1770 году—круглая шапка с собольим околышем, а позднее, в 1835 году — остатки шубы, сшитой ремнями и покрытой тканью. При пробивке шахты № 94 здесь, на глубине 14 сажен, найдены два скелета рудокопов, погибших от обвала; при них два медных лома по 9 фунтов каждый и сумки, в которых были медные идолы и др. вещи.

Гумешевский рудник в 1887 году был заброшен. А. А. Иессен датирует этот памятник V веком н. э.

Таковы наши сведения об археологических памятниках Свердловска и его окрестностей по вещественным материалам этой территории.

Б. Д. Сысоев

О ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ВЫБОРА РАЙОНА СТРОИТЕЛЬСТВА ЕКАТЕРИНБУРГА

Причин возникновения Екатеринбурга несколько. Екатеринбург возник как крупный центр горнозаводской промышленности Урала, что определило почти на два века его производственный профиль, как административного центра крупного, вновь зарождавшегося в конце XVII— начале XVIII столетия горнозаводского района и как крепости, расположенной на южной границе заселения русскими Уральского хребта, в первой половине XVIII века.

Возникновению Екатеринбурга на четверть века предшествовало развитие на Урале горнозаводской промышленности, крупной в сравнении с тогдашними масштабами не только российской, но и мировой промышленности.

Как известно, первые металлургические заводы с доменным производством возникли в России в тридцатых гг. XVII столетия в Тульском районе, когда иноземец Андрей Виниус в 1632 г. получил концессию на постройку на р. Тулице «мельнишного», т. е. вододействующего железного завода[1]).

По описи 1690 г., в Тульско-Каширском районе было зарегистрировано 7 железоделательных заводов, из них 2 завода доменных. Производительность одной домны определялась в 100—120 пудов чугуна в сутки.

Усиленная военная политика московского правительства в конце XVII и начале XVIII столетия — попытка продвинуться до Азовского и Черного морей и война с Крымом и Турцией, подготовка к войне и война со Швецией, продвижение на восток потребовали значительного увеличения производства металла. Существовавшее производство металла ни по количеству, ни по качеству не удовлетворяло потребностей казны и внутреннего рынка. Рассчитывать на увеличение производства в освоенных металлургических районах не приходилось: к концу XVIII столетия в Туле, по словам современника, «леса отдалели, угля не стало, руда скудна». В двадцатых гг. XVIII столетия В. де-Генин писал, что и при олонецких заводах «лес уже отдалел и руда железная начала пресекатца».

В это время была сделана своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости: «Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороноспособности страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости» (Сталин)[2]).

---

[1]) С. Г. Струмилин. «Черная металлургия в России и в СССР». 1935 г.

[2]) И. Сталин. «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)».

В то же время Петр I «известен был, что в Сибири довольно железных мяхких и медных богатых руд найдено, и лесов множество, и коммуникация водою Чусовой вниз по Каме до Волги и протчими реками до Персии, в Санкт-Петербурх и в другие российские места имеется» (Генин).

На Урале издавна существовала кустарная железная промышленность, выделывавшая значительное количество железа в сыродутных горнах (близ Кунгура, Невьянска, Тагила, Далматовского монастыря, Алапаевска). Производство металла на этих заводах в начале XVIII столетия достигло 4000 пудов в год. Однако крестьянское производство в сыродутных горнах не могло удовлетворить потребностей казны и внутреннего рынка в металле ни по количеству, ни по качеству.

Первые казенные заводы на востоке страны были основаны задолго до Петра — в двадцатых-тридцатых гг. XVII столетия — Томский в 1622 году и Ницинский на Урале в 1633 году. Заводы эти не имели доменной плавки и представляли собой простую кооперацию на общей заводской площадке отдельных плавильных горнов, ничем не отличавшихся от домниц. Но и эта простая кооперация не удалась, в связи с отсутствием в то время на Урале достаточного количества рабочей силы.

Одним из основных факторов возникновения черной металлургии Урала в заводских масштабах в конце XVII — начале XVIII столетия явилось наличие высококачественной, идеальной по содержанию железа, отсутствию вредных примесей и по условиям разработки, руды. Еще в двадцатых годах XVIII столетия В. де-Генин, около 20 лет проработавший перед этим на олонецких каменных заводах, очень высоко оценивал качество уральского железа, справедливо усматривая причину его в высоких свойствах руд: «руды весьма преизрядны и прибыточны в плавлении на железо и развариваютца в горну житко и так плод из себя дают богатой, что из ста пуд выходит пятьдесят пуд чюгуна»[1]).

Уральское железо высокого качества: «А из железной руды учинил я пробу с оленецким мастером и явилось то железо плотно и без жил; а такое мягкое, что невозможно было переломить и так чисто, что я такого еще не видал»[2]).

Условия разработки железной руды на Урале при тогдашней горной технике по сравнению с центральным и олонецким районам были идеальны: железные руды на Урале, по оценке современника, «лежат великими обрывными гнездами... и находятца почти наружи земли...: с малым трудом, без бурования и стрельбы порохом но кирками и ломами», добывается здесь руда «великими штуками»[3]).

Урал был неограниченно обеспечен топливом для металлургического производства. В этот период проблема доменной плавки на минерально-угольном топливе еще не была разрешена. Центральный и Олонецкий районы испытывали в конце XVIII столетия, если не абсолютный, то относительный — в районах металлургического производства —

---

1) В. де-Генин «Описание уральских и сибирских заводов 1735 г.». Москва, 1937 г., стр. 70.

2) Там же.

3) Там же.

недостаток в древесном топливе для углежжения. На Урале металлургические заводы располагали для этого при тогдашних масштабах производства совершенно неограниченными ресурсами дровяного топлива.

Состояние металлургического рынка было благоприятно для широкого развития металлургии, главным образом, в связи с необходимостью удовлетворения потребности в металле военных нужд. В то же время военное ведомство являлось, естественно, и наиболее требовательным потребителем в отношении качества металла.

На Каменском заводе, построенном казной в 1701 году, из первого чугуна были отлиты две мортиры и три пушки. Орудия были посланы в Москву, где получили полное одобрение: «пушки льются, — писал В. де-Генин,— и на пробе стоят всех заводов лутчее»[1]).

Первому из частных заводчиков на Урале Никите Демидову, помимо иных льгот (передача казенного Невьянского завода в 1702 году с возвращением казне расходов «хотя не вдруг, а погодно», прикрепление рабочих к заводам и др.), были обеспечены казенные заказы на пушки, фузеи, шпаги, тесаки, палаши, копья, латы, сталь и «прочие снасти».

Наконец, В. де-Генину перед его от'ездом на Урал в 1721 году Петр Великий предписывал «ехать в Кунгурский, Верхотурский и Тагильский уезды... и железные заводы во всем исправить, а имянно пушечным литьем»[2]).

Обилие и доступность железных руд, их высокое качество, неограниченные ресурсы для углежжения, обилие горных рек, представляющих удобный источник гидроэнергии, и благоприятное состояние рынка сбыта металла были основными причинами географической передвижки металлургического производства из центральной части России и с Олонца на Урал.

К началу XVIII столетия район будущего горнозаводского Урала являлся далекой и слабо населенной окраиной, удаленной от основных экономических центров страны на расстояние в 2000 клм.

Заселение Урала русскими, не затрагивавшее однако будущее горнозаводского района, началось значительно раньше возникновения здесь металлургического производства.

До покорения Казани русское население держалось только в верховьях Вятки и Камы. После ее покорения русская колонизация делает большие успехи в Камском бассейне. В 1558—1568 гг. братья Строгановы получили грамоты «на места пустые по Каме и Чусовой, где прежде сего пашни не пахиваны и дворы не стаивали». Через 10 лет после выдачи последней грамоты царский писец обнаруживает на землях Строгановых 35 деревень и починков с населением 1.500 человек[3]). Вскоре русские переселенцы непрерывной вереницей пошли в Зауралье и Сибирь.

В 1598 году — почти 350 лет тому назад — в Зауралье был основан по приказу Бориса Годунова город Верхотурье, обязанный своим происхождением открытию в XVI веке новой кратчайшей дороги из

---

1) В. де-Генин. «Описание уральских и сибирских заводов», стр. 476.

2) «Горный журнал», 1826 г., кн. IV, стр. 86.

3) П. Милюков. «Очерки по истории русской культуры». Ч. 1. С.-Петербург, 1909 г., стр. 57.

Европейской России в Сибирь — из Соликамска на р. Туру вместо прежней, шедшей через Чердынь на Лозьву. В пункте примыкания дороги к р. Туре была выстроена на ее высоком берегу деревянная крепость, первоначальное население которой состояло из стрельцов и казаков, переведенных из бывшего города Лозьвинского, а также из «выкликанцев» Вятской, Вологодской и Новгородской губерний, выразивших желание по вызову правительства добровольно поселиться в новом городе. Вскоре город получил важное торговое значение, благодаря учреждению в нем таможни и запрещению ездить иным путем в Сибирь и обратно.

Во второй половине XVII века заселение русскими Зауралья простерлось до современного Шадринска, возникшего в 1662 году, как деревня Шадрино на р. Исети, в 80 клм. южнее и 180 клм. восточнее будущего Екатеринбурга, до Далматовского монастыря, основанного в 1664 году, и г. Камышлова, основанного в виде слободы в 1666 году. Уже в 1742 году заселение Зауралья достигло района г. Троицка — много южнее Екатеринбурга; причем этот процесс русской, преимущественно земледельческой колонизации Зауралья с его черноземными землями, произошел в относительно короткий период.

Между Волгой и Уральским хребтом русское население также значительно раньше основания Екатеринбурга достигло районов, лежавших южнее его. Уже в первой половине XVII столетия, за три четверти века до строительства Екатеринбурга, была создана Закамская оборонительная линия, опиравшаяся западным концом на Сенгилей на Волге и оканчивавшаяся на востоке, за Мензелинском (у р. Ика близ с. Троицкого). К 1730 году эта линия была продвинута еще южнее: западной ее конечностью становится Самара. Как и в Зауралье, колонизация между Волгой и Уралом также носила по преимуществу земледельческий характер.

Понадобилось действие всех приведенных причин, и прежде всего увеличение потребности в металле, чтобы заселение собственно Урала, с целью использования его недр, достигло много позднее, в первых годах XVIII столетия, районов Невьянска, Тагила, Алапаевска, Каменска, впоследствии — Екатеринбурга.

В 1698—99 гг. казной строился Невьянский завод, переданный в 1702 году Никите Демидову.

В начале XVIII столетия строились казенные железные заводы Каменский и Верхне-Каменский, Уктусский и Верхне-Уктусский, Алапаевский и Синячихинский, медные заводы—Полевской, Лялинский, Пыскорский и Лотошихинский.

Демидов в первое десятилетие XVIII века, получив Невьянский завод, вместе с сыном Акинфием строит ряд заводов: Шуралинский (1716 г.), Быньговский (1718 г.), Верхне-Тагильский (1718 год), Выйский (1721 г.), Н.-Тагильский (1722 г.), два Шайтанских (1726 г.), Черноисточенский (1728 г.), Уткинский (1729 г.), Ревдинский и два медных—Суксунский и Выйский. Начали строить заводы и другие частные лица (Строгановы и др.).

В начале двадцатых годов XVIII столетия по указанию Петра Великого началось строительство на р. Исети города Екатеринбурга, как крепости для защиты вновь зарождавшегося горно-металлургического района и при нем медеплавильного и сталеплавильного заводов. В. де-Генин характеризует район строительства, как «пустое место»:

«хотя жалованья дается каждый месяц порядочно и безволокитно, также и провиянт, однако же бежало много ныне на воровство на Волгу... в том пустом месте едва не одного (генерала Геннина **Б. С.**) оставили, от чего не без опасности ему было от непостоянного казачьей орды народа, башкирцев и татар, которые по близости жительство имели»[1]).

Как видно из изложенного, земли металлургических заводов выходили за оборонительную линию, и Екатеринбург являлся для них крайним южным форпостом на Уральском хребте. В 1736 году был основан Красноуфимск, тоже возникший как крепость. Между Екатеринбургом и Красноуфимском к пятидесятым годам XVIII столетия был выстроен ряд крепостей. В результате возникла новая оборонительная линия, пересекавшая Уральский хребет, значение которой уменьшилось лишь после строительства южной оборонительной линии, центром которой являлся Оренбург.

Выбор строительства Екатеринбурга с точки зрения транспортной был удачным. Удаленность Урала на 2.000 клм. от основных экономических центров страны компенсировалась возможностью сплава металла по рекам Камско-Волжского бассейна. При замедленном темпе хозяйственной жизни и преобладающей ярмарочной торговле, как нормальном методе межрайонной связи, удаленность от центральных районов сбыта не являлась препятствием для промышленного развития Урала.

Екатеринбург был выстроен в 84 верстах от Уткинской пристани на Чусовой, где строились суда для перевозки казенного железа, меди и других припасов в экономические центры страны и к морским портам: «с тех пристаней, пишет современник, отправляютца все зделанные на заводах припасы водою до Москвы, до Сан-Петербурха, и Соли-Камской и до Вятки; и водяной ход имеетца и до Персии. От Вятки есть сухой путь, называетца Ношульский волок, ходу 200 верст, и оттуда коммуникация водяная рекою Ношуль, которая впала в Сухону реку, даже и до Архангельского города Двиною». Для Екатеринбурга и всего Уральского горнопромышленного района реки Волжско-Камского бассейна обеспечивали единственно возможный для того периода вид транспорта массовых и относительно недорогих грузов на далекие расстояния.

В 1783 году транзитный путь из Европейской России через Урал и Сибирь был перенесен со старой Бабиновской дороги через Соликамск—Верхотурье в район Екатеринбурга, где был проложен Сибирский тракт. После освоения этого района путь по Чусовой и Исети быстро завоевал первенствующее значение. Впервые почтовое сообщение (два раза в неделю для казенных бумаг и частных писем) был открыт из Москвы через Кунгур и Екатеринбург на Тобольск в 1745 году. Четырнадцать лет спустя — в 1759 году было разрешено пропускать по новой дороге караваны с серебром с алтайских заводов и едущих «по казенной надобности». Лишь с 1783 года, т. е. 60 лет спустя после основания Екатеринбурга, все движение из Центральной России в Сибирь стало совершаться по этому пути, получившему название Сибирского тракта.

---

[1]) В. де-Генин. «Описание уральских и сибирских заводов». 1735 г. Изд. 1937 г., Москва, стр. 75.

Екатеринбург имел большое промышленное значение. Екатеринбургский металлургический завод вместе с Верх-Исетским заводом и другими предприятиями на длительный период времени — до Великой Октябрьской социалистической революции — определили производственный профиль города.

Екатеринбургский завод был крупным предприятием для своего времени. В состав завода входило: две доменные печи; три молотовые фабрики с 6 молотами; фабрика для битья крышечных досок с 3 молотами; укладная фабрика с 10 горнами и 1 молотом; стальная фабрика с 3 горнами и 2 молотами; железорезная и плющильная фабрика; проволочная фабрика; две якорные фабрики; жестяная и лудильная фабрики. Помимо этих основных цехов были выстроены и вспомогательные—«росхожая» кузница и др. Екатеринбургский завод был выстроен как предприятие с полным металлургическим циклом, включавшим весь технологический процесс от выплавки чугуна вплоть до окончательной отделки готовой продукции.

Однако уже в 1724 году оказалось, что заводской пруд имеет недостаточный запас воды для круглогодовой работы завода. Потребовалось добавочное регулирование стока реки Исети, что было достигнуто в 1725 году путем строительства плотины выше первой на 2 версты 356 сажен, благодаря чему и создался Верхисетский пруд, превосходящий городской.

Сезонность работы металлургических заводов на Урале, в связи с неумением в начале XVIII столетия строить большие гидротехнические сооружения, регулирующие весь годовой сток реки,—обычная участь старых промышленных предприятий. Именно стремлением обеспечить круглогодовую работу заводов об'ясняется наличие на Урале «верхних» и «нижних» заводов.

Наконец, в следующем 1726 году при верхней плотине были выстроены 3 молотовые фабрики с 6 действующими и 3 запасными молотами.

Верх-Исетский завод перерабатывал чугун Екатеринбургского и Уктусского заводов. Однако, для обеспечения непрерывности технологического процесса на заводе в 1734 году было начато строительство доменной печи. Впоследствии, с ликвидацией производства на Екатеринбургском заводе, на Верх-Исетском заводе было сосредоточено все металлургическое производство. Лишь в начале текущего столетия здесь было ликвидировано доменное производство, и завод перешел на переработку чугуна других заводов округа.

В состав Екатеринбургского завода входила и медеплавильная фабрика с 4 печами и 3 горнами, платной двор (для печатания и резания платов из меди) и фабрика для резания меди для пятикопеечников.

Строительство екатеринбургских железного и медного заводов и Верх-Исетского завода осуществлялось по принципу переработки сырья на месте—вблизи от сырьевых и топливных источников—на готовую продукцию. Этот принцип вполне последовательно проводился в жизнь, как путем осуществления полного металлургического цикла на каждом из заводов, так и путем тесного производственного кооперирования Екатеринбургского и Верх-Исетского заводов, что создавало возможность наиболее полного и рационального использования гидроэнергетических ресурсов.

Выбор района строительства Екатеринбургского и Верх-Исетского

заводов с точки зрения близости сырья был удачным: железной рудой заводы снабжались с рудников — Шиловского, в 23 верстах от Екатеринбурга (от Горного щита в 8 клм.), Становского, в 10 верстах от города вверх по Исети, и Решетского, также в 10 верстах по р. Исети. Флюсами для доменного производства (известняком) заводы снабжались из Арамильского района, за счет месторождения у дер. Колюткиной, в 31 версте от Екатеринбурга.

Недостатка в древяном топливе для углежжения заводы, естественно, не испытывали. До последних лет работы домны Верх-Исетского завода снабжались топливом за счет В.-Исетской дачи. Следует, однако, отметить, что в послереформенный период, в особенности в текущем столетии, в результате хищнической эксплоатации лесных богатств, древесный уголь на В.-Исетский завод доставлялся с дальних расстояний. Это привело к удорожанию топлива за счет транспорта и явилось, наряду с другими, одной из основных причин к ликвидации доменного производства на заводе.

И все же, вначале два завода, а впоследствии один Верх-Исетский, проработали на местном сырье и топливе до XX столетия. Выпуская высококачественный уральский металл, не только не встречавший конкуренции на внутреннем рынке, но успешно находивший рынок сбыта и за границей, в частности, в Америке, они определили производственную специализацию города в течение двух столетий.

Техника производства на Екатеринбургском заводе при его строительстве отнюдь не была отсталой. Суточная производительность доменных печей Екатеринбургского завода, выплавлявших каждая при 250 днях работы в год больше 200 пудов чугуна в сутки, далеко превосходила производительность невьянских домен, выстроенных за 25 лет до екатеринбургских и выплавлявших по 124 пуда в сутки. Характерно, что английские домны даже в XVIII столетии давали в среднем по 5—6 тонн чугуна в неделю[1]), то есть уже первые уральские домны превосходили в два раза по производительности английские.

При заводах были выстроены лаборатории: «для пробы всяких руд» — при Екатеринбургском заводе, имевшем доменное производство, и «изба пробная для пробования железа» — при Верх-Исетском заводе. Таким образом, технологический процесс велся не вслепую, а на уровне европейской техники. Можно утверждать, что уральская металлургия, как по уровню техники, так и по производительности основных металлургических агрегатов, и в особенности по качеству металла, в первые десятилетия ничем не отличалась от других передовых по технике производства стран — Англии и Швеции. Достаточно припомнить, что уральский металл в течение всего XVIII века успешно конкурировал с шведским и английским, славившимися своим качеством, вначале на внутреннем, а впоследствии и на внешнем рынке. Особенно велик был экспорт уральского металла в 80—90 годы XVIII столетия, когда Англия импортировала из России более половины всего ввозимого ею металла.

В этот период Англия, как в области металлургии, так и в других отраслях промышленности находилась на одном из первых мест в мире по технике производства. Поэтому, импорт уральского металла в Анг-

---

[1]) П. Манту «Промышленная революция XVIII столетия в Англии», 1925 г., стр. 198—202

лию говорит об очень высоком его качестве, не уступавшем качеству шведского и английского металла. Лишь впоследствии, под влиянием применения принудительного труда, безудержной эксплоатации рабочих, колоссальных прибылей, доходивших до 90 проц., замены провозглашенной Петром I горной свободы поощрением не промышленности, а лиц, ею занимавшихся, с целью поправления финансовых дел русского дворянства, и введения запретительных таможенных пошлин, — уральская металлургия отстала в техническом отношении от западноевропейской.

При строительстве Екатеринбурга и заводов ощущался, естественно, недостаток в рабочей силе. Первыми строителями Екатеринбурга явились «работные люди» из ближайших округов («дистриктов») и солдаты Тобольского полка. Однако, присланные губернатором Сибири князем Черкасским рабочие и солдаты «плотничное дело не знали ...и при строении зело были необычайны», кроме того, «сперва от работы много бегали». Поэтому, как и к большинству уральских заводов, к екатеринбургским заводам были приписаны для работы крестьяне (4774 крестьянина мужского пола пяти слобод).

Крестьяне должны были отрабатывать подушный оклад. Дальность расстояния приписанных к Екатеринбургу слобод — от 128 до 200 верст, подтверждает приведенную выше характеристику района строительства Екатеринбурга, как «пустого места».

Военный гарнизон екатеринбургской крепости состоял из пехотной роты, стоявшей в Екатеринбурге, и драгунской роты, стоявшей в Горном Щите. Помимо того, в Екатеринбурге находилось 28 артиллерийских офицеров и солдат; при екатеринбургской таможне 89 служащих —комиссаров, бургомистров, голов,ларешных надзирателей, под'ячих, целовальников и пр.

В екатеринбургской крепости содержалось 270 арестантов, в том числе 17 женщин, сосланных из Москвы и из Тобольска, которые также «употреблялись» в «чрезвычайные заводские работы» в помощь крестьянам.

Наконец «бобыли», проживавшие в Екатеринбурге, числом 194 человека, занимались перевозкой припасов и железа с завода на завод и на пристани, а также на «чрезвычайные работы» в помощь крестьянам.

Немалое значение для развития города имело открытие Ерофеем Марковым в его окрестностях (у озера Шарташ) в мае 1745 г.—впервые в России—месторождений золота, а также открытие Л. Брусницыным впервые в мировой практике метода разработки рассыпных месторождений: в частности, в 1826—1835 гг. в районе Екатеринбурга было добыто 45573,9 кгр. только рассыпного золота.

Таковы были основные причины, определившие выбор района строительства Екатеринбурга и его дальнейшее развитие.

Выгодное транспортное положение Екатеринбурга, приведшее к проведению Сибирского тракта и установлению через него связи Центральной России с Сибирью, продолжало сказываться и в дальнейшем.

До конца семидесятых годов, когда Европейская Россия имела уже довольно значительную длину железнодорожных линий, Урал вообще не имел железных дорог. Лишь в 1878 году было закончено строительство горнозаводской линии, соединившей Екатеринбург и часть заводов среднего Урала с Камой. В первой половине восьмидесятых годов было закончено строительство линии Свердловск—Тюмень с веткой Бог-

дановичи-Синарская, связавшей горнозаводский район с системой реки Оби и соединившей Волжско-Камскую и Обь-Иртышскую водные системы путем создания сплошного рельсового пути от Перми до Тюмени.

Характерна изолированность этого железнодорожного пути, перерезавшего Урал на широте Екатеринбурга и проходившего по основному горнопромышленному району, от строительства общероссийской сети железных дорог. Однако, значение этой линии железной дороги для развития Урала, и в особенности Екатеринбурга, нельзя преуменьшить.

Значение дороги заключалось, во-первых, в том, что она пересекла основной в то время горнопромышленный район, связав между собою основные предприятия. Во-вторых, строительство дороги, связав Екатеринбург и заводы с Камой, которая имела более продолжительную навигацию, чем Чусовая, где были возможны лишь два сплава в год — весной и осенью, создавало лучшие условия транспортировки заводской продукции до рынков ее сбыта и обусловило большую безопасность сплава. На Чусовой аварийность сплава была исключительно велика. По сведениям, приведенным Д. Н. Маминым-Сибиряком («Бойцы»), в 1851, 1866 и 1867 гг. все чусовские караваны в полном составе обмелели во время сплава; в 1873 году из 600 барок на Чусовой разбилось 64 барки и 37 обмелело; из каждых шести барок до Перми дошло пять. Благополучными («обычными») годами считались годы, когда из 30 барок разбивалась одна. Чусовая, как сплавной путь, в ее первобытном состоянии была наиболее «аварийной» рекой страны.

Железнодорожная связь Урала с Европейской частью России была осуществлена лишь в 1892 году, когда было закончено строительство Самаро-Златоустовской железной дороги, явившейся западным звеном пути, связавшим позднее Сибирь с центром страны. Самаро-Златоустовская дорога, давшая выход грузам южной части Урала в старые экономические центры страны, не улучшила транспортной обслуженности основного горнопромышленного района. Даже после окончания строительства участка Екатеринбург—Челябинск в 1896 году, создавшего непрерывную железнодорожную связь через Челябинск с Европейской Россией, для заводских грузов Екатеринбургского района более выгодным все же оставался смешанный железнодорожно-водный путь.

Строительство линии Пермь—Вятка (1896—1898 гг.), являвшейся тупиковой, и линии Вятка—Котлас, создавшей выход на Северную Двину, не намного улучшило транспортные связи Екатеринбурга. В 1905—1906 гг. была выстроена линия Гороблагодатская-Надеждинский завод, связавшая север Урала с железнодорожной магистралью Вятка—Тюмень и Екатеринбургом.

Лишь когда была выстроена спрямляющая линия Пермь—Кунгур—Екатеринбург (1909 год) и линия Тюмень—Омск (1913 г.), для Екатеринбурга были созданы железнодорожные связи с основными экономическими районами страны.

Превращение Екатеринбурга еще до революции в крупнейший железнодорожный узел на Урале было связано, как с естественными географическими условиями — удобством строительства железных дорог широтного направления в районе наиболее спокойного рельефа и самого низкого перевала Уральского хребта, так и с превращением его в крупный торговый центр в условиях падения ярмарочной торговли

(Ирбитской ярмарки на востоке и Нижегородской на западе), как способа межрайонной связи.

Одним из существенных недостатков района строительства Екатеринбурга, ощущавшимся уже во второй половине XVIII столетия, было его расположение на реке, принадлежавшей к Обь-Иртышской, а не к Волжско-Камской водной системе, в то время, как основные экономические связи города были с Европейской частью России.

Однако Екатеринбург был выстроен в районе, наиболее удобном для осуществления водного соединения двух великих водных систем. Впервые мысль о строительстве канала между Чусовой и Исетью была высказана еще академиком Палласом. В 1815 году купец Зотов начал работы по соединению р. Чусовой с р. Решеткой, но забросил их, не закончив канала. Дореволюционное министерство путей сообщения провело подробные изыскания для осуществления водного соединения двух бассейнов и составило проект шлюзования Чусовой и Исети, проект водораздельного участка и питания системы. Строительство канала и шлюзование Чусовой и Исети—основного звена трансуральского водного пути, дававшего возможность перевозок по воде 200 миллионов пудов грузов западной, а в дальнейшем и восточной Сибири (по Обь-Енисейскому каналу), в Поволжье, в центр Европейской части России и в Петербург, — являлось достаточно экономичным. Проект вторично разрабатывался уже в наше время (1931—1933 гг.) Гипроводтрансом в Ленинграде. И по этому проекту из всех возможных к осуществлению вариантов соединения Камы с Иртышом наиболее эффективным оказался вариант водного пути через Свердловск.

Историческая география дала возможность, таким образом, поставить на новой социальной основе идею водного соединения двух великих систем—Волжско-Камской и Обь-Иртышской, осуществление которой неизмеримо повысит роль Свердловска и будет способствовать его дальнейшему развитию в условиях социалистического размещения производительных сил в нашей стране.

К. В. Боголюбов

ДЕЛО О «ВОЗМУТИТЕЛЬНОМ ПИСЬМЕ» ЗАВОДСКОГО СЛУЖИТЕЛЯ АНДРЕЯ ЛОЦМАНОВА*)

В мае 1827 года по распоряжению исправника Верх-Исетского завода Васенцова был арестован заводской служитель Андрей Васильевич Лоцманов. В описи заводских крепостных после очередной ревизии против его фамилии было сделано следующее примечание:

«Увезен по особому распоряжению вышнего правительства в 1827 году, куда же именно о том знать не дано».

Родился Андрей Лоцманов в 1806 году в семье заводского служителя Верх-Исетского завода Василия Зиновьевича Лоцманова. По своему общественному положению и имущественному состоянию Василий Лоцманов резко выделялся из массы крепостных: он был приказчиком по сбыту железа, следовательно, особо доверенным лицом у заводовладельца.

После Отечественной войны 1812 года Москва начала заново отстраиваться. В связи с этим высоко поднялся спрос на кровельное железо марки «А Я СИБИРЬ» Верх-исетских горных заводов, принадлежавших гвардии корнету А. И. Яковлеву. Приказчику Лоцманову было приказано ехать в Москву.

В 1814 году он переехал на жительство в столицу с семьей, состоявшей из жены и сына. Поселились Лоцмановы в московском доме Яковлева в Тверской части, где помещалось одно из известных учебных заведений Москвы—пансион г-на Галушко.

Сам Василий Зиновьевич по характеру своей работы вращался в купеческо-чиновничьей среде. В числе его близких знакомых были московский чиновник Карнеев и купец Д. Д. Лавров, владелец чугунолитейного завода. Ему Лоцманов ссудил около 18000 рублей,—сумма по тому времени крупная. Достаточно вспомнить, что родоначальники ивановских мануфактур—Горелин, Гандурин, Дурденевский уплатили Шереметьеву в начале двадцатых годов в качестве выкупа из крепостного рабства 20.000 рублей каждый, а Савва Морозов своему помещику Рюмину—17.000 рублей.

Василий Лоцманов пользовался большим влиянием и в старообрядческих кругах Екатеринбурга. В 1818 году он по поручению старообрядческой общины обращался с ходатайством к министру духовных дел князю Голицыну, о чем екатеринбургский купец Я. М. Рязанов сообщал в письме князю 6 апреля 1818 года:

«Лоцманов, коему мы с Казанцевым поручили доставить вашему сиятельству записку от 20 февраля, уведомляет нас, что по делу

---

*) Материалами для настоящего сообщения послужили дела Свердловского Областного Государственного Архива и Центрального Архива древних Актов.

здешнего старообрядческого общества, хотя ваше сиятельство его императорскому величеству докладывать и изволили, но его величество оставить оное соизволил до возвращения своего в Петербург»[1]).

В торгово-промышленных кругах того времени большой популярностью пользовался вице-адмирал Н. С. Мордвинов, выступавший как сторонник промышленного развития России. Его «Экономические записки» представляли собой манифест русского протекционизма. Кроме того, Мордвинов являлся автором проекта, предусматривавшего выкуп крепостных, правда, без земли и за большие деньги. Таким людям, как Василий Лоцманов, проект открывал дорогу к свободе.

Сыну своему Лоцманов дал блестящее, по тому времени, образование. Андрей Лоцманов обучался сначала в пансионе Терпикова, затем в пансионе Галушко. Кроме того, он брал уроки рисования у Г. И. Галлера, оказавшего, как он впоследствии признавался, большое влияние на него. «Прочитанные книги невольно заставляли ненавидеть мое состояние и с ним вместе возродили идею к свободе»,—признавался Лоцманов на допросе. В неоконченной повести «Негр, или возвращенная свобода» он писал:

«Иорико, читал ли жизнь Ликурга, летал на крыльях воображения в Спарту и желал жить по ее законам; раскрывал ли историю Афин, хотел сравниться с Аристотелем, Фемистоклом; справедливость первого делала его задумчивым и важным, блестящие подвиги и заслуги отечеству приводили его в радостный восторг и желание во всем последовать ему. Аннибал удивлял его. Сципион был его любимый герой. Юлий Цезарь, Август, по мнению его, опасный честолюбец, но Филиппинен, Кимон и Сократ казались ему полубогами: он не думал уравнивать их ни с кем .

Это признание свидетельствует об активном чтении Лоцмановым сочинений Плутарха, которые сыграли большую роль в воспитании революционного сознания будущих декабристов.

Весной 1823 года умирает мать Лоцманова, а в сентябре того же года—отец. Юношу исключают из пансиона «за вольность мыслей, неприличную молодым людям». Василий Зиновьевич не успел выкупить сына из крепостной неволи. Напрасно обращался юноша за содействием к сестре г-на Яковлева графине Е. И. Шереметьевой. Ему было приказано «немедленно выехать в Верх-Исетск для отправления заводской работы».

Впоследствии на допросе Лоцманов так об'яснял тогдашнее свое состояние:

Луч надежды еще оставался, доколе был жив мой отец, который уверял меня, что господин отпустил меня на волю. Но после смерти отца, когда господин отказал в просьбе... я с горестным чувством и оскорбленным самолюбием повиновался воле господина моего и остался в предполагаемом намерении оставить общество, которое должно было рассеивать мнения о свободе».

Верх-Исетский завод являлся самым крупным из числа горных заводов, находившихся во владении Яковлевых. Здесь находилась главная заводская контора, жил главный управляющий горными заводами, которым в то время был Егор Китаев. Документы говорят о тяжелом крепостном гнете и произволе приказчиков на заводах Яков-

[1]) П. И. Мельков-Печерский, т. VII. «Очерки поповщины», стр. 167.

лева. В архивах Верх-Исетского завода хранится дело № 726 «о побегах Евдокима Бобылева». Талантливый механик-самоучка, по моделям и планам которого изготовляли машины для «дощатых фабрик», по личному распоряжению Григория Зотова был «нещадно наказан плетьми» и сослан в Режевской завод. На заводах Яковлева нередко вспыхивали волнения крепостных и совершались акты единоличной расправы с заводским начальством. Так, в 1812 году произошли крупные волнения приписных на заводах Яковлева, Демидова и Гороблагодатских. В 1814 году мастер Пузанов убил верхнейвинского приказчика Савву Зотова. В 1822 году горные заводы охватило широкое волнение рабочих под руководством кыштымского кузнеца Клементия Косолапова.

Такова была обстановка, в которую попал воспитанник московских пенсионов. Как грамотного, Андрея Лоцманова назначили учителем заводской школы с одновременным исполнением обязанностей конторского служителя. В архивах Верх-Исетского завода сохранилась помеченная 1824 годом ведомость о выплате учителю Андрею Лоцманову 200 рублей жалования, а также отношение его следующего содержания:

«За неспособностью к учению представляются к выключке из штата учеников, следующие: Иван Волокитин и Лука Сажин.

Декабрь 1824 г. Учитель Андрей Лоцманов».

В заводской конторе подружился он с сыном поверенного. заводским служителем Петром Махотиным. Ему передал он письмо следующего содержания:

«Высокопочтеннейшему Президенту Тайного общества Ревнителей свободы Вице-адмиралу и Магистру четырех степеней и Пятисотого Совета—Мордвинову

ответственного члена и представителя 2-степени и агента Уральских окрестностей Ази-Гезга.

Отношение.

Исполняя волю вашу, Великий Магистр, и Пятисотого Совета, обстоятельно доносим о предметах, касающихся до меня, равно и спешу известить благородное собрание сподвижников свободы о выполнении его благих намерений.

Слава Магистру! Слава представителям четырех степеней! Слава и вам, сподвижники свободы!

Семена свободы сеются на хребтах Урала и бесплодные скалы стараниями вашими превращаются в плодотворные нивы, представляющие приятное зрелище для сеятелей. Свобода—врожденное чувство человека—и здесь распространяет ветви свои, под сенью коих после трудов ратных спокойно отдохнут сыны ее. Свобода, повторяю я, присоединила в число сподвижников своих кроме уже известных Вам, Великий Магистр, еще несколько человек, кои стараниями моими возненавидели династию, властвующую ныне над потомками древних славян, столько же, сколько питают усердие к новому монарху — Свободе и смертная клятва во имя Трикраты—трех произнесена новыми ревнителями. Об'яснения о положении их, состоянии и видах, кои я простираю на них, при сем особо представляю на рассмотрение ваше, Великий Магистр, и представители свободы по установленному Вами порядку.

Великий Магистр! Представители агенты и Вы, сподвижники Свободы! Уверяю Вас страшной клятвой о верности моей.

Представитель 2-й степени Ази-Гезга. В четвертый год свободы».

Махотин оказался предателем. 4 мая 1827 года Лоцманов был арестован и подвергнут предварительному допросу в заводской управе благочиния. Исправник отправил письмо пермскому губернатору Тюфяеву, ставленнику Аракчеева, тот, в свою очередь, заинтересовался делом Лоцманова. Однако следствие не привело ни к каким результатам. «Не видя возможности удостовериться о действительном существовании тайного общества», местное начальство вынуждено было весь следственный материал «поднести на высочайшее усмотрение».

Так начато было дело № 441 «О возмутительном письме заводского служителя Верх-Исетского завода Андрея Лоцманова», обнаруженное в архивах III отделения после революции. Первый, открывший дело Лоцманова, был Пажитнов, опубликовавший краткое сообщение о нем[1]).

На допросах Лоцманов держался мужественно. Он не назвал ни одного из сообщников. Пермские жандармы получили приказ самого Бенкендорфа:

Учинить секретный розыск между заводскими служителями, не читал ли Лоцманов или Махотин кому-либо из них возмутительной бумаги, или не внушали ли они прочим заводским людям [illegible]вение к местным начальствам или к высшей власти, и потом обязательно узнать о поведении их, за что именно управляющий заводами Китаев имел личное негодование на Лоцманова..».

Жандармские агенты учинили секретный розыск в Верх-Исетске и Реже. Розыск установил, что арестованные «известной возмутительной бумаги никому из жителей заводов не читали и никому о ней не было известно; также неповиновения к высшей власти или местному начальству они не внушали...».

Среди материалов, отобранных при обыске, оказалась рукопись неоконченной повести Лоцманова «Негр, или возвращенная свобода».

Она свидетельствует о том, что автор ее обладал несомненным литературным дарованием. Повесть была агитационной по своему содержанию, написанной в стиле декабристских прокламаций и заключала идею о революционном освобождении крепостных из-под власти помещиков.

Действие повести происходит в Америке на бразильских плантациях. Бразилия—это крепостной Урал, а бразильские плантации — горные заводы и рудники господ Яковлевых. Негры, работающие на плантациях,—крепостные. Главное действующее лицо повести юноша [illegible]—сам автор. Суровый и справедливый Айдо, смотритель рудников—Василий Лоцманов, отец автора. Пастор, обучающий Иорико,—один из воспитателей московских пансионов, о «пагубном влиянии» которого глухо упоминается в следственных материалах.

Описание работ бразильских невольников правдиво изображает условия труда на уральских рудниках того времени:

«Негры, работая на руднике в самое жаркое время, томились жаждою, не смея отлучиться от работы, а если кто и поступал противно сему, то тот был бесчеловечно наказываем приставом... Вечером негры, окончив работу, возвращались в шалаши, где раздавали им скудную пищу... Поутру бич приставов заставлял их снова сносить и

1) «Архив истории труда в России», т. I, 1920 г.

тяжелые работы, и зной, и жажду, и жестокие наказания за самые малейшие проступки».

Но автор не стремился к изображению быта, он ставил другую задачу. Мысль о социальном неравенстве, о социальной несправедливости и преступной природе богатства и роскоши проходит через всю рукопись Лоцманова.

«Вы, жестокие скупцы, торгующие подобными себе, вы, посрамляющие религию своим бесчеловечьем,—пишет он,—вы некогда отдадите отчет в делах своих и ужаснетесь во время наказания своих поступков.

Просвещенные красавицы, коих грудь, волосы, руки украшены бриллиантами и золотом, гордятся сими произведениями природы, не зная, что каждый блестящий и поражающий взор луч сих драгоценных камней есть капля крови невольника, существа, подобного им и равного с ними перед богом...

Если Николай I хотел видеть в декабристах только «жалкую кучку заговорщиков», то всякий «безмундирный» участник заговора приводил его в бешенство, поскольку это был выразитель общественного мнения. Лоцманов был к тому же и крепостной. Крепостной и революционер—сочетание этих двух понятий заставляло призадуматься.

На докладе Бенкендорфа Николай написал собственноручно:

«Смотрителя Лоцманова отправить в Бобруйск для определения в крепостные арестанты впредь до повеления с тем, чтобы о его поведении донесено было начальнику Главного Штаба через полгода».

5 декабря 1827 года Лоцманов был заключен в крепость.

Однажды после спектакля в Московском Большом театре служители подобрали письмо, вызвавшее своим содержанием подозрения в существовании тайного общества. Письмо попало сначала к губернатору, а затем в III отделение. Здесь прочли:

«Нашему агенту Соколов... Прибыв сюда, я по той причине долго не писал, что не знал, где ты находишься. Теперь же, узнав, пишу к тебе. Объезд мой более согласовался с моим писанием. Сибирская пружина должна быть главною в машине и... успех в моих намерениях... Все идет по-нашему... Пять лет еще и мое... предприятие ко... через несколько дней ожидай золотого изображения; по нему ты будешь вполне допущен и многое узнаешь непостижимое для тебя. Верь и надейся. Сии лозунги: необходимая скрытность, скромность и молчаливость суть главные добродетели в сем деле. Исчезнет мнимое могущество тех, кои мыслят быть выше других. Разрушится... Ожидай новой азбуки.

Тебя... А. У.».

Год назад был сдан в солдаты Полежаев (кстати, тоже воспитанник одного из московских пансионов), было раскрыто дело братьев Критских. Теперь обнаруживались следы нового тайного общества. Сличение почерков привело к раскрытию автора записки: им оказался Лоцманов.

Полковник Фрейганг с личным предписанием Бенкендорфа был направлен в Бобруйскую крепость. Снова начались допросы. На этот раз Лоцманов дал исчерпывающие показания. Он назвал в качестве адресата письма своего школьного товарища Соколовского. Тот уже служил корнетом Ахтырского гусарского полка. Обыск в квартире не дал никаких результатов. Но это не облегчило участи Лоцманова.

В 1832 году на имя Бенкендорфа поступило прошение от жены заключенного Надежды Лоцмановой. Она писала:

«Не знаю, где муж мой и жив ли? Жена ли я мужа или вдова? Есть ли он жив, то как у небесного царя угодники умоляют за грешника, так ваше превосходительство у царя земного умоли за преступника, умилосерди праведный гнев его. Есть ли жив мой муж, облегчи участь его соединя его со стенящею под бременем неизвестности юной женой. Но есть ли я столько несчастлива, что в живых его нет, удостойте об'явить мне об этом, дабы я могла избавиться от безмерно тяжелого положения, одержащего душу мою томлением горестной неизвестности»...

О дальнейшей судьбе Лоцманова почти ничего неизвестно. Он был освобожден из заключения и «употреблен к письменным делам» при Минской управе полиции. Это была, в сущности говоря, новая мера наказания, и через год Лоцманов подает прошение о переводе его на гражданскую службу. Губернатор запросил III отделение «дозволить Лоцманову поступить на службу по гражданской части». Из Петербурга пришел уклончивый ответ: «Лоцманов может поступить в службу по вашему усмотрению и согласно существующих о том постановлений».

Последнее распоряжение губернатора гласило: «По невозможности определить Лоцманова в гражданскую службу, зачислить его в полицейские служители».

III отделение не утвердило этого решения.

Разумеется нет основания считать Лоцманова участником декабристского движения. Не являлся он и организатором тайного общества. «Возмутительное письмо» было в действительности «плодом воображения». Однако в нем нашли отголосок сведения о существовании тайных обществ с их масонской терминологией. «Пятисотый совет» упоминается в проекте Никиты Муравьева, а также три иерархических степени: «братьев, мужей и бояр». Декабристский характер носит и концепция о «вольности древних славян». Все это придает письму Андрея Лоцманова значение историко-революционного документа.

В заключение следует сказать, что фамилия Лоцманова до сего времени существует в Верх-Исетском заводе. Старейший представитель этой фамилии Николай Андреевич Лоцманов свыше 50 лет проработал на заводе и до сих пор продолжает работать технологом цеха.

К. Т. Бабыкин

ИЗ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ ЕКАТЕРИНБУРГА—СВЕРДЛОВСКА

Говоря о возникновении и развитии строительства Екатеринбурга, необходимо исходить из того основного положения, что строительство каждого провинциального города должно было отражать в какой-то мере те основные стилевые архитектурные течения, которые были в отдельные периоды господствующими в Петербурге. Петр, перестраивая уклад старой Московской Руси, строя свою столицу на берегах Невы, не хотел иметь в ней ничего, что напоминало бы ему старую Москву. Было бы неверным полагать, что допетровская Русь не создала своей собственной, вполне самобытной и национальной русской архитектуры. Влияния западных архитектурных течений не заглушили творческих возможностей зачастую безвестных замечательных русских мастеров, а только обогатили их. Такими замечательными памятниками, как церковь в с. Коломенском под Москвой, многие церкви Москвы и, в первую очередь, гениальная архитектурная фантазия—Покровский собор, известный более под именем Василия Блаженного, памятники Новгорода, Пскова, Ростова, Владимира и др., русская архитектура допетровского периода может гордиться. Многие из них могут быть по праву отнесены к величайшим памятникам архитектуры всех времен и народов. И в области архитектуры Петр приобщил нашу страну к общеевропейским архитектурным течениям.

На Западе в его время безраздельно господствовал пышный стиль—барокко. Петра пленил Амстердам, территория которого очень похожа на территорию новой столицы. То же обилие воды, близость моря, низменные берега. Петербург рисовался ему в виде Амстердама. Петр вынужден был прибегнуть к иностранным мастерам; он не отдавал предпочтения какому-либо стилевому течению барокко—французскому, голландскому, итальянскому и др. Он приглашал больших мастеров—тех, которые соглашались с ним работать, и это наложило своеобразный отпечаток на архитектуру Петербурга его времени. Первым из иностранных мастеров, прибывших в Россию, был итальянец Доменико Трезини, начавший свою работу в Петербурге с 1703 года, т. е. со времени его основания. Трезини работал в Петербурге более тридцати лет и здесь умер. Из его построек следует отметить Петропавловский собор в одноименной крепости, здание двенадцати коллегий (теперь университет) и др.

Строительство Петербурга началось с крепости. Петропавловский собор в ней и первые постройки в городе были деревянными. Петр приказывал их штукатурить или обшивать и раскрашивать под камень или кирпич; он хотел иметь свою столицу, застроенную монументальными зданиями. Интенсивное каменное строительство в Петербурге на-

чалось с 1714 года и по регулярному плану города со времени знаменитого указа Петра, запрещавшего всякое каменное строительство везде, кроме Петербурга. Всех мастеров каменного дела этим указом, под угрозой строгих кар, приказывалось направить в Петербург. Доменико Трезини составил к этому времени целый ряд типовых проектов жилых домов для людей знатных, именитых и «подлых» («подлыми»—назывались тогда все, кто не принадлежал к дворянскому сословию). Все продумано в этих «высочайше апробованных чертежах», начиная с генерального плана усадьбы, тщательной разработки планов, этажей, фасадов, разрезов и кончая воротами, калитками, заборами и пр. Проекты домов были выполнены в характере барокко. Практика «апробованных» проектов имела чрезвычайно благотворное влияние на развитие русской провинциальной архитектуры, особенно в эпоху Александра I. Все дальнейшее строительство в Петербурге при Петре и при его ближайших преемниках шло в стиле барокко, причем мы различаем барокко—петровское, аннинское и елизаветинское.

В первые десятилетия существования Екатеринбурга строительство его зданий было также из дерева и от той поры ничего не сохранилось. Первое каменное здание Главного управления уральскими заводами было начато строительством в 1739 году. В областном архиве хранится проект, составленный смотрителем лесов Яганом фон-Баннер (февраль 1729 г.) и на нем надпись: «По сему чертежу надлежит строить канцелярию. Татищев». Это было время вторичного пребывания Татищева на Урале в качестве главного начальника после Геннина. Чертеж исполнен плохо, с полным незнанием архитектурных форм. Здание запроектировано в два этажа с очень высокой крышей с переломом на «голландский манир». Над двумя входами были балконы на колоннах искаженного тосканского ордера.

Имеется очень хорошая гравюра вида Екатеринбурга, исполненная французским художником де Леспинасе в 1747 году. Здесь мы видим уже выстроенным здание Главного управления, занимающее доминирующее положение в городе. В 1833—1835 гг. над зданием Главного управления архитектор М. П. Малахов надстроил третий этаж, причем по краям были поставлены два четырехколонных портика коринфского ордера, очень хороших пропорций, на аркадах первого этажа, придавших зданию торжественный вид. Сохранилась и смета на сумму 39.934 руб. 95½ коп. В настоящее время в этом здании помещается консерватория.

Мы видим на гравюре де Лесписсе и первую деревянную церковь—Екатерининский собор, открытый 21 ноября 1723 года. С этой даты Екатеринин день сделался горным праздником.

Петр не побоялся порвать и с традиционным типом русского храма, с его планом в виде равноконечного креста и пяти главием. Первый по времени Петропавловский собор в Петербурге Трезини по своей архитектуре ближе к типу протестанских храмов—с главкой на перекрестии и башней, увенчанной шпилем, при входе. По плану — это удлиненный «латинский» крест. К такому же типу принадлежал и Екатерининский собор в Екатеринбурге. В 1747 году на площади вблизи Главного управления была и вторая деревянная церковь (теперь площадь 1905 г.). Это были первые городские доминанты по главной магистрали, определяющие силует города.

Дома командиров и под'ячих и особенно мастеровых, довольно

хаотично разбросанные, тесно лепились друг к другу. Берега пруда еще не были отрегулированы.

Барокко не нашло своего значительного отражения в архитектуре Екатеринбурга, так как начальный период строительства города совпал с завершением барокко и в Европе и в Петербурге и сменой его новым архитектурным направлением—классицизмом. Единственный архитектурный памятник в Екатеринбурге, в котором барокко было отражено наиболее полно и в наиболее чистом виде—был кафедральный собор, ныне не существующий, построенный в семидесятых годах XVIII века на теперешней площади 1905 года. В плане собора—также латинский крест. Колокольня над западным входом увенчивалась высоким шпилем.

В Петербурге к этому времени заканчивал свой творческий путь гениальный архитектор граф Варфоломей Варфоломеевич Растрелли (1700—1770 г.). Привезенный отцом скульптором в Петербург в годы детства, он всю свою долгую творческую жизнь, за исключением кратковременного пребывания в молодые годы за границей, посвятил России. Растрелли усвоил художественную русскую культуру. Работая в Москве, он был очарован старорусским храмовым зодчеством. Он вернулся к излюбленному русскому пятиглавию, создав такие шедевры, как собор Смольного монастыря в Петербурге, андреевский собор в Киеве и др. Растрелли был последним великим мастером барокко в мировой истории архитектуры.

Но пышный стиль барокко постепенно начинает терять свое очарование. Стремление к нагромождению пластических украшений, часто просто бутафорских, искажающих конструктивную сущность архитектуры, сменяется тягой к величию и простоте античной архитектуры—римской и греческой. Зародившись во Франции, новое архитектурное течение быстро становится господствующим в Европе.

Торжественная мощь античной архитектуры, особенно римской, отвечала вкусам и идеологии придворной аристократии. Позднее, в эпоху директории и, главным образом, при Наполеоне, классицизм получает свое дальнейшее развитие в строительстве грандиозных зданий, прославлявших мощь и величие империи, отсюда и название этого течения—стиль «ампир».

Таковы социальные корни появления новых архитектурных тенденций, которые не могли не захватить и русских мастеров.

Еще при жизни Растрелли, в 1758 году в Петербурге была открыта Академия художеств. Первым руководителем преподавания архитектуры в ней был талантливый русский архитектор С. Чевакинский, ученик Растрелли. Чевакинского вскоре сменил французский мастер Валленнь де Лямот, выдающийся представитель классицизма, и это новое архитектурное течение становится господствующим и в России. Иностранные мастера, такие как Ринальди, де Лямот, Фельтен, Гваренги, Камерон, Тома де Томан и др. способствовали, разумеется, развитию у нас новых архитектурных течений, но они не смогли заглушить творческой, вполне самобытной трактовки их русскими мастерами. Мы имеем не только своих мастеров, но и подлинно великих зодчих. Уже во второй половине XVIII века Россия выдвинула гениального архитектора Василия Ивановича Баженова (1737—1799 гг.). Баженов, увенчанный признанием четырех знаменитейших по своему времени академией, был удостоен звания академика и Российской Академией, но его

желание «быть профессором в сей отечественной Академии» не исполнились: «встретились обстоятельства и люди, помешавшие ему получить сию честь»[1]). Баженов решительно не понравился новому президенту Академии художеств И. И. Бецкому за критику академических дел. Бецкий почувствовал, что этот «дьячков сын»... «нововыезжий из чужих краев» вместе со своей славой, составившей славу и русского имени за границей, вывез с собой и большой запас «вольного духа». Бецкий не ошибся. Баженов был действительно передовым человеком своего времени. Баженов разработал проект грандиозного Московского дворца на месте Кремля—дворца, превосходившего своим величием и размерами все, что создала мировая архитектура прошлых веков. Он построил много прекрасных зданий.

Его проект и модель кремлевского дворца имели огромное влияние на творчество целого поколения архитекторов. Из школы Баженова вышел другой великий русский архитектор, его ученик—Матвей Федорович Казаков (1738—1813 г.), создавший своими многими замечательными зданиями своеобразную, вполне самобытную школу московского классицизма.

Все дальнейшее развитие петербургской и вообще русской архитектуры идет в духе классицизма и его завершающего этапа-ампира. Во II половине XVIII в.—первой четверти XIX в.—Россия выдвигает таких великих зодчих, как Баженов, Казаков, князь Ухтомский, Старов, Воронихин, Захаров, Росси и др., создавших целый ряд замечательных памятников, которыми мы можем гордиться и которые могут быть поставлены в уровень с величайшими памятниками мировой архитектуры.

Новые течения в архитектуре нашли свое отражение и в провинциальной архитектуре, в том числе и в архитектуре Екатеринбурга.

Много старинных зданий Екатеринбурга не сохранилось, а те, что сохранились, за редкими исключениями, утратили свой первоначальный вид, вследствие позднейших безграмотных переделок.

Из зданий, архитектура которых примыкает к классицизму, следует прежде всего остановиться на Дворце пионеров, знаменитом «Харитоновском доме». Нас прежде всего интересует автор и строитель того или иного архитектурного памятника и время его возникновения. К сожалению, в областном архиве сохранились только косвенные указания, по которым мы можем судить о некоторых моментах жизни и истории здания.

Так, имеется прошение некоего жителя Екатеринбурга «в палату благочиния», ведавшую городскими делами, об отводе места «для строения деревянного дома противу вновь построенного дома купца Льва Расторгуева» (первоначальный владелец дома. **К. Б.**). Отсюда мы вправе сделать вывод, что в 1806 году дом был уже построен и считался «вновь построенным». Из другого прошения, относящегося к 26 июля 1824 года, также об отводе места для постройки деревянного дома «против дома Расторгуева, что за валом», мы вправе сделать вывод, что в 1824 году крепостной вал еще существовал и в это время дом Расторгуева не считался уже «вновь построенным». К прошению приложена выкопировка из плана города. На этой выкопировке глав-

---

[1]) Ев. Болховитинов «Словарь историчес кий о бывших в России писателях духовного чина.

ный дом и флигель под бельведером, со стороны площади в 1824 году еще не имели соединительной части. Разрыв между ними был заполнен забором. Не было еще и чудесного забора по спуску за флигелем, и самое это место было застроено мелкими домишками.

Соединительная часть между главным домом и флигелем под бельведером и стилистически иная. Она исполнена в духе позднего классицизма —в характере ампира. О позднейшем происхождении соединительной части можно судить и потому, что парные колонны восточного портика главного дома врезаются в крышу соединительной части. Время возникновения соединительной части и забора по спуску следует отнести к периоду от 1824 года до 1827 года, так как с 1827 года никто из наследников умершего в 1823 году Льва Расторгуева уже не жил в Екатеринбурге. В 1827 году наследники Л. Расторгуева—мужья его дочерей, П. Я. Харитонов и А. Г. Зотов были высланы из Екатеринбурга в Кексгольм.

В этот период времени в Екатеринбурге работал талантливый архитектор Н. П. Малахов. Вероятнее всего, что он был автором этой соединительной части, так как архитектура ее не выпадает из общего характера известных нам работ этого мастера.

Дом Расторгуева, теперь Дворец пионеров, — служит образцом старинной, большой барской усадьбы, с флигелями, домовой церковью (была во флигеле с бельведером), службами, садом, ротондой в нем, беседками, прудами и пр. Особенно красив выходящий на площадь фасад главного корпуса с его прекрасными портиками из шести коринфских колонн, на высокой рустованной аркаде первого этажа. Величественна колоннада также коринфского ордера главного флигеля по спуску. Стремление к пышному заставило архитектора украсить и северный фасад служб во дворе прекрасной колоннадой того же ордера.

Замечательна архитектура главных ворот. Они решены в характере величественной триумфальной арки. Над средней проезжей частью, украшенной ионическими колоннами, смело переклнута арка, увенчанная разорванным фронтом. По бокам средняя часть фланкируется проходами, оформленными тоже ионическими колоннами и антаблементом.

Спуск к вокзалу обработан с поразительным разнообразием прекрасными по замыслу заборами. Особенно замечателен забор, примыкающий к флигелю, с воротами в центре, украшенными парными колоннами тосканского ордера. Самый забор образован из аркад, между которыми поставлены конические колонны. Аркады прорезаны антаблементами на тосканских колоннах и заполнены прекрасной металлической решеткой. Вся аркада увенчана полным антаблементом. Главные ворота и этот забор смело могут быть отнесены к лучшим и замечательнейшим произведениям, так называемой, архитектуры малых форм.

Чрезвычайно удачно использованы природные условия места. На горе, на наивысшей точке в городе, раскинулась эта огромная усадьба, доминирующая над городом,—подлинный его акрополь. До 1924 года в доме сохранялись два чудесных живописных плафона, исполненные в синевато-серой гамме тонов по рисунку и по композиции в духе чистейшего ампира. По характеру композиции и по манере исполнения эти плафоны очень близки к живописным плафонам знаменитого дома Найденова в Москве, работы архитектора Жилярди. Откуда эта близость? В 1923 году автору этих строек пришлось познакомиться с

большим томом рукописных мемуаров, дневников и заметок, принадлежащих Якову Расторгуеву, воспитавшемуся в семье первоначального владельца дома—Льва Расторгуева. Из этих мемуаров видно, что плафоны были исполнены «комнатным живописцем» Алексеевым, долгое время работавшим в Москве и сосланным в Тобольск за подделку опекунских билетов. Вот что сказано в этих мемуарах: «П. Я. Харитонов, узнав, о его (Алексеева К. Б.) мастерстве, испросил у Тобольского губернатора, который дозволил Алексееву приехать в Екатеринбург, и тут он прожил более года, украшая своим искусством комнаты в доме наследниц Льва Ивановича Расторгуева»... Следовательно, Алексеев мог работать в Екатеринбурге в период времени с 1823 года—года смерти Л. Расторгуева—и до катастрофы с его наследниками, в 1827 году.

В 1936—1937 гг. «Харитоновский дом» был реконструирован, в глубину двора пристроен зрительный зал, и знаменитый дом стал подлинным Дворцом пионеров. Вся реконструкция исполнена с большим тактом, характер старинной архитектуры не нарушен. К этому же времени относится и прекрасное оформление площади.

Так, возникший по прихоти богатого человека дом для удовлетворения личных потребностей, превратился в большое культурное учреждение—в чудесный Дворец пионеров.

По другую сторону площади, напротив дома Расторгуева, стоял дом знаменитого в летописях Урала—Зотова Григория Федотовича. Дом Зотова в конце XIX столетия был снесен и на его месте было построено ординарное двухэтажное здание, которое после надстройки двух этажей и его реконструкции не представляет особого интереса (теперь в нем сельскохозяйственный институт). Судя по сохранившимся фотографиям, дом Зотова по своей архитектуре примыкал к позднему классицизму. Это было одноэтажное здание на полуподвале. Средняя часть в два этажа была украшена четырехколонным портиком. Угол со стороны площади был частично тоже в два этажа, с крышей в виде низкого купола. Характерно, что площадь уже в первые десятилетия прошлого столетия начала застраиваться в едином архитектурном стиле. К сожалению, эту прекрасную традицию город вскоре утратил. По характеру и по времени постройки дома Зотова его возможно причислить к созданиям Н. П. Малахова.

* * *

Заселению Зауралья много способствовало массовое бегство сюда спасавшихся в лесах Урала от никонианской ереси людей, которых господствующая церковь называла раскольниками, а народ—староверами. Позже старообрядчество получило дальнейшее распространение. На Урале во многих местах возникают скиты, часовни, монастыри. Екатеринбург становится центром старообрядчества на Урале. Целый ряд богатых старообрядческих фамилий играет руководящую роль в жизни Урала, владея миллионными средствами. Старообрядцами были Л. И. Расторгуев, П. Я. Харитонов, Григорий Зотов, позднее богатые золотопромышленники Толстиковы, Рязановы и многие другие.

Значение уральского старообрядчества и Екатеринбурга, как его центра, выходило уже далеко за пределы Урала. Царское правительство было встревожено быстрым ростом влияния старообрядчества и

тем значением, которое оно приобрело в жизни края, и начало принимать ряд мер, чтобы задержать дальнейшее развитие старообрядчества. В 1788 году была отправлена на Урал специальная духовная миссия, которой была поставлена задача просвещения «заблудших» и возвращения их в лоно господствующей православной церкви. В 1800 году в Перми была открыта местная епархия, ведению которой по части духовных дел был подчинен и весь Уральский край.

Среди богатой верхушки старообрядчества намечается расслоение, тяга к соглашению с господствующей церковью. Духовной миссии 1788 года удалось обратить в «единоверие» одного из виднейших столпов «древнего благочестия» на Урале богатого купца Якова Толстикова с группой его приверженцев. Единоверие признавало поставляемых господствующей церковью епископов и священников и отличалось только незначительными деталями во внешних обрядах. Это был компромисс, который был приемлем для обеих сторон. Яков Толстиков знаменует свой переход в «единоверие» строительством Спасской церкви. Церковь ныне не существует, но в областном архиве сохранился проект этой церкви, посредственно исполненный в духе барокко, без подписи автора. Спасская церковь строилась в два периода. Средняя часть и алтарь были барочны и строились в первый период; удлинение средней части, колокольня, торжественный вход и два флигеля церковнослужителей составляли чудесный ампирный ансамбль и строились во второй период. Прекрасных пропорций была колокольня, увенчанная золотым куполом. Красиво исполнен переход от четверика к круглой части колокольни, украшенной парными колоннами ионического ордера в простенках между чередующимися арками. Очень интересен вход в ограду церкви в виде триумфальной арки с широко расставленными парными колоннами, с капителями, типа сложного ордера. С обеих сторон входа были расположены небольшие одноэтажные домики с тройными окнами под рустованной аркой. Вход и оба домика сохранились до наших дней. Время полного окончания строительства относится к 1825 году. В 1921 году автору этих строк удалось установить из церковной записи, что храм строился иждивением «боярина» Якова Толстикова по чертежам Малахова.

В целях дальнейшей борьбы с влиянием старообрядчества церковные власти открывают в 1809 году женский монастырь в Екатеринбурге. Монастырь этот получил название ново-тихвинского.

Главным монастырским зданием является сохранившийся до наших дней собор, очень строгой архитектуры в характере классицизма. Центральная часть решена уже в духе традиционного пятиглавия. Колокольня—в три яруса. Третий ярус—цилиндрический, покрыт куполом. Вся композиция колокольни завершается высоким шпилем, что является запоздалым отзвуком петровской эпохи.

В тридцатых годах прошлого столетия архитектор Н. П. Малахов создал ансамбль трех монастырских церквей, из них средняя ориентирована по оси ул. Декабристов, замыкая улицу. Этот ансамбль—одно из лучших созданий талантливого мастера.

Другим столпом старообрядчества, перешедшим в единоверие вместе со своей группой несколько позднее Я. Толстикова, был богатый екатеринбургский золотопромышленник Яким Рязанов. Он также знаменует свой переход в «единоверие» постройкой церкви, получив-

щей название рязанской. Из дела о постройке церкви, находящегося в областном архиве, видно, что строительство шло полным ходом летом 1815 года, самые же хлопоты о разрешении постройки начались с 1810 года. К прошению на «высочайшее имя» от 5 ноября 1813 года приложен чертеж фасада, «по которому екатеринбургское старообрядческое общество строить располагает». Чертеж подписан Якимом Рязановым, с указанием, что сам «оный план сочинил».

Чертеж фасада сохранился, он соответствует возведенной в натуре церкви, но исполнен очень плохо, неопытной рукой, с искажением архитектурных форм. Вернее всего, что этот чертеж является плохой копией, снятой с очень хорошей композиции. Приходится удивляться, что по такому плохому чертежу все архитектурные детали были отлично выполнены. Мы и сейчас еще можем судить об этом по четырехколонным портикам ионического ордера с капителями в духе афинского Эрейхтейона[1]). Подлинный строитель рязановской церкви неизвестен. Самая постановка здания на месте говорит об опытном мастере. Ось северного портика совпадает с осью теперешней улицы Карла Либкнехта. В 1937 году рязановская церковь очень удачно перестроена под кинотеатр.

В тридцатых годах прошлого столетия Рязановы строят два прекрасных особняка у реки Исети, по теперешней улице Куйбышева. Главный особняк с коринфским портиком колонн представляет собой, как и «харитоновский» дом, но только несколько меньшего масштаба, широко раскинувшуюся усадьбу. К дому примыкает большой сад, спускающийся к реке, с разными беседками, горками и проч. Архитектура большого дома стилистически примыкает к классицизму с некоторым налетом провинциализма в трактовке парапета. Этот дом был замечателен своим единством стиля. Вся внутренняя отделка, вплоть до дверных и оконных приборов, обработка изразцовых печей, потолков, наборных паркетов и мебели была связана единством стиля с основной архитектурой здания. К сожалению, город не сохранил эту целостность стиля.

Другой рязановский дом, стоящий напротив, небольшой по размерам, в два этажа, подчеркнутый в средней части сильным выступом и мезонином с характерным для эпохи полуциркульным окном, производит впечатление уютного жилища. В потомстве Рязановых сохранилось семейное предание, что оба дома и рязановскую церковь строил Малахов. Не исключена такая возможность. Малый рязановский дом стилистически очень близок к зданию бывшей в прежние времена главной горной аптеки; автор этого здания—Н. П. Малахов, что подтверждается архивными документами (Здание б. главной горной аптеки смежно с первым домом Союзов по ул. Ленина. Пристройки с обеих сторон—позднейшие и не связаны со стилем здания). В 1815 году, когда строилась рязановская церковь, Н. П. Малахов мог быть в Екатеринбурге.

Первые документальные сведения о Н. П. Малахове, которые нам удалось обнаружить в областном архиве, это его прошение от 12 сентября 1817 года в палату благочиния, в котором он просит разреше-

---

[1]) Эрейхтейон — знаменитый храм в Афинах, относящийся к V веку до нашей эры.

ние перенести на новое место со своего двора прежнее деревянное строение».

Речь идет бесспорно о малаховском доме, находящемся по ул. Луначарского. Дом этот деревянный, оштукатуренный снаружи.

Место, на котором находится дом Малахова, было ко времени строительства окраиной города. Кругом еще близко подходили лесные массивы, и Малахов трактует архитектуру своего дома как загородную итальянскую виллу с бельведерами по общей композиции в духе Палладио.

В тридцатых годах прошлого столетия Н. П. Малахов создает прекрасный ансамбль больницы Верх-Исетского завода в характере московского ампира. Превосходно исполненный в акварели самим Малаховым, проект ансамбля находится в архиве завода.

К особнякам большого типа следует отнести и прежний дом главного начальника уральских заводов (теперь больница специального назначения—на набережной Рабочей молодежи). Строгая, даже несколько суховатая по прорисовке деталей, архитектура этого дома относится ко времени Николая I. Дом построен в период, когда главным начальником был генерал Глинка (1837—1856 гг.). Автор проекта этого здания неизвестен. Современные переделки, вызванные возникшими новыми потребностями, не исказили характера архитектуры старого здания. Через дорогу, ближе к улице Ленина на той же набережной стоит, типичный для эпохи, двухэтажный особняк с мезонином и колонным портиком. Характерно, что мезонин третьего этажа был чисто декоративным, не имел сообщения со вторым этажом и лестницей, был необитаем; только в начале текущего столетия пристроена лестница и мезонин стал обитаем.

Говоря о старинной архитектуре Екатеринбурга, нельзя обойти молчанием здание конторы Верх-Исетского завода. По своей архитектуре это здание может быть бесспорно отнесено к выдающимся памятникам русского ампира. Одинаково хороши и торжественные фасады здания—главный, со стороны пруда, и боковые. Средняя часть образована из ритма больших полуциркульных окон, прорезанных антаблементами, опирающимися на невысокие колонки. Между окнами, в простенках, поставлены колонны ионического ордера с чугунными капителями и базами, прекрасно прорисованными. По бокам средняя часть фланкируется мощными выступами в два этажа. Время возникновения этого здания следует отнести к 20—30 годам прошлого столетия. В архиве завода ничего, относящегося к первоначальному строительству этого здания, не сохранилось. Не исключена возможность, что первоначальный проект конторы был составлен кем-либо из выдающихся мастеров Петербурга, по заказу владельца Яковлева, жившего в столице.

В числе особняков старого Екатеринбурга выпадает из общего характера архитектуры города Дом Союзов в стиле псевдо-готики. Дом построен был для случайно разбогатевшего в Крымскую войну горного чиновника — некоего Севастьянова. Он организовал покупку барж, доставлявших по Каме и Волге военное снаряжение, поднимал баржи к местам перегрузок и продавал их той же казне.

На углу ул. Толмачева и Первомайской стоит старинный деревянный дом и при нем флигель. Флигель сохранил еще черты старинной архитектуры. В этих скромных зданиях в старину была почтовая

станция. Здесь когда-то останавливались декабристы и их жены по дороге в Сибирь.

На улице Чапаева стоит ряд бывших особняков промышленников и богачей позднейшей формации. Здания эти, построенные в эпоху Николая I и позднее, носят уже все следы упадка большого архитектурного стиля и особой художественной ценности не представляют.

Наличие прекрасных зданий классического характера очень часто в самых захолустных уголках нашего отечества, воздвигнутых местными силами, вызывает невольный вопрос о том, как они могли возникнуть и кто были мастера, оставившие нам много прекрасных архитектурных памятников. Об'яснение следует искать в широком распространении в провинции так называемых «высочайше апробованных» проектов. Уже отмечалось, что в начальную пору строительства Петербурга при Петре 1 такие проекты были составлены Д. Трезини. Большое развитие практика «апробованных» чертежей получила в первой половине XIX столетия. Составлялись проекты не только жилых зданий, служб, правительственных зданий, пожарных депо, церквей, часовен и пр., но и разбивка кварталов, площадей, садов. Над составлением «апробованных» чертежей работали первоклассные столичные мастера архитектуры. Нам известно, что и знаменитый К. И. Росси принимал участие в составлении «апробованных» проектов. Альбомы проектов рассылались провинциальным городам в губернские правления каждый раз специальными указами министра полиции. Городские управления обязаны были выписывать по 10—15 экземпляров альбомов и иметь их всегда «на судейском столе» для желающих строить. «Апробованные» проекты сыграли для провинции положительную роль. Они воспитывали и повышали культуру архитекторов провинции. Провинциальные мастера могли видеть, в каком направлении идет архитектурная мысль в столице и как нужно работать над культурой архитектурных деталей. По документам областного архива мы можем проследить, что подобные альбомы получало городское управление Екатеринбурга в период с 1809 года до тридцатых годов в количестве от 7 до 12 экземпляров каждый. Переписка об альбомах шла с пермским губернским правлением.

* * *

В предреволюционный период Екатеринбург был средним провинциальным городом, но по своему значению он превосходил многие губернские города. Екатеринбург был центром уральской промышленности. Из зданий этого периода следует отметить оперный театр, интересный, главным образом, по смелости и новизне для того времени (1910—1911 гг.) железобетонных конструкций. Кроме наружных стен, все основные конструкции—опоры, перекрытия, балконы, фермы и пр. сооружены из железобетона. (Автор проекта В. Семенов, строители—К. Т. Бабыкин и Т. И. Реммельт).

Состояние архитектурной мысли и основных архитектурных тенденций этого периода не только в России, но и на Западе, можно характеризовать как состояние идейного разброда. В капиталистических странах этот разброд остается и поныне. Безудержный эклектизм сменился на короткий срок модерном (конец XIX и начало XX столетий). Модерн пришел к нам с Запада. Он прокламировал правильные положения—целесообразность разрешения функциональных требований,

пред'являемых к зданию, и целесообразность выбора конструктивно-технических решений. Но эти правильные положения воспринимались модерном не как исключительные возможности, которыми обогатилась архитектура в смысле применения металла и железобетона, а чисто эстетически, как возможности декоративные. Создавались бутафорские формы, лишенные всякого конструктивного смысла, и модерн быстро сошел со сцены. Модерн не имел большого распространения в России. В Екатеринбурге он оставил три—четыре незначительных здания (Совкино, деревянный дом на углу ул. Толмачева и Первомайской и др.).

Но русская архитектурная школа нашла в себе достаточно творческих сил, чтобы преодолеть этот разброд, обратившись к любовному и научному изучению своего богатого архитектурного наследия.

В кругах русской дореволюционной интеллигенции считалось, что русская архитектура ограничена допетровским периодом и, что еще хуже, позднейшую псевдорусскую архитектуру Тона, Ропета и др. считали именно нашей национальной архитектурой. К прекрасным же созданиям русского классического стиля—к чарующим созданиям Растрелли, к величественным произведениям Баженова, Казакова, Старова, Захарова, Росси и др. относились как к проявлению официального стиля, «слишком казенного и холодного». Свое оппозиционное отношение к самодержавию радикальные круги русской интеллигенции переносили и на русское искусство.

И только с конца девяностых годов прошлого столетия и особенно в первое десятилетие XX века началось научное изучение русского классицизма, ампира и русской архитектуры допетровского периода. Около журналов «Мир искусства», «Художественные сокровища России» и «Старые годы» создается группа энтузиастов для изучения русского художественного наследия во главе с ныне здравствующим академиком, лауреатом Сталинской премии И. Э. Грабарем. В эту группу входили крупнейшие мастера архитектуры и искусствоведы — И. А. Фомин, В. А. Щуко, А. В. Щусев, А. Н. Бенуа, Горностаев и др. Свою работу эта группа демонстрировала в 1911 году замечательной выставкой старинной русской архитектуры. В это же время вышел капитальный коллективный труд, об'единенный И. Э. Грабарем—«История русского искусства», в котором архитектуре посвящены две темы. Выходят обстоятельные исследования архитектуры многих старинных русских городов. Не только перед русским обществом, но и перед художественными кругами Европы открывается, наконец, подлинное значение русского искусства и, в частности, архитектуры. После Октябрьской революции, в нашу великую эпоху, изучение русского искусства и архитектуры продолжается еще более углубленно и любовно.

Если прежде говорили и писали об итальянском, французском и всяком другом классицизме, ампире, ренессансе, то теперь мы можем с гордостью говорить о русском барокко, русском классицизме и русском ампире. Мы можем говорить и о русском ренессансе, многие произведения которого стоят не только в уровне с лучшими произведениями европейской архитектуры, но и являются непревзойденными образцами мировой архитектуры.

Русская архитектура предреволюционного периода создает свою школу, которую можно назвать «неоклассицизмом». Ряд первоклас-

сных мастеров—И. А. Фомин, В. А. Щуко, М. М. Перстяжкович, Дидваль, И. В. Жолтовский и др. создают в Петербурге и Москве замечательные произведения в духе «неоклассицизма» с широким применением металлических и железобетонных конструкций. Академики А. В. Щусев и Покровский, работавшие в формах допетровской архитектуры, создают ряд произведений, в основу которых положено изучение древних архитектурных памятников Новгорода, Пскова, Москвы, Владимира, Ростова Великого и др.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция внесла коренные изменения во все области нашей жизни. Наша страна стала страной победившего социализма. Перед художественной интеллигенцией встал вопрос огромного принципиального значения, вопрос о пересмотре своих творческих и идейных позиций, вопрос о своем отношении к совершившимся великим событиям. Начались поиски нового. Передовая часть архитектурно-строительной интеллигенции не составляла в этом отношении исключения. В противовес марксистско-ленинской идее критического освоения наследия прошлого, получили хождение левацкие «теории» отрицания всего исторического художественного наследия. Эти вредные «теории» нашли отражение и в архитектуре, последняя ориентировалась на левобуржуазное искусство Запада с его мнимой революционностью и полным отрицанием архитектурного наследия.

В области архитектуры поиски нового в первые годы революции, за отсутствием больших практических задач, были перенесены в архитектурные высшие учебные заведения. Открывшийся в 1919 году в Москве Высший художественно-технический институт (ВХУТЕИН) становится идеологическим центром «новой» архитектуры. Здесь создается особый «психо-аналитический» метод восприятия архитектуры. По этому методу рекомендуется: «...раздельно и последовательно изучать формальные закономерности архитектурных форм их элементов, свойств и качеств на основе психофизиологического восприятия». Отдельные геометрические формы трактуются как носительницы определенных идей. Сфера, куб, пирамида олицетворяют состояние покоя. Сдвиг об'емов—движение. Особое символистическое значение придается спирали. Спираль считается... «лучшим выражением нашего духа... спираль—это движение освобожденного человечества... Спираль, опираясь в землю, бежит от земли и становится как бы знаком отречения от всех животных, земных, пресмыкающихся интересов». Подобные определения, проникнутые насквозь идеалистическими тенденциями, и прочие псевдонаучные утверждения, не создавали, разумеется, никаких основ «новой» архитектуры. От всех этих предложений ничего не осталось ни в жизни, ни в школе.

Жизнь, наоборот, требовала решения конкретных задач. К началу восстановительного периода в советской архитектуре наметились уже два основных течения—формализм и конструктивизм.

Формалисты, как представители определенного направления, выступили в 1923 году. В своей архитектурной практике формалисты руководствовались теми же принципами абстрактного формотворчества, которые они проводили в школе, исходя из положения, что «нет таких

вещей, которые не выполнила бы современная техника». Архитектура — это творец новых форм; современная техника должна осуществить все замыслы художника в натуре. Отсюда и все неверные последствия. В надуманную, никакими практическими и функциональными потребностями не вызываемую форму, втискивается реальное содержание. Это течение не получило у нас широкого распространения.

Несколько позднее, в 1925 году, оформилось второе течение—конструктивизм. Конструктивисты отвергали задачи идейной выразительности в архитектуре, они рассматривали ее как оголенную инженерно-конструктивную схему. Новые потребности жизни должны создать и новые типы архитектуры, и конструктивисты создают эти типы, называя их «конденсаторами новой жизни». Для этих «конденсаторов» не требуется «никаких прибавочных, непосредственно не работающих элементов». Архитектуре нужна, следовательно, одна только конструктивная схема. Конструктивизм признает только инженерно-техническую сущность архитектуры, отвергая совершенно ее художественную сторону, как самостоятельную область изобразительного искусства.

Искусство вообще отвергается конструктивистами. Они прямо заявляют, что... «искусство является вредным идеалистическим пережитком... Архитектура, выражающая новую эпоху, не требует никакого фасада».

Вот откуда эта «коробочная» архитектура, эти «дома-коробки», как окрестил их народ, с их унылыми, однообразными фасадами.

В Свердловске новое строительство развернулось с особой силой как раз в тот период, когда конструктивизм переживал наивысшую фазу своего развития в нашей стране и был господствующим архитектурным стилем.

Это наложило своеобразный отпечаток и на архитектуру города. В духе умеренного конструктивизма построен жилой дом на улице Ленина и Пушкинской (архитектор С. В. Домбровский), Деловой дом (арх. И. С. Гурьев-Гуревич). Одним из лучших зданий этого стиля следует считать здание физиотерапевтического института, выделяющегося и очень хорошим качеством работ, особенно внутренних (арх. Г. А. Голубев). Типичными зданиями эпохи конструктивизма в Свердловске являются: почтамт, дом контор, жилые дома на ул. Ленина, водный павильон «Динамо», клуб строителей и др. Большинство этих зданий не могут похвалиться хорошим качеством работ. Выпадает из общего характера архитектуры Свердловска этого периода жилой дом по ул. 8 марта—с двенадцатиэтажной башней, не очень оправданной с общей композицией. Из значительных зданий, относящихся к тому же периоду, следует отметить здание управления дороги, построенное в 1928—1929 гг. в стиле классики (арх. К. Т. Бабыкин).

Индустриализация страны поставила перед советской архитектурой целый ряд проблем огромного значения. Нужно было строить не только отдельные здания или заводы, нужно было строить огромные промышленные комплексы и города при них. И в деле планировки новых городов в известной мере сказались те же прожектерство и утопизм. Здесь наметились две группировки, первая из них—это ассоциация урбанистов, рекомендовавшая строить в городах дома—небоскребы и пресловутые дома—коммуны. Вторая группировка—дезурбанисты, отрицавшая город в его обычном понимании. Эта группировка рекомендовала расселение в небольших домиках, расположенных по обе сто-

роны вдоль дорог на десятки километров. Такой план был предложен этой группой для города Магнитогорска. Расселение трудящихся по этому проекту было намечено в домиках по зигзагообразной улице, длиной до пятидесяти километров.

Было несколько и других архитектурных течений. Все эти группировки не способствовали, разумеется, об'единению советских архитекторов, и это сказалось с особой наглядностью на результатах международного конкурса на проектирование Дворца Советов (1932 год).

Конкурс показал всю несостоятельность тогдашних группировок и их творческих методов, отвергавших идейную сущность архитектуры и значение архитектурного наследия прошлых эпох. Участие в конкурсе крупнейших мастеров Европы и США было еще менее удачным. (Корбузье и Огюст Перре—Франция, Гроппиус и Мендельсон — Германия, Лам и Гамильтон—США, Бразини—Италия и др.). Все они были представителями «левой» архитектуры у себя на родине и крупнейшими мастерами конструктивизма. Стало ясным, что эпигонство этого стиля не может быть путем советской архитектуры. Правильный путь был указан в постановлении совета по строительству Дворца Советов от 28 февраля 1932 года. В постановлении четко сказано, что творческие поиски образа Дворца Советов... «...должны быть направлены к использованию как новых, так и лучших приемов классической архитектуры, одновременно опираясь на достижения современной архитектурно-строительной практики». Это замечательное постановление определило все дальнейшее направление творческих исканий всех советских архитекторов.

Наконец, историческое постановление ЦК ВКП(б) — «О ликвидации литературно-художественных группировок» от 23 апреля 1932 года положило конец разброду архитектурных сил. Образуется единый союз советских архитекторов.

* * *

Советская архитектура, участвуя в грандиозном строительстве, прошла длительный путь исканий. На этом пути она росла творчески и идейно, вдохновляясь созидательным пафосом нашей великой эпохи и нашла в себе силы для быстрого преодоления всяческих затруднений. Весь последующий период развития советской архитектуры идет уже под знаменем блестящих достижений. Такие произведения советских мастеров, как станции московского метро, здания и сооружения канала Волга-Москва, советские павильоны на всемирных выставках в Париже и Нью-Йорке, воспринятые за границей как триумф советской архитектуры, театр Красной Армии в Москве, здание правительства в Киеве, институт Маркса—Энгельса в Тбилиси, ряд жилых домов в Москве и Ленинграде и пр.—свидетельство огромного творческого роста советской архитектуры.

Здания и павильоны Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве с их замечательным использованием национальных форм братских республик, входящих в СССР, продемонстрировали перед всем миром расцвет национальных архитектур этих республик.

Особо стоит Дворец Советов. Он является как бы синтезирующим символом высокой культуры советской архитектуры и всей советской техники в целом, как архитектурное произведение, не имеющее себе равного во всей прошлой и современной архитектуре.

Отход от конструктивизма сказался и на архитектуре Свердлов-

ска. Мы можем проследить, как коллектив архитекторов города сумел найти правильный путь своих творческих исканий. Ряд положительных примеров говорят нам об этом. Из зданий этого периода следует отметить штаб Уральского военного округа (ул. Ленина, арх. А. М. Дукельский). Здание это обращает на себя внимание прекрасной фактурой облицовки розовым гранитом двух этажей. Можно говорить о спорности пропорций членений, но все искупается хорошим качеством работ и красотой облицовки. Жилые дома округа еще носят следы неустановившегося стиля.

Чрезвычайный интерес представляет реконструкция архитектурного оформления учебных корпусов Уральского индустриального института им. С. М. Кирова, построенных в пору господства конструктивизма. Главный корпус завершает улицу Ленина величественным восьмиколонным портиком ионического ордера. Очень красивы и интересны главные интерьеры — вестибюль, фойе, актовый зал и библиотечные залы. Над оформлением работал коллектив архитекторов — Г. Вольфензон, К. Т. Бабыкин, А. Н. Горшков и А. С. Грифонов. Реконструкция корпуса, в котором размещены факультеты металлургический и химико-технологический (проект К. Т. Бабыкина), не закончена, как не закончена и реконструкция здания военного училища (проект П. А. Володина).

Начаты работы по архитектурной реконструкции здания городского совета на площади 1905 года по очень интересному проекту архитектора Г. А. Голубева. Будут применены для отделки местные облицовочные каменные породы. Здание увенчивается высокой башней и шпилем, будет достойным своего назначения и украсит площадь. Президиум городского совета наметил архитектурную реконструкцию не только целого ряда зданий, но и площадей — площади 1905 г. и Народной мести в первую очередь. Имеющиеся проекты реконструкции этих площадей архитектора Г. А. Голубева обращают их в целостные архитектурные ансамбли.

В 1940 году Свердловск обогатился прекрасным зданием Дома Красной Армии (арх. В. В. Емельянов). Очень красив и торжественен главный фасад. С большим тактом выдержана взаимосвязь внешней архитектуры с обработкой интерьеров. Культура выполнения деталей очень высока. Весь комплекс является подлинным дворцом воинов нашей Советской Армии. Здание увенчивается башней с высоким шпилем. Очень красивая сама по себе, прекрасно оформленная, эта башня, как нам кажется, не вполне увязана с общими массами здания. Очень досадно, что здание слишком низко поставлено, без увязки с профилями прилегающих улиц. При застройке этого района города, недостаток возможно частично исправить и это необходимо учесть городу.

За годы революции Свердловск превратился из обычного старого провинциального города в крупнейший индустриальный и культурный центр.

Гордостью города является замечательный завод тяжелого машиностроения им. Серго Орджоникидзе. Около завода возник целый город, прекрасно распланированный и хорошо застроенный (в значительной части под руководством архитектора П. В. Оранского).

Район Уралмашзавода стал районом крупнейшего промышленного предприятия. Особо интенсивное строительство в этом районе развернулось в годы Великой Отечественной войны. В возникших новых

больших жилых районах построено также много общественных зданий—рабочих клубов, школ, больниц, детских домов и др. Строительство промышленных предприятий, а, следовательно, и новых районов города при них развертывается в настоящее время и в южной части города. Здесь строится завод тяжелого химического оборудования. Таким образом, новый план «большого Свердловска» приобретает тенденцию сильного преобладания его продольной оси с севера на юг. Генеральная схема плана Свердловска утверждена Народным комиссариатом коммунального хозяйства РСФСР. Стало неузнаваемым внешнее благоустройство города. Город хорошо озеленен и озеленяется, усилено мощение, появились асфальтовые тротуары, неизвестные старому Екатеринбургу. Набережная Максима Горького получила прекрасное архитектурное оформление. Она одета в гранит, которым так богат город (Работа арх. С. В. Домбровского).

В южной части города в 1932—1933 гг. возник прекрасный парк культуры и отдыха. Хорошо использованы природные условия—водные пространства, лужайки, лес и пр. Павильоны, служебные здания, вход, кино хорошо архитектурно оформлены (работы молодых архитекторов Л. В. Шишова, П. И. Ландратова и др.).

В ближайшие годы Свердловск будет одним из красивейших городов Союза, так как у нас имеются к этому все возможности. Совершенно бесспорно, что великий этап мировой архитектуры принадлежит той стране, в которой господствующей идеологией является самая передовая и возвышенная идеология, той стране, которая воодушевлена самым высоким созидательным пафосом и обладает для разрешения архитектурных задач средствами самой передовой строительной техники. Такой страной является наша Родина—Союз Советских Социалистических Республик, и ей принадлежит честь создания следующего этапа — величайшего из всех предыдущих в развитии мировой архитектуры.

Таков неизбежный диалектический закон развития мировой истории и, в частности, истории архитектуры.

Это воодушевляет и вдохновляет нас на творческие дерзания, на созидательное творчество.

Я. С. Фельдман

ИЗ ИСТОРИИ ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА В СВЕРДЛОВСКЕ

Драматические представления в Свердловске имеют свою содержательную дореволюционную историю.

Началом систематических театральных представлений в гор. Екатеринбурге принято считать 1843 г. Но и до 1843 года, издавна Екатеринбург знал театр, хотя и не в форме дающего регулярные спектакли сложившегося профессионального коллектива[1]).

С 1843 г., «пятого ноября начались спектакли или театральные представления прибывшей из Казани содержателя Соколова труппы актеров. Помещение в старом здании заводской больницы или казармы на берегу Исети, близ нового каменного Ивановского моста[2]), чего здесь тоже с давнего времени не бывало. О, времена! О нравы! О светское просвещение!»,—так записал в своем «Месяцеслове»—дневнике один из зрителей этого театра — Набатов[3]).

Антрепренер и актер Петр Алексеевич Соколов до Урала работал длительное время (9 лет) в Казани. Сохранившиеся сведения об этом периоде позволяют утверждать, что в Казань в труппу Соколова на гастроли приезжали М. С. Щепкин и М. С. Мочалов.

И щепкинские и мочаловские традиции—могучий гражданский пафос и мятежная героика—не могли не повлиять на Соколова и его труппу. Эти традиции, особенно при повторении спектаклей, в которых некогда играли Щепкин и Мочалов, создавали передовую тенденцию сценического искусства в Екатеринбурге, даже тогда, когда в репертуаре главенствующее место занимали водевили, мелодрамы и националистические пьесы.

По V и VI томам журнала «Репертуар и Пантеон» за 1843 и 1944 гг. мы имеем возможность проследить начало деятельности Соколова в Екатеринбурге. Он проработал здесь до 1857—1858 гг. Заметим, что при Соколове театр начал играть в специальном театральном здании, постройка которого была закончена в октябре 1847 г.[4]).

Таким образом, в 1947 году исполняется сто лет со дня открытия спектаклей в старом Екатеринбургском городском театре. В своем «Месяцеслове» Набатов записывает:

---

[1]) В подготавливаемой нами работе по театру дореволюционного Урала мы, сопоставляя ряд сведений и документов, доказываем это предложение.

[2]) Указанное здание больницы сохранилось и имеет № 5 по переулку им. Воеводина.

[3]) Е. Н. Косьвинцев. «Екатеринбургский быт 30—40 гг. XIX в. по дневникам современника». Рукопись.

[4]) На этом месте в настоящее время помещается кинотеатр «Октябрь».

«1847 год сего 29-го (октября) в первый раз играли во вновь выстроенном каменном театре. Первая пьеса играна была «Кетли»[1]).

После Соколова ряд антрепренеров, работавших в Екатеринбурге, среди них Головинский, Клепинин и, наконец, П. М. Медведев (с 1879 г.), а затем, П. П. Медведев (с 1889 г.) содействовали росту театральной культуры в трудных и неблагодарных условиях дореволюционной провинции. Все перечисленные антрепренеры были актерами. А это обстоятельство уменьшало значение «коммерческих соображений» и повышало художественную требовательность антрепренера.

Екатеринбург знал и мрачные «театральные» периоды», но мы обращаем внимание на ведущую тенденцию.

Труппы Медведевых (в особенности отца—Петра Михайловича), так же, как провинциальные коллективы Н. И. Собольщикова-Самарина, Н. Н. Синельникова, Н. Н. Соловцова, К. Н. Незлобина, выгодно отличались от десятков других провинциальных антреприз дореволюционной России своим репертуаром, сравнительной тщательностью подготовки спектаклей, общей культурой.

Вот почему в екатеринбургские антрепризы приезжали крупнейшие актеры русского провинциального театра: Н. А. Мичурин-Самойлов, Е. А. Лепковский, Н. В. Пальчикова, В. И. Морева, А. А. Риваль, Ю. Г. Диевский, М. Т. Иванов-Козельский, В. Н. Андреев-Бурлак, Е. Б. Пиунова-Шмитгоф и др.

В расцвете провинциального периода своей деятельности здесь играл В. Н. Давыдов, позже, в XX веке, приезжавший сюда, как выдающийся актер столичных театров.

Екатеринбург посещали артисты столичных театров с руководимыми ими коллективами или как участники гастролирующих трупп: В. П. Далматов, М. И. Писарев, В. В. Чарский, бр. Адельгейм, М. В. Дальский, Г. Н. Федотова, В. Ф. Комиссаржевская, К. А. Варламов, А. А. Яблочкина, И. Н. Певцов, П. Н. Орленев, А. И. Каширин и др.

В Екатеринбурге развилось и окрепло дарование пионерки театрального дела на Урале—Евдокии Алексеевны Ивановой, приехавшей в Екатеринбург вместе с П. А. Соколовым, и творческие силы будущих деятелей столичных театров: А. Я. Романовской, И. П. Уманец-Райской, М. К. Шаровьевой, Я. Г. Тинского и др.

В начале XX века в Екатеринбурге работают опытный режиссер столичных частных театров И. Е. Шувалов, культурный и талантливый антрепренер-режиссер Т. М. Строев, ученик А. П. Ленского, воспитанник школы Малого театра.

В годы реакции, в 1908 году, здесь гастролирует петербургский «Общедоступный передвижной театр» под руководством П. И. Гайдебурова. Об этом театре дооктябрьская «Правда» писала, что это «быть может единственный в своем роде театр идейный»..., «... театр, который постановкой классических произведений русской и иностранной литературы стремится приблизить сцену к пролетариату и освободить

---

[1]) Е. Н. Косьвинцев. «Екатеринбургский быт 30-40 годов по дневникам современника». Рукопись. Документальные обоснования этой даты подробно приведены в рукописи собирателя материалов Л. П. Девятерикова «Очерк по истории старого екатеринбургского театра («Театры» старого Урала»).

театр от унизительной роли места отдыха и забавы для буржуазных слоев «образованного общества»[1]).

Особое место занимает история спектаклей на сцене народного дома или Верх-Исетского театра (позже названного «Пролетарским театром»), построенного в конце XIX в. и открытого в 1900 году, имевшего серьезное общественное культурное значение для своего ближайшего зрителя—рабочего Верх-Исетского завода[2]).

Однако все эти положительные моменты, выражая передовую тенденцию в историко-театральном процессе, прорывались через общие тяжелые условия работы в провинции, через засилье никчемного репертуара и исполнительского ремесленничества. Они не решали проблемы создания постоянного театра, который бы утверждал высокие идейно-художественные ценности.

Стабильных трупп не было, органическим единством актерского состава антрепризы не отличались, постановочная культура была невысока, атмосфера спешки отличала подготовку спектаклей.

В сезоне 1914 г. с 25 февраля по 1 мая, т. е. за два месяца, в екатеринбургском театре были подготовлены 22 новых пьесы. Какого бы умения в избранном амплуа не достигал актер, бессмысленно было мечтать о создании образа, если роль надо было приготовить в 2—3 дня.

Кризис, переживаемый русским театром перед революцией, захватил и Екатеринбург. Екатеринбургские антрепризы между 1914 и 1917 гг. все меньше отдают внимания классике. Ставятся уголовно-адюльтерная «Вера Мирцева» Урванцева, «Осенние скрипки» Сургучева с их культом мещанского индивидуализма, ретроспективно-мечтательная, отвлеченно-иллюзорная «Царевна-Лягушка» Беляева, «Мечта любви» Косоротова и другие. Театр был оторван от передовых политических идей и от «большой» литературы.

Шедшие в это время в Екатеринбурге пьесы Л. Андреева «Не убий», надуманная «Анфиса» и «Савва», эротические драмы Арцыбашева, представленного в репертуаре «Ревностью», «Врагами» и «Войной», были резко выраженными явлениями театрального декаданса.

В широковещательной рекламе сообщалось, что по образу столичных театров вводятся «Галла вечера-кабарэ», во время которых исполнялись фарсы: «Мотор любви», «Лента любви», «Вова приспособился», «Аромат греха» и др. На эти пошлости тратился прекрасный талант молодой В. Н. Поповой, игравшей в Екатеринбурге, талант Розен-Санина. Так, некогда передовая по своему репертуару и общей культуре, антреприза П. П. Медведева низводилась до положения третьеразрядного варьетэ. И только отдельные спектакли у Медведева в городском театре и некоторые спектакли Верх-Исетского театра намекали на ту большую общественно-воспитательную роль, которую должен играть театр.

---

[1]) Сб. «Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе». Гослитиздат, 1937 год.

[2]) Здание Верх-Исетского театра находилось на современной площади Коммунаров. В 1915—17 гг. здание это было отведено для военнопленных; в начале 20-х годов в нем периодически ставились еще спектакли, а около 1925 года оно было снесено (А. Анфиногенов. «Театры и зрелища в старое время» в сб. Свердловск, Свердгиз, 1946 г.).

В первые годы после революции в Екатеринбурге, как и во всей стране, еще не было того главного, что должно было решительно перестроить театральную жизнь периферии,—во-первых, советской драматургии, раскрывающей людей советской страны во всем их многообразии и несущей новую социальную проблематику; во-вторых — твердых, сложившихся, целеустремленных театральных коллективов, связанных с жизнью данного города, коллективов, в которых можно было осуществить систематическое творческое и политическое воспитание актеров.

Разумеется, грандиозные сдвиги, происшедшие в жизни всей страны, всего народа, не могли не отразиться на театральном Свердловске.

Однако дух старой «театральной провинции»—и в репертуаре, и методах его осуществления, и в характере и форме отношений внутри коллективов сохранился еще на весь период двадцатых годов.

Театры ежегодно формировались заново. Попрежнему актеры путешествовали из Керчи в Екатеринбург, из Екатеринбурга в Вологду. Анализ периода 1917—1927 гг. лишен целостности и единства, ибо это—период деятельности не связанных между собой посезонных трупп, достаточно спешно выпускающих премьеры—до 25 за сезон и не очень глубоко задумывающихся над обновлением репертуара. Развлекательные, безидейные пьесы занимают до 1927 года значительное место наряду с зарубежной и русской классикой и пьесами современных авторов—историческими или авантюрно-адюльтерными.

Очагами театральной культуры в этот период были гастроли столичных коллективов. И в этот период и позже заслуживает специального рассмотрения историка театра вопрос о воздействии столичных коллективов (Малого театра, театра МГСПС, Ленинградского академического театра драмы им. А. С. Пушкина и др., а во время Отечественной войны МХАТ'а и ЦТКА) на культуру местных театров и на формирование вкуса зрителя.

В 1927 году, под влиянием настойчивых требований зрителей об организации постоянного драматического театра, ЦК Пролеткульта организовал в Свердловске филиал Московского рабочего театра.

Реакционные «пролеткультовские» установки, по которым рабочий театр должен был в корне отличаться от профессионального, привели театр к краху—зритель его не принял.

В 1928 году был приглашен театр «Красный факел», коллектив которого проработал в Свердловске два сезона. Именно этот театр познакомил свердловчан с новой советской драматургией, утверждавшей образ положительного героя современности («Любовь Яровая», «Огненный мост» и др.).

Советская драма с особой остротой подчеркивала важное значение театра в жизни советского общества, она помогала разобраться в недавнем прошлом, она говорила о волнующих вопросах настоящего, предуказывала пути к будущему и потому увлекала зрителей.

Отъезд театра «Красный факел» с новой силой вызвал требования о создании своего драматического театра. Бурное строительство, развернувшееся на Урале в годы первой пятилетки, осуществлявшее сталинский план создания на Востоке второй угольно-металлургической базы, обусловливало необходимость развития культуры Урала.

Именно в это время, в 1930 году, возникают постоянный драматический театр[1]) и театр юных зрителей, последний с весны 1930 года как передвижной театр при УЗП, а с осени 1931 г. как стационарный[2]).

Сама по себе стабилизация драматического театра на периферии была уже новаторством по отношению к дореволюционной русской театральной культуре.

Что касается ТЮЗ'а, то его организация была свидетельством нового явления в жизни русского театра, целиком порожденного Великой Октябрьской социалистической революцией.

Драматический театр открылся 20 октября 1930 г. «Первой конной» Вс. Вишневского, в помещении на ул. Вайнера, 10 (где он работает и сейчас), которое было приспособлено к спектаклям драмы еще со второго сезона театра «Красный факел» (с 1929 г.).

ТЮЗ, начальный период которого протекал под сильнейшим воздействием московского театра для детей, стационирован был на площадке клуба «Профинтерн» и открылся здесь спектаклем «Ураганный огонь» Шестакова.

Особенности советской театральной культуры—культуры народной, основанной на познавательном и общественно-преобразующем значении театра и полагающей своей главной задачей участие театра в развитии общества, в политической жизни страны, воплощались в репертуаре свердловских театров и в тесной связи театров со зрителем—народом.

Драматический театр с первых же дней своего существования сблизился с трудящимися свердловских предприятий Уралмаша, ВИЗ'а и городов Урала—Магнитогорска, Тагила, Молотова, Асбеста, где гастролировал театр, а ТЮЗ—со школами, пионерской и комсомольской организациями Свердловска и городов Свердловской и соседних областей—Асбеста, Н.-Тагила, Серова, Чкалова, Челябинска, куда ТЮЗ выезжал на гастроли.

Из 122 спектаклей драматического театра (сыгранных до 1 мая 1947 г.) 73 пьесы принадлежат советским драматургам, 30 пьес — русской классической драматургии, 13 пьес — зарубежной классике и 6 пьес — современным зарубежным авторам.

В ТЮЗ'е из 98 спектаклей—50 пьес советских авторов, 20 пьес на материале сказок (из них 17 советских авторов или переделок сказок советскими авторами), 10 пьес русской классики, 12 пьес зарубежной драматургии.

Идейная содержательность репертуара прежде всего определяет направление и целеустремленность театра. Вот почему приведенные нами сведения о репертуарной линии театров являются достаточно показательными.

Образ советского героя, формирующегося в боях за новый мир, появился в советской драматургии между 1923 и 1937 гг.

Свердловским театрам драмы и юных зрителей не пришлось пережить мучительных репертуарных исканий первого революционного десятилетия, ибо они родились в тот момент, когда уже существовал ряд выдающихся произведений советской драмы. Актеры театра играли их в тех коллективах, в которых они работали до Свердловска. В из-

---

1) «Десять лет Свердловского драматического театра». 1940 г.

2) «Пять лет Свердловского ТЮЗ'а». Сб. статей. 1936 год.

вестной степени они были подготовлены к раскрытию на сцене образов наших современников.

Характерно, что в первом сезоне драматического театра в 1930—1931 гг.) из 11 пьес 8 принадлежали советским драматургам. Наряду с «Темпом» и «Поэмой о топоре» Н. Погодина, здесь были теперь забытые «Кто идет» Шкваркина, «Гута» Кобец, «Инженеры» Григер и пьеса местных авторов Баранова и Келлера «Боевики». Не все было удачно в этих спектаклях, но важно отметить стремление театра к самостоятельности в репертуаре, к воссозданию на сцене близких уральцам образов созидателей—энтузиастов, героев сталинской пятилетки.

И в дальнейшем все значительные произведения советской драматургии находили место в репертуаре театра.

В таких пьесах, как «Любовь Яровая» К. Тренева, «Разгром» А. Фадеева и М. Нарокова, «Мой друг», «Аристократы» и «Падь Серебряная» Н. Погодина, «Гибель эскадры», «Платон Кречет» и «В степях Украины» А. Корнейчука, «Мстислав удалой» и «Год 19-й» И. Прута, «Интервенция» Л. Славина, «Далекое» и «Страх» А. Афиногенова, «Слава» В. Гусева и в других произведениях зритель видел героев нашего времени, людей различных этапов жизни советского государства. Вместе с возвышением советской реалистической драмы рос и театр, идущий в своих спектаклях от внешнего жизненного правдоподобия к глубокой внутренней правде образов.

В театре юных зрителей, который в сезон 1930—1931 гг. был еще передвижным коллективом, ставятся пьесы «Аул Гидже», «Алтайские робинзоны» Шестакова, «Винтовка», «Путь далекий», а с момента стационирования, с 1931/32 гг.—«Ураганный огонь» Шестакова, «Морская собака» Кузьминского, «Мы победим» Зайцева, «Клад» Шварца, «Продолжение следует» Бруштейн, «Люди тайги» Голициной, «Борьба продолжается» Желябужского, «Зямка Копач» Даниель, «Сережа Стрельцов» Любимовой и др. Это пьесы о нашей современности. На них воспитывались не только юные зрители этого театра, но и сами исполнители.

Недостатком первого периода работы ТЮЗ'а было неверное стремление отдельных авторов и режиссеров создать специфический детский «игро-спектакль», приводившее к неполноценным произведениям.

Советская драматургия сыграла новаторскую роль в советской театральной культуре. Она стала для актеров и режиссеров университетом творчества. Она определила и определяет рост и развитие театров столицы и периферии. В этой творчески-напряженной жизни выкристаллизовывался тот коллектив театров, который, в основном, работает и по сей день, пройдя большой и серьезный путь развития.

Работа над образами положительных героев современности подготовила почву для воссоздания к XX-летию советского государства в драматургии и на сцене самых крупных и величественных характеров нашего времени—вождей социалистической революции.

Эта политическая и художественная проблема была успешно разрешена Свердловским драматическим театром в спектаклях «На береrу Невы» (1937 г.), «Человек с ружьем» (1938 г.), «Большевик» (1940 г.) и «Кремлевские куранты» (1940 г.).

От внешнего портретного сходства актеры вместе с драматургами

совершали путь к глубокому внутреннему раскрытию образов В. И. Ленина, И. В. Сталина, Ф. Э. Дзержинского и Я. М. Свердлова.

Ленин—В. Г. Ордынский («На берегу Невы»), А. Г. Шейн («Человек с ружьем»), Б. Ф. Ильин («Кремлевские куранты») и Свердлов—Б. Ф. Ильин («Большевик») своим исполнением отражают эту все углубляющуюся работу советских драматургов и актеров.

Спектакль «Большевик» и исполнение роли Свердлова называли сценической поэмой о Свердлове.

Исполнение роли Ленина в «Кремлевских курантах» было оценено, как первая на периферии удачная попытка в создании образа вождя, рассматривающегося в единстве мыслителя и трибуна, организатора и человечнейшего человека[1]).

Нельзя переоценить воспитательное значение произведений искусства, в которых изображены вожди революции — и для народа и для деятелей искусства.

4.

Источником идейной жизни советского искусства, нового миросозерцания его деятелей, новых методов их работы была наша общественно-политическая жизнь, советский общественный строй, советская идеология. Путь актеров, репертуар свердловских театров и его воплощение подтверждают это.

О чем бы ни рассказывал советский актер в столице и на периферии в период второй империалистической войны, он жил тем, чем жила страна, чем жили демократические силы мира.

Героический образ нашего современника раскрывался не только в пьесах, ставивших центральную проблему столкновения двух миров, но и в образах пьес любого жанра.

Возникшая в спектаклях тема о доверии между людьми и между народами, вопрос о сущности героизма и гуманизма, о судьбе народов и судьбе человечества, проблема взаимоотношения героя и народа по существу были отражением напряженной атмосферы международной жизни, особого места в этой жизни советского государства, его людей. Именно об этом, по-своему, говорила каждая из названных нами пьес репертуара Свердловского драматического театра: «Человек с ружьем», «Большевик» и «Кремлевские куранты», а рядом с ними «Беспокойная старость» Л. Рахманова (1937 г.). «Падь Серебряная» Н. Погодина (1938 г.), «Павел Греков» В. Войтехова и Л. Ленча (1939 г), «Сашка» К. Финна (1940 г.), историческая драма А. Корнейчука «Богдан Хмельницкий» и две пьесы, прямо ставящие проблему столкновения двух миров—мира свободы и прогресса с миром фашистского варварства—«Альказар» Мдивани (1937 г.) и «Мать» Чапека. Эту пьесу чешского драматурга впервые на советской сцене поставил Свердловский драматический театр в 1940 г.

Не меньшую роль в этом же смысле и в этот же период играли спектакли ТЮЗ'а, воспитывавшие юношество на величественных примерах недавнего прошлого и настоящего. Назовем инсценировки «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» Н. Островского (1937—1938 гг.),

---

[1]) Г. Т. Штайн. «Конец театральной провинции». В сборнике «25 лет советского театра». Москва, изд. ВТО, 1943 г.

«Чапаев» Д. Фурманова (1939 г.), пьесы «Море наше» (1939 г.), «Сын народа» Ю. Германа (1939 г.), «Брат героя» Л. Кассиля (1939 г.), «Сказка» М. Светлова (1940 г.), «Единая боевая» А. Бруштейн (1940 г.). Пьеса В. Гор «Мы идем» (1938 г.) рассказывала о борьбе республиканской Испании с фашистскими интервентами. Лучшие черты советских пионеров и школьников утверждались в спектаклях «Пионер Павел Морозов» Яковлева (1941 г.) и «Тимур и его команда» Гайдара (1941 г.).

В этих спектаклях драматического театра и ТЮЗ'а получили новое содержание понятия героизма, доблести, чести, правды, любви, ненависти.

Так театры включились в подготовку страны к активной обороне и укрепляли моральный фактор в индивидуальном и общественном сознании, содействовали морально-политическому единству советского народа. Этим же целям были подчинены классические спектакли этого периода.

По идейной устремленности, по приемам и средствам раскрытия героической темы театры Свердловска оказались подготовленными и к участию оружием искусства в Великой Отечественной войне советского народа.

5.

Первыми спектаклями драматического театра дней Великой Отечественной войны были «Парень из нашего города» К. Симонова—пьеса, рассказывающая о духовном величии обыкновенного советского человека, о росте человеческих достоинств в момент исполнения воинского долга, «Фельдмаршал Кутузов» Вл. Соловьева, пьеса, которая продолжала жанр историко-патриотической драмы и показывала мужественный образ великого полководца, и «20 лет спустя» М. Светлова—героико-романтическое воспоминание о комсомольцах — участниках гражданской войны.

ТЮЗ выступает в это же время с пьесой «Продолжение следует» А. Бруштейн, раскрывающей истинное лицо фашистов—варваров и мракобесов, и с первым произведением о славных делах партизан и о ребятах, им помогающих, — с пьесой «Костя-партизан», написанной свердловской писательницей К. Филипповой, с исторической пьесой Евг. Пермяка «Ермаковы лебеди», написанной по одноименному сказу П. П. Бажова, рисующей перед зрителем образ русского патриота Ермака.

В 1914—1918 гг. русские театры и, как отмечали мы, в том числе екатеринбургский, как бы закрыли глаза перед лицом событий, надвигавшихся на них. Буржуазный кризис, распад, декаданс захватили и театр.

Советские свердловские театры с первых же дней Великой Отечественной войны, бесстрашно и мужественно подошли к отображению событий, которые надвинулись на нашу Родину в эти грозные годы. Эти события предстали перед нами в своем подлинном, неприкрашенном виде.

Героическое воодушевление вызывали персонажи пьес: «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука, «Офицер флота» А. Крона, «Под каштанами Праги» К. Симонова (поставлена после вой-

ны), показанных драматическим театром. Эта же тема страстной борьбы и героического подвига возникает в спектаклях, показанных ТЮЗ'ом — «Это было зимой» И. Келлера (первая пьеса о Зое Космодемьянской), «День живых» А. Бруштейн, «Сын полка» В. Катаева, «Старые друзья» Л. Малюгина, «Сказка о правде» М. Алигер (последние три спектакля поставлены уже в дни мира).

Раскрыть проблему труда в тылу попытался драматический театр в спектакле «Петр Крымов» К. Финна, а ТЮЗ в спектакле—«Василий Иванович» Е. Пермяка.

Созидательные тенденции нашей жизни открывались в спектаклях драматического театра «Профессор Полежаев» Л. Рахманова, «Так и будет» К. Симонова, а в ТЮЗ'е—в спектакле «Отчий дом» В. Катаева.

Историко-героические спектакли драматического театра были продолжены «Великим Государем» Вл. Соловьева, а ТЮЗ воспитывал самых маленьких своих зрителей на материале сказок «Хрустальный башмачок» Т. Габбе, «Иван Царевич» В. Гольдфельда и др., утверждавших победу сил добра и справедливости над злом и низостью.

Деятельность актеров и режиссеров в дни войны не ограничивалась только работой в стенах театра.

Крупный вклад театров Свердловска в фонд обороны страны состоял не только в спектаклях, не только в денежных взносах, но и в разносторонней общественной деятельности. Актеры драмы и ТЮЗ'а выезжали на фронт в составе концертных бригад.

Театры средствами искусства помогали заводам повышать производительность труда. В заводских клубах и непосредственно в цехах организовывались выездные спектакли и концерты. Здесь родились острые и меткие обозрения на конкретном злободневном материале того или иного предприятия. Не раз случалось, что люди, резко осмеянные в этих обозрениях за разгильдяйство, отставание, тут же выходили на сцену и давали обещания переломить себя и действительно начинали работать по-новому. Директор одного из крупных предприятий после выступления театральной бригады заявил: «Ваш приезд на завод—это десяток танков сверх плана». Можно ли лучше охарактеризовать действенность художественного труда!

Большое количество концертов было дано в госпиталях и в воинских частях, где кружками самодеятельности руководили артисты театров. В колхозах во время посевных, уборочных работ выступали бригады драматического театра и ТЮЗ'а.

Драматическим театром за годы войны было дано для воинских частей тыла и госпиталей 31 шефский спектакль, 694 концерта и 5643 палатных выступления, а ТЮЗ'ом 1693 концерта, 39 спектаклей, 1038 палатных выступлений и читок.

6.

Однако уже в самый последний период Великой Отечественной войны волна вредных настроений — «теория» отдыха после войны — захватила и драматический театр. В репертуаре театра появились поверхностные и легкомысленные произведения вроде: «Самолет опаздывает на сутки» Рыбака и Савченко, и незаконно большое место заняли пьесы зарубежных авторов.

Казалось бы, опыт прошлой истории театра и лучших спектаклей периода Отечественной войны учил, что рост театра связан с произведениями, горячо и смело врывающимися в жизнь, пропагандирующими политику советского государства, идущими не только вместе с жизнью, но и впереди ее.

Каждый раз, когда театр предавал забвению великое преобразующее значение искусства, когда он уходил от высокой и передовой идейности, когда в своих исканиях он опирался не на жизненный опыт, а на эффектный прием, не на правду жизни, а на имитацию жизни, он терпел поражение, связанное с данным спектаклем.

Так случилось с рядом спектаклей драматического театра сезона 1934—1935 гг.—с пьесой «Лес шумит» Пермяка, со спектаклем «Осада мельницы» (по Э. Золя и) рядом спектаклей 1944—1945 годов. Так было и в ТЮЗ'е, когда театр склонился к неверному взгляду на детский спектакль, как неполноценное произведение, или, когда в сезон 1934—1935 гг., уходя от советской действительности, ТЮЗ поставил «Мещанин во дворянстве» Мольера, «Зеленую птичку» Гоцци и «Дон Кихот» (по Сервантесу), которые превратились в пышные, стилизованные зрелища, лишенные глубокой мысли и социальной правды.

Так произошло и в отмеченный нами период, когда недооценка задач, вставших перед искусством в мирный период, затруднила развитие драматического театра, снизив его общественное воздействие.

Доклад тов. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», исторические постановления ЦК ВКП(б) о литературе, театре и кинематографии, указание в постановлении «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» на ошибки Свердловского драматического театра, в репертуаре которого в сезон 1945—46 гг. из 17 пьес только было 5, посвященных современной действительности, — определили новый этап в жизни всего советского театра и свердловских театров, в частности.

Новые спектакли Свердловского драматического театра, вышедшие после постановления ЦК ВКП(б),—«За тех, кто в море!» Б. Лавренева, «Русский вопрос» К. Симонова, «За Камой-рекою» В. Тихонова и «Победители» В. Чирскова говорят о решительном повороте театра к современности, о стремлении театра обогащать народ новыми идеями и вести его вперед.

Именно в этих спектаклях мы встречаемся с людьми передовой идейности, высоких моральных качеств. Но здесь история вплотную соприкасается с сегодняшними днями, ставя пределы нашему краткому сообщению.

Р. А. Райцына

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК О ГОРОДЕ ЕКАТЕРИНБУРГЕ*)

Д. Н. Мамин-Сибиряк не был специалистом-историком, но в его творчестве мы можем найти ценные и яркие материалы как по истории Урала в целом, так и по истории города Екатеринбурга.

Мамин-Сибиряк — художник зоркий социально. Ленин указывает: «В произведениях этого писателя рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения»[1]).

Д. Н. Мамин-Сибиряк родился и прожил на Урале 34 года, из них 15 лет в Екатеринбурге. Писатель любил свой край и много писал о нем. Все наиболее яркое и талантливое из написанного им посвящено родному Уралу. «Уральские рассказы», «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Золото», «Три конца», «Хлеб» и др. — созданы на уральской тематике. Неоднократно Д. Н. Мамин-Сибиряк писал и о Екатеринбурге, который он очень любил. «Дмитрий Наркисович до того восхищался Екатеринбургом, что даже в печати охарактеризовал его не только промышленным, но и умственным центром Урала», — пишет пермский журналист Остроумов[2]). П. Заякин передает такой разговор с Д. Н. Маминым-Сибиряком: «Я туда не поеду, — говорит Мамин, — там меня не читают... Ни в одном городе не расходится так мало моих книг, как в Екатеринбурге... Между тем, я больше других любил на родине этот город...»[3]).

Сам Мамин-Сибиряк пишет: «У каждого человека есть известная слабость — одному нравится Миргород, другому — Царево-Кокшайск, третьему Ардатов, а мне больше всех других городов — Екатеринбург. Если хотите это даже своего рода патриотизм—чувство похвальное в каком угодно смысле»[4]).

Екатеринбург выступает в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка и под собственным именем (публицистические корреспонденции, очерк «Екатеринбург», роман «Без названия», рассказ «Золотая ночь» и др.) и под названием г. Узла («Приваловские миллионы»), гор. Сосногорска («Общий любимец публики», «Пир горой» и др.) и Загорья («Верный раб» и др.).

Все материалы, имеющиеся в произведениях Мамина-Сибиряка и относящиеся к Екатеринбургу, можно разделить на следующие три группы.

---

*) Предварительное сообщение.

1) В. И. Ленин. «Развитие капитализма в России», 2 изд., т. III, стр. 379.

2) И. Остроумов. «Воспоминания о Мамине-Сибиряке», Свердгиз, 1936 г., стр. 93.

3) Заякин-Уральский. «Из бесед и личных впечатлений». Воспоминания о Мамине-Сибиряке, Свердгиз, 1936 г., стр. 156.

4) Газета «Волжский вестник» от 22 сентября 1885 г., № 220.

1. Высказывания публицистического характера: очерки-фельетоны «От Урала до Москвы», печатавшиеся в газете «Русские ведомости» за 1881—1882 гг., «Путевые заметки» — «От Зауралья до Волги», печатавшиеся в газете «Волжский вестник» за 1885 г., «Письма с Урала», опубликованные в газете «Новости» за 1884 год.

2. Материалы исследовательского характера: исторический очерк об Екатеринбурге, помещенный Д. Н. Маминым-Сибиряком в книге «Город Екатеринбург».

3. Материалы художественные. Сюда следует отнести все рукописные редакции и печатный текст романа «Приваловские миллионы», роман «Без названия», роман «Общий любимец публики», повести «Пир горой», «Доброе старое время», «Нужно поощрять искусство», рассказы «Верный раб», «Золотая ночь» и др.

Остановимся на характеристике каждой группы материала в отдельности.

1. Материалы публицистические

Даже при самом беглом просмотре газетных корреспонденций «От Урала до Москвы» и «От Зауралья до Волги», прежде всего, бросается в глаза то, что Мамин-Сибиряк прекрасно знает Екатеринбург, любит его, более того, любуется им. Именно с этого начинается первый очерк, посвященный Екатеринбургу. «...Взглянув на картину города, как на ладони раскинувшегося на протяжении нескольких верст, я в сотый раз залюбовался этой великолепной панорамой домов, садов, церквей и точно гревшегося на солнышке Ново-Девичьего монастыря»[1]). «...Вдали закутанный в сероватую дымку, развернулся убегающий из глаз красавец-город. Я всегда любуюсь видом Екатеринбурга с вокзала железной дороги, а теперь просто не мог оторвать глаз. Все это такое знакомое, близкое, дорогое — улицы, дома, сады... Прощай, милый город!»[2]).

Далее: «...Среди русских городов, по красоте своего местоположения, Екатеринбургу принадлежит не последнее место, если особенно обратить внимание на его живописные окрестности: Верх-Исетский завод, Уктус, Шарташское озеро»[3]).

Автор любуется не только городом в целом. В небольших по размеру очерках он подчеркивает красоту отдельных зданий — Харитоновского дома, вокзала и др. В газетной корреспонденции Д. Н. Мамин-Сибиряк подмечает ряд существенных особенностей города и, прежде всего, то, что Екатеринбург, как город — создание XIX века. Чтобы подтвердить это важное положение, обратимся к тексту: «...Хотя Екатеринбург основан в 1723 году, — пишет Д. Н. Мамин-Сибиряк, — но почти через сто лет, именно в 1817 году, в нем считалось всего около 4000 жителей (всех домов было 455, из них только два каменных). Следовательно, Екатеринбург в настоящем своем виде есть создание исключительно XIX века, как результат взаимодействия целой системы причин: развития горного дела, золотопромышленности,

---

1) «От Урала до Москвы», газ. «Русские ведомости» за 1881 г., № 276.
2) «От Зауралья до Волги», газ. «Волжский вестник» за 1885 г., № 220.
3) «От Урала до Москвы», газ. «Русские ведомости» за 1881 г., № 276.

торговли, ремесел и т. д. Уральская железная дорога будет последним словом для Екатеринбурга, она даст ему возможность развернуть свои производительные силы во всю ширину»[1]).

Мамин-Сибиряк подчеркивает и другую характерную особенность Екатеринбурга — его энергичный ритм, напряженную деятельность. «Что-то полное деятельности, энергии и предприимчивости чувствовалось в этой картине города с 30-тысячным населением, заброшенного на рубеже между Европой и Азией»[2]).

И толпа в этом бойком городе тоже своеобразная, смешанная, разношерстная, яркая: «...Толпа представляла из себя самую пеструю картину: были тут и горные инженеры, и адвокаты, и тузы золотопромышленники, и купцы, и студенты, всякого жита по лопате»[3]).

Основные мысли Д. Н. Мамина-Сибиряка о Екатеринбурге: красивый город, город, созданный в XIX веке, город деятельный, бойкий, город своеобразных оригинальных людей — мы встречаем в этих газетных очерках, где все изложено кратко, сжато, ярко и талантливо. Это пока только еще наметки, наброски, к которым Мамин-Сибиряк обратится потом, чтобы развернуть их в дальнейшем в очерке «Екатеринбург» и в своих выдающихся художественных произведениях.

2. Исследовательские материалы

К этой группе относится исторический очерк «Город Екатеринбург», который был написан Д. Н. Маминым-Сибиряком по специальному заказу городского головы И. И. Симанова. То, что Симанов обратился к Мамину-Сибиряку, вполне естественно и закономерно.

В 1887 году уже вышли в свет «Уральские рассказы», «Приваловские миллионы», «Горное гнездо» и др. Имя Мамина-Сибиряка стало известным далеко за пределами Урала. Но гораздо интереснее то, что заказ Симанова соответствует внутренним задачам писателя. Мамин любит свой родной город, как и вообще Урал, и довольно охотно дает зарисовки уральских городов. В его творчестве мы можем найти материалы о Перми, Чердыни, Тагиле... Причем, всегда эти, даже небольшие по размеру, зарисовки сделаны тщательно, со вкусом, с большим знанием того, о чем пишет автор. Мамин-Сибиряк относился к таким работам крайне серьезно. Характерно в этом отношении его письмо к Н. В. Попову. Попов, видимо, ждал от Мамина-Сибиряка очерка о Чердыни. Мамин-Сибиряк пишет: «Не подумайте, что за несколько часов моего пребывания в Чердыни я подмахну целое описание этого города «во всех отношениях» — описание будет, но самое коротенькое... Делаю эту оговорку, чтобы вы не совместили меня с Немирович-Данченко и К°...»[4]).

Очень серьезно отнесся к работе над очерком Мамин-Сибиряк и в этот раз. Он привлек большое количество различных источников (более 20), охотно пользуется рассказами старожилов, даже выражает

---

[1]) «От Урала до Москвы», газ. «Русские ведомости» за 1881 г., № 276.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

[4]) Письмо к Н. В. Попову от 1 июля 1888 г.

в примечании «признательность» тем лицам, которые делились с нами своими воспоминаниями о екатеринбургской старине»[1]).

Основная мысль, которая то прямо, то под текстом идет от начала до конца очерка, это утверждение — Екатеринбург — счастливый город, счастливый потому, что это город будущего, город, созданный талантливыми людьми, это сердце Урала, «живой узел», завязанный рукою Великого Петра на Урале. Уже в эпиграфе Мамин дает авторское указание именно на эту центральную тему. Эпиграф гласит: «Город есть живой узел разнообразных народных связей и отношений; он на самом деле является как бы сердцем той страны, где возникает и вырастает».

Далее эта мысль развивается в тексте очерка:

«По народной примете, счастливые люди родятся в сорочке, мы позволяем перенести это сравнение на Екатеринбург, который в ряду других русских городов занял с первого дня своего появления на божий свет совершенно исключительное место»... «...В пестрой среде русских городов Екатеринбург является действительно «живым узлом», особенно по сравнению с другими городами, историческая роль которых, как сторожевых военных или торговых пунктов, давно кончилась. Петровское время строило немного, но зато петровские города носят в себе совершенно своеобразный отпечаток, точно на них отразились гениальные замыслы великого царя-преобразователя. Екатеринбург является именно таким петровским детищем, окрещенный именем его любимой жены, хотя собственно городом Екатеринбург сделался в 1781 году, в царствование Великой императрицы Екатерины второй»[2]).

И далее, уже в заключении: «...Екатеринбург... представляет редкое исключение, являясь действительно «живым узлом» целой области, вот в чем, по нашему мнению, заключается характерная особенность физиономии Екатеринбурга, как города»[3]).

Последние заключительные строки очерка снова повторяют эту центральную мысль, буквально совпадая с текстом эпиграфа: «Мы заканчиваем нашу статью тем, с чего начали, именно, пожелаем же Екатеринбургу, чтобы он сделался действительно сердцем неистощимых сокровищ Урала»[4]).

Мамин-Сибиряк четко выделяет еще одну особенность Екатеринбурга, указывая: «Прежде всего, нужно сказать то, что Екатеринбург был единственным **горным** городом всей России, и весь склад его жизни выстроился по специальному уставу»[5]). Мамин подчеркивает необычайную силу власти, сосредоточенную в руках горного начальника. Он называет его «горным царем».

Многие склонны считать очерк Мамина-Сибиряка о Екатеринбурге только художественным, может быть даже потому, что он написан ярким, сочным языком и читается как хорошая художественная проза. Но это очерк исследовательского порядка: Мамин-Сибиряк стремится дать материалы познавательные. Показывает в очерке большой от-

---

1) М. Сибиряк. «Город Екатеринбург». Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу. Изд. екат. городского головы И. Симанова. Екат. стр. 2:
2) Там же.
3) Там же, стр. 54.
4) Там же, стр. 57.
5) Там же, стр. 35.

резок времени истории города (с возникновения города по 80 г. XIX в. включительно). Делает попытку дать периодизацию в истории города, наметить основные вехи его жизни. И нужно признать колоссальную силу таланта Д. Н. Мамина-Сибиряка, его замечательную прозорливость, чтобы не удивляться тому, насколько верную характеристику дает писатель целому ряду фактов в истории города.

Д. Н. Мамин-Сибиряк, не будучи историком, сумел довольно правильно подойти к выяснению исторической действительности и тех закономерностей, на основании которых развивалась история города. Именно в этом секрет того, что очерк, написанный 70 лет тому назад, не утратил и до сих пор своей силы и свежести, своего значения.

Но кроме этого в очерке есть еще одна интересная черта, которая показывает, насколько устойчивы были для Мамина все положения, высказанные им в очерке. Любой тезис, изложенный в очерке, находит свое художественное выражение в его романах, повестях, рассказах, местом действия которых является Екатеринбург.

3. Материалы художественные

Екатеринбург, как столица, центр Урала — бойкий промышленный город сибирского склада, ярко и талантливо обрисован писателем в целом ряде художественных произведений.

«Екатеринбург — бойкий, промышленный город уже сибирского склада»[1]), «... бойкий и веселый город, в котором жизнь бьет ключом»[2]). Эпитет «бойкий» неот'емлем у Мамина-Сибиряка от характеристики города независимо от имени, под которым фигурирует город Екатеринбург в его произведениях. Характерно, что в романе «Приваловские миллионы», над которым Мамин-Сибиряк работал 10 лет, в тексте которого, в процессе работы автора, производились серьезные изменения,—одно остается неизменным — это место действия (бойкий город) и мнение об этом месте Мамина-Сибиряка. В третьей редакции романа, называющейся «Каменный пояс», мы читаем: «Привалов долго и внимательно рассматривал из своего окна расстилавшийся внизу Сибирский бойкий город»[3]). Это определение развернуто в романе «Приваловские миллионы». «Вообще вид на город был очень хорош и приятный для глаз пестрил своими садами и ярко расписанными церквами. Это был бойкий сибирский город, совсем не походивший на своих «российских» братьев. Видно, что жизнь здесь кипела ключом на каждом шагу. В густом сосновом бору, который широким кольцом охватывал город со всех сторон, дымилось до десятка больших фабрик и заимок, а по течению Узловки раскинулись дачи местных богачей»...

Тема Екатеринбурга, как горного города, как центра большой горнозаводской области звучит во многих других произведениях Мамина-Сибиряка, как доминирующая, когда писатель обращается к характеристике Екатеринбурга 30—60-х годов 19 века.

«...С самого начала Сосногорск сделался центром горнозаводской деятельности... Он являлся центральным пунктом, к которому тянулись

---

1) М.-Сибиряк. «Золотая ночь», изд. т-ва Маркс, Петроград, 1915, т. 8, стр. 129.

2) Там же, стр. 130.

3) М.-Сибиряк. «Каменный пояс». Приложение к роману «Приваловские миллионы», изд. Свердгиз, 1937, стр. 387.

все горные заводы, промысла, торговля. Благодаря этому, жизнь складывалась почти на столичную ногу».

Екатеринбургу с 40-х годов — горному городу — крепости, где «горное дело велось военной рукой», и его «горному царю» Глинке — посвящен талантливейший рассказ «Верный раб».

История открытия и добычи сибирского золота екатеринбургскими промышленниками и их борьба с коренными сибиряками изображена в повести «Пир горой». Добыча уральского золота показана в рассказе «Золотая ночь».

Мамин-Сибиряк отмечает выдающиеся культурные события жизни города, появление первой газеты, открытие театра. Первому екатеринбургскому театру, о труппе которого, в особенности о его антрепренере Соколове, Д. Н. отзывается с большой похвалой, посвящена повесть «Доброе старое время». Екатеринбургскому театру более позднего времени посвящена повесть «Нужно поощрять искусство» и т. д.

И хотя кое-что из сказанного уже устарело в наши дни и не все верно, следует признать, что любовь Д. Н. Сибиряка к городу Екатеринбургу и богатейшее знание жизни города дали возможность писателю правильно выделить, отметить и оценить целый ряд фактов истории города, правильно предсказать городу его прекрасное будущее.

Вот почему нам кажется, что при написании научной истории города необходимо также учесть те ценные указания по истории Екатеринбурга, которые можно отыскать в творчестве талантливого уральского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка.

А. А. Анфиногенов

УРАЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

(Краткая справка)

Расположенный в том месте Урала, которое представляет собой как бы ворота из Европы в Сибирь, Екатеринбург вскоре после возникновения сделался центром промышленной, торговой и культурной жизни края. К этому центру тяготели культурные силы, призванные сюда необходимостью освоения природных богатств. Начиная с экспедиций Беринга—Гмелина, Паласса—Лепехина, крупные научные силы посещают Екатеринбург, останавливаясь здесь подолгу, изучая и описывая природные богатства Урала. Ближайшими помощниками путешественников являются местные знатоки края от рудознатца-горщика до потомка «птенцов гнезда Петрова»—горного деятеля.

С развитием уральской промышленности Екатеринбург становится важнейшим транспортным узлом. Расположенный на большом Сибирском тракте, в центре уральских заводов, Екатеринбург является проводником уральских и сибирских товаров в Европу и обратно — в Сибирь и на заводы. В Екатеринбурге сосредоточиваются предприимчивые деятели, купцы, ремесленники. Выдающиеся ученики горной школы, окружного и уездного училища, пройдя скромную «науку» в Екатеринбурге, едут в Академию художеств, в Казанский университет, Горный институт и, возвратившись в Екатеринбург, работают в мастерских Монетного двора, в учреждениях, на гранильной фабрике, в госпиталях, распространяя полученные знания. Таковы—медальер екатеринбуржец П. Л. Брусницын, механик Рожков, историк Н. К. Чупин, врачи Вагнер, Миславский и многие другие.

В 1836 году в Екатеринбурге учреждается магнитометрическая обсерватория. Уже в 1840 году инженеры читают научно-популярные лекции в уездном училище, преподаватели которого ведут метеорологические и фенологические наблюдения, проводят статистические работы. В 1843 году появляется первый стационарный театр. В 1847 году открывается Уральское горное училище, инспектором которого, затем управляющим становится крупнейший знаток Урала Н. К. Чупин. К нему устремляются все, кому нужна какая-либо справка об Урале. В Екатеринбурге существуют уже две библиотеки: горная, ведущая начало от библиотеки В. Н. Татищева, другая — частная Наумова; существует небольшая типография. В конце 60-х годов образуется небольшой кружок, в который входят: Н. К. Чупин, О. Е. Клер, доктор А. А. Миславский, зоолог Л. П. Сабанеев, зоолог В. Д. Аленицын и другие. Кружок выработал устав «Уральского общества любителей естествознания». Подписанный главным начальни-

ком уральских заводов А. А. Иоссой, устав 28 сентября 1870 года был утвержден министром народного просвещения, а 29 декабря того же года состоялось первое заседание нового общества.

Еще до открытия общества появились добровольные корреспонденты—геолог Шуровский из Москвы, Сабанеев из Метлино, которые посылали обществу свои наблюдения. Общество открылось при 68 членах-учредителях и 14 членах-корреспондентах. Это количество к 25-летию существования общества возросло до 441 человек. Значительный приток членов общества дали постройка Уральской горнозаводской и Екатеринбург-Тюменской железных дорог и Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка 1887 года. Вообще же число членов непрерывно возрастало и к 1914 году достигло 539 человек. Среди членов общества были академики: А. П. Карпинский, Н. И. Кокшаров, М. А. Мензбир, К. С. Веселовский, К. А. Тимирязев, геологи И. В. Мушкетов, Ф. Н. Чернышев и другие. Член общества писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк передал в 1891 году обществу 93 рукописи своих произведений и 12 листов отдельных заметок. Исследователь быта манси и ненцев К. Д. Носилов, библиограф Д. Д. Смышляев, этнограф-самоучка А. И. Зырянов; врачи Рудановский, Котелянский, Русских были деятельными членами общества. Священник—миссионер Г. И. Левицкий пожертвовал обществу обширную коллекцию предметов быта Китая, Японии, Явы. Священник-математик, член-корреспондент многих академий наук К. М. Первушин и многие другие работали наблюдателями метеорологических постов, Общество имело членов среди ученых Швейцарии, Англии, Франции, Америки, Австралии.

Многие члены общества ставили научные доклады, принимали деятельное участие в создании библиотеки и музея. Большое участие общество принимало в проведении международных конгрессов: оно участвовало в VII Геологическом конгрессе, проходившем в России в 1898 г., в Канадском—в 1917 г., конгрессе доисторической археологии во Франции, в зоологическом конгрессе в Граце и других.

Общество посещали многие всемирно-известные ученые. В 1875 году профессор Траутшольд определял палеонтологические коллекции музея общества. В том же году общество посетили астрономы: Кулеберг и Шарнгорст, зоолог Брэм. Русские ученые Карпинский, Мушкетов, Ферсман и другие неоднократно посещали общество. Член шведской полярной экспедиции Норденшильд 20 октября 1845 года читал в обществе доклад о результатах исследования Северного морского пути. В 1913 году Фритьоф Нансен делал доклад о том же пути.

С 1873 года общество начинает выпускать «Записки», состоявшие вначале из протоколов заседаний с приложением заслушанных докладов. Позднее «Записки» содержали ряд ценных научных статей. С первых же лет издания статьи «Записок» переводились на французский язык. Н. К. Чупин дал для «Записок» перевод с французского языка статьи спутника Гумбольдта Роза (описание путешествия по Екатеринбургу и его окрестностям), редактировал ряд научных статей и снабжал их своими примечаниями. Выход «Записок» на двух языках дал возможность обществу, путем обмена с научными организациями всего мира, создать богатую библиотеку. В 1910 году общество обменивалось «Записками» с 300 научными учреждениями как русскими, так и иностранными.

Создание библиотеки и музея было одной из главных заслуг общества.

Вскоре после открытия общества начали поступать в библиотеку труды его членов и пожертвования книгами. В 1874 году член общества Висковатов прислал из Петербурга 64 тома редких и ценных книг. Чупин жертвовал книги и свои статьи; после его смерти сюда же была передана его библиотека. Наследники лингвиста и переводчика Тацита А. И. Кронеберга передали обществу его обширную библиотеку. Библиотека росла, и к 1916 году фонды ее насчитывали до 56 тысяч томов.

Еще до открытия общества начали поступать экспонаты для музея. Сотрудники собирали гербарий, энтомологические и зоологические коллекции, вели археологические раскопки. В создании музея с первых дней его существования принимали деятельное участие воспитанники гимназии и реального училища: Машанов, Малахов, Надвинский и другие. Впоследствии, будучи уже студентами или на службе, многие из них не порывали связи с обществом и его музеем и были деятельными членами общества. В 1907 году член общества П. И. Тарасов пожертвовал коллекцию из 2348 монет 1700—1900 годов. Член общества, владелец Сысертских заводов Д. П. Соломирский был жертвователем музея, в течение ряда лет лично следил за сохранностью зоологических коллекций. В 1884 году члены общества подняли вопрос об организации в Екатеринбурге Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки. Общество горячо откликнулось на предложение, и выставка была открыта 15 июля 1887 года. По закрытии выставки значительная часть экспонатов и витрин поступила в музей. 24 декабря 1888 года музей был открыт для посетителей. В 1914 году в музее было до 30 тысяч предметов, а число посетителей музея превышало 50 тыс. человек.

Приютившись в начале своего существования в одной из комнат обширного здания гимназии, общество в конце 70-х годов получило от горного ведомства помещение бывшей лютеранской церкви, а после выставки заняло значительную часть того дома, в котором сейчас помещается краеведческая библиотека. В 1911 году общество приступило к подготовке постройки здания, в 1915 году городская управа отвела ему бесплатно место, занятое теперь гостиницей «Большой Урал». Архитектор Федоров составил проект здания музея стоимостью по смете более 400 тысяч рублей. Была произведена закладка здания, но постройка его не осуществилась.

Бюджет общества, вначале состоявший из 412 рублей членских взносов, возрос к 1915 году до 17 тысяч рублей. Но, как и прежде, члены общества работали безвозмездно, оплачивались лишь низшие служащие, счетоводы, библиотекари и др.

С первых же дней деятельности общества была организована метеорологическая комиссия и сеть наблюдательных постов. Наблюдателями были сельские учителя, служащие приисков и другие. В обработке поступающего материала принимали участие О. Е. Клер, наблюдатель обсерватории, бывший ученик Уральского горного училища Мельников и другие. С переходом обсерватории из горного ведомства к Пулковской обсерватории, материалы обрабатывались научными работниками обсерватории. Метеорологические бюллетени и картограммы печатались в «Записках» общества. Сеть корреспондентов-наблюдателей росла и к 1915 году достигла 172 человек. В 90-х годах

общество положило начало фенологическим наблюдениям, которые в то время велись членом общества З. Ф. Мостовенко.

Летом 1874 года состоялась первая экскурсия членов общества на малоизвестное тогда Чортово городище. Экскурсии с привлечением широкой общественности проводились с 1906 года. Особенно широко развилось экскурсионное дело в 1908—1912 годах.

В 1896 году при обществе начала работать минералогическая мастерская, снабжавшая минералогическими коллекциями учебные заведения всей России и выпускавшая к 1914 году свыше 1000 коллекций в год. В 1891 году открылась Пермская комиссия общества в составе 31 члена, организовавшая в 1892 году научно-промышленный музей.

Комиссия по распространению естественно-исторических знаний в 1899 году организовала мастерскую учебных пособий и передвижной музей, из которого ежегодно выдавалось в учебные заведения Екатеринбурга до 6 тысяч предметов.

В 1908 году общество провело анкетное обследование зауральских озер, а в 1913 году открыло рыбоводную станцию на озере Аракуль. С тех пор рыболовство стало развиваться, а после Великой Октябрьской социалистической революции оно перешло в ведение советских государственных учреждений. Теперь мы имеем на рынке такие высокие сорта рыб, как рипус, чудской сиг, зеркальный карп, которых не знал старый Урал.

В 1914—16 годах обществом было предпринято анкетное обследование минеральных источников и озер. Совместно с земствами проведены были полевые работы по обследованию свыше 700 уральских озер. В 1896 и 1909 годах общество подняло вопрос об открытии горного института на Урале, но этот институт был открыт лишь в начале 1917 года.

* * *

За «Уральским обществом любителей естествознания» установилась репутация одного из крупнейших и авторитетнейших научно-исследовательских учреждений не только Урала, но и всей страны. Не случайно его называли «Уральской академией наук». Вокруг общества об'единялись не только краеведы, но и крупные специалисты и ученые, как местных, так и центральных учреждений. Общество ставило своей задачей всестороннее изучение живой и неживой природы, антропологии, этнографии, археологии и т. п., то есть всего комплекса тех вопросов, которые вообще были предметом изучения Урала. Вокруг общества росла молодая общественность, воспитывались поколения людей, преданных делу изучения края, собирались и обрабатывались научно-исследовательские материалы.

После Октябрьской революции перед Уральским обществом любителей естествознания, или, как его стали называть, УОЛЕ встали новые задачи, новый цикл научно-исследовательских вопросов. В апреле 1921 года УОЛЕ созвало первый краеведческий с'езд для обсуждения вопросов положения местных музеев после разрухи и гражданской войны, а в октябре 1924 года—второй с'езд для решения ряда организационных и методических вопросов. Этот последний с'езд постановил организовать об'единяющий и планирующий краеведческую работу орган — Уральское областное бюро краеведения (УОБК). В УОЛЕ были созданы новые комиссии: культурно-просветительная, члены которой читали научно-популярные лекции, энтомологическое бюро с пчеловодной секцией, фитопатологическое бюро, природоохра-

нительная комиссия, фенологическая секция с сетью корреспондентов до 500 человек, комиссия «Старый Екатеринбург—новый Свердловск» и др. Была расширена минералогическая мастерская. В то же время в Екатеринбурге—Свердловске возник ряд отраслевых научно-исследовательских институтов, к которым перешла часть функций УОЛЕ. В 1925 году музей УОЛЕ выделился в самостоятельную государственную единицу, к естественно-историческому отделу которой было прикреплено УОЛЕ. Значительно позднее (в 1936 году) из фондов музея создана Свердловская картинная галлерея, а на базе переданных Д. Н. Маминым-Сибиряком рукописей и реликвий в 1940 году организовался литературный музей им. Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Пчеловодная секция УОЛЕ издавала журнал «Пчела и пасека», энтомологическое бюро выпустило ряд методических указаний. По инициативе природоохранительной комиссии были созданы Свердловский зоопарк и Кондо-Сосьвинский бобровый заповедник, в контакте с обществом охотников организован ряд заказников. При УОЛЕ была организована библиографическая комиссия, подготовившая издание трудов Н. В. Здобнова и П. П. Макарова по библиографии Урала. Уральское областное бюро краеведения выпустило ряд методических указаний, два сборника «Уральское краеведение», издавало «Информационный бюллетень краеведческой работы».

По ликвидации Уральского областного бюро краеведения, 21 декабря 1934 года в Свердловске было организовано «Общество изучения Свердловской области» (ОИСО), к которому перешла минералогическая мастерская и секция УОЛЕ. Общество изучения Свердловской области открыло киоск краеведческой литературы, издало фенологическую карту Урала, провело геологический поход юных исследователей природы и анкетное обследование месторождений полезных ископаемых. В середине 1936 года ОИСО организовало на базе коллекций бывшего Уральского политехнического института Свердловский ботанический сад, к которому, по ликвидации ИОСО, перешла мичуринская секция общества. Лесохимическая секция этого общества выделилась в самостоятельную единицу—Свердловскую научно-исследовательскую лесохимическую станцию. Минералогическая мастерская была передана тресту «Русские самоцветы».

В 1939 году в Свердловске организовался Областной совет краеведения. В деятельности совета в трудные годы Великой Отечественной войны необходимо отметить организацию Исетского заказника в районе Чортова городища и озера Песчаного и отделения Всесоюзного географического общества.

Еще в 1900 году был поднят вопрос о создании на Урале сети высокогорных гидрометеорологических станций. Теперь работают две такие станции—на Таганае и Полюдовом камне. Новой пятилеткой намечено создать 20 высокогорных станций, из них две станции на Яман-Тау и на Денежкином камне.

История Уральского общества любителей естествознания еще никем не написана, не затронуты и богатые архивы его. Неясна картина возникновения общества. Следы последних дней деятельности его теряются в литературных источниках 1928—1930 годов. Задача историков—заняться разработкой архивов «Уральского общества любителей естествознания» и дать полную картину деятельности этого учреждения.

УЧАСТИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА ВО ВСЕРОССИЙСКОМ СОЮЗЕ ГОРОДОВ

Сообщение С. М. Бабушкина*) было посвящено совершенно неизученному вопросу истории Екатеринбурга периода первой империалистической войны. Автор использовал интересные и ценные материалы, хранящиеся в Свердловском областном государственном архиве (ф. 62, дела №№ 624, 811 и др.).

Город Екатеринбург к Всероссийскому союзу городов присоединился 31 августа 1914 года. Местный комитет Всероссийского союза городов в Екатеринбурге был организован 27 сентября 1915 года. В состав комитета вошла верхушка торгово-промышленной буржуазии города. В своей деятельности местный комитет был подчинен Петроградскому областному комитету.

Екатеринбургский местный комитет организовал и открыл в городе несколько лазаретов. К первому января 1918 года у комитета имелось 725 коек, из них 673 содержались за счет Всероссийского союза городов и 53 койки — на благотворительные суммы. В это время на излечении в лазаретах находилось 1843 человека.

При комитете было организовано несколько отделов: врачебно-санитарный, ведавший оборудованием лазаретов, обеспечением их медикаментами и перевязочными средствами; отдел помощи беженцам, который оказывал материальную помощь беженцам, устраивал их на работу, открывал для детей школы и т. п. Всего местный комитет израсходовал за период своей деятельности по разным отделам 434396 рублей.

Екатеринбургский комитет Всероссийского союза городов был политической организацией буржуазии. Уральская буржуазия полностью разделяла политические взгляды и чаяния всей русской буржуазии: «Буржуазия, — указывается в «Кратком курсе Истории ВКП(б)», — добилась во время войны большого влияния на государственные дела, создав свою всероссийскую организацию — союзы земств и городов»[1]).

Свое политическое лицо Екатеринбургский местный комитет полностью обнажил во время обсуждения резолюции Московской городской думы по поводу создания правительства доверия. Он присоединился к резолюции Московской городской думы.

До конца раскрылась политическая сущность местного комитета после перехода власти в руки Советов. Комитет перешел в лагерь контрреволюции. Большинство его членов вошло в состав контрреволюционного временного правительства Урала.

---

*) Сообщение студента 2 курса историко-филологического факультета С. М. Бабушкина печатается в реферативной форме.

[1]) «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 164.

М. М. Степанович

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИ ЗАКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ

Дело, начатое по инициативе кафедры истории народов СССР нашего университета, — очень большое и нужное дело. Поэтому оно нашло горячий отклик и было поддержано широкой общественностью. Наша конференция положила начало созданию научной истории города Екатеринбурга — Свердловска.

Я считаю своим долгом искренне благодарить кафедру истории народов СССР, ее руководителя доцента тов. М. А. Горловского и заведующего кафедрой факультета журналистики тов. А. Н. Пятницкого, которые немало сделали для развития своей инициативы по созыву этой конференции, как пролога огромной работы по созданию впервые научной истории нашего города. Эта работа вышла далеко за рамки университета.

Считаю необходимым также отметить от имени общественных организаций университета большую помощь, оказанную редакцией газеты «Уральский рабочий», ее работниками и, особенно, ответственным редактором тов. Е. Я. Багреевым, который не только активно поддержал почин университета, но, начиная с постановки вопроса в газете, до конца — до созыва конференции — последовательно помогал его осуществлению и принял деятельное участие в работах конференции.

Особенно следует благодарить за помощь и поддержку замечательного патриота Урала, свердловчанина, 58 лет живущего в нашем городе, народного избранника — депутата Верховного Совета СССР, талантливого уральского писателя, Павла Петровича Бажова, который несмотря на свои преклонные годы, нашел время и силы, чтобы принять самое активное участие и в организации конференции, и в ее работах. Это человек — большой русской души. Очень многому следует учиться нашей молодежи у таких людей, которые, не взирая на возраст, считают нужным приложить свою опытную руку, находят время, чтобы помочь большому государственному делу.

Создание истории Екатеринбурга — Свердловска — не только важная политическая задача, но и почетное, увлекательное дело. Наш город выгодно отличается от многих других. Он имеет богатейшие данные для раскрытия великих идей Ленина и Сталина об индустриализации страны, ленинско-сталинского учения о ликвидации противоположности между городом и деревней, о ликвидации противоположности между трудом физическим и умственным. Огромный интерес представляет опыт нашего города в области подготовки кадров, создания новой, социалистической интеллигенции. На примере роста материального уровня трудящихся Свердловска, его благоустройства можно наиболее ярко показать значение забот нашей партии, Центрального комитета и

лично товарища Сталина о повышении благосостояния всего советского народа.

Бурный индустриальный и культурный рост Свердловска в социалистическую эпоху убедительно показывает преимущества советского строя, его подлинно народный характер.

На примере Свердловска следует как можно полнее, лучше, всестороне показать величайшие социалистические завоевания нашего народа, — возможности, заложенные в преимуществах нашего советского строя, открывающие широкие перспективы для нашего быстрого продвижения вперед по пути строительства коммунистического общества.

Мне кажется, что в докладах еще не полностью раскрыты идеи партии, идеи товарища Сталина об индустриализации страны, о воспитании совершенно новых людей, новых кадров, совершенно нового рабочего класса, новой, невиданной еще в истории, народной интеллигенции. Недостаточно освещена в докладах и сообщениях революционная роль рабочего класса в преобразовании города, — города, который носит почетное имя одного из виднейших организаторов партии, ближайших соратников Ленина и Сталина — Якова Михайловича Свердлова, — города, в котором жили и работали товарищи А. А. Андреев и Н. М. Шверник — теперь видные деятели партии и советского государства. Недостаточно показано и влияние Свердловска на переделку прилегающих к нему районов области.

История Свердловска — это кипучая борьба партийной организации и, под ее руководством, всех трудящихся города за осуществление идей Ленина и Сталина о строительстве социализма. Дела нашего города — это ярчайшие документы победившего социализма в нашей стране. Это — блестящая иллюстрация преобразующей силы идей марксизма — ленинизма в действии. Это — блестящие образцы трудолюбия, творческой инициативы, трудового героизма свердловчан, работы на себя, на благо и счастье нашей любимой Родины.

Свердловск — подлинный город-труженик, город-воин. Он очень много достиг в прошлом и еще больше сделал в трудные годы Великой Отечественной войны. У него замечательное будущее. Ему еще многое предстоит сделать. Творческая инициатива Свердловска во многих делах заслуживает того, чтобы ее осветить научно, по-сталински.

Товарищ Сталин не раз высоко оценивал инициативу Урала и уральцев в социалистическом строительстве и в делах, направленных на разгром врага в период Великой Отечественной войны. В 1929 году на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин привел пример инициативы уральцев в организации хлебозаготовок путем так называемого урало-сибирского метода, получившего затем признание в масштабах всей страны, — метода самообложения. Товарищ Сталин обращал внимание на умение рабочих Урала во-время подхватить инициативу в развитии вширь и вглубь стахановского движения. Высокую оценку дал товарищ Сталин роли Урала в Великой Отечественной войне, назвав Урал надежным арсеналом Красной Армии. И, вместе с тем, товарищ Сталин всегда подчеркивал большое значение, огромный удельный вес Урала в индустриализации, в народном хозяйстве страны. «Чего только нет на Урале!», говорил товарищ Сталин, указывая на неисчерпаемые природные богатства Урала. Это обязывало нас, свердловчан, и прежде и не менее обязывает теперь максимально использо-

вать богатства для блага народа, для дальнейшего укрепления могущества нашей Родины.

На Урале и, в частности, в Свердловске много замечательных достижений, на примере которых можно воспитывать трудящихся, особенно нашу молодежь. Здесь под руководством нашей партии воспитаны тысячи замечательных патриотов, которые в годы Великой Отечественной войны являли примеры безграничной любви к Родине, патриотизма, героизма не только в тылу, но и на фронте. Будучи на фронте, мне неоднократно приходилось наблюдать, как уральцы относились к выполнению важных оперативных боевых заданий. «Уральцы бьются здорово» — эти крылатые слова стали общепризнанной характеристикой храбрости, стойкости, выносливости, героизма бойцов и командиров — уральцев. Можно смело сказать, что не было таких боевых заданий, которые славные сыны Урала считали бы для себя невыполнимыми. Часто приходилось слышать: «Мы уральцы; нам не к лицу бояться трудностей, — раз сказано: надо сделать — будет сделано! Уральцы не подкачают!». Имена многих уральцев покрыты неувядаемой славой на полях сражений.

Наша задача—воспитывать эти лучшие качества советских людей в массах трудящихся, воспитывать для новых героических дел советский патриотизм — эту, как говорит товарищ Сталин, животворную силу советского общества.

Эта животворная сила нужна нам для выполнения величественного плана послевоенной пятилетки, для дальнейшего укрепления мощи нашего государства, для развития нашей науки, для дальнейшего процветания всей нашей страны, каждой республики, края, области, каждого города и, в частности, нашего города — Свердловска.

Университету выпала большая честь — стать инициатором создания научной истории Екатеринбурга — Свердловска. Коллектив университета должен сделать и сделает все, чтобы оправдать ее, выполнить взятые на себя обязательства.

Научный коллектив — будущие составители исторической монографии—должны собрать все наиболее типичное для истории города и, в первую очередь, все то, что характеризует труд наших замечательных людей, — все факты, наглядно показывающие осуществление, воплощение в конкретных делах идей нашей партии, идей великого Сталина во всех областях социалистического строительства: и по линии выполнения планов реконструкции города, его индустриального развития, и по линии коммунального хозяйства и благоустройства, и по линии развития культуры: школ, вузов, театров и пр. Составители монографии должны на убедительных примерах показать, как партийная организация города успешно преодолевала все трудности. Они должны показать, что успехи были завоеваны в беспощадной борьбе с врагами.

На конференции довольно много говорили о развитии коммунального хозяйства города. Зато несколько в тени, не считая упоминания в одном из докладов, осталась большая работа, непосредственно связанная с разрешением проблемы о ликвидации противоположности между городом и деревней. Я имею в виду роль, которую сыграл наш город в электрификации сельской местности. Свердловск дал электрический ток не одной тысяче колхозов области, и Свердловская область в электрификации деревни заняла одно из первых мест среди областей Советского Союза. Мне кажется, что это крупнейшее событие должно найти широкое освещение в научной работе по истории города. В исторической

монографии необходимо отобразить, как выполнялись и выполняются заветы великого Ленина, мечтавшего видеть деревню электрифицированной, показать, как много сделано и делается под руководством партии, товарища Сталина в области социалистического преобразования деревни, в поднятии ее экономического и культурного уровня не только с помощью тракторов и комбайнов, но и при помощи электрификации, организации электропахоты, электромолотьбы и т. д. Могучая индустрия, созданная в Свердловске и области по инициативе товарища Сталина, сыграла большую роль в преобразовании деревни: ее роль особенно возрастает в связи с выполнением исторических решений февральского пленума ЦК ВКП(б) 1947 года о мерах под'ема и развития сельского хозяйства.

Вот именно на примере решения таких вопросов можно ярче всего показать величие труда нашей партии, ее организующую и мобилизующую роль в социалистическом преобразовании как города, так и деревни. Разрабатывая вопросы истории в таком плане, мы лучше раскроем величественный образ нашего русского народа — старшего брата народов, населяющих наше многонациональное государство.

Нельзя не отдавать себе отчета в том, что создание научной истории Екатеринбурга — Свердловска — задача нелегкая. Нельзя представлять себе дело так, что в этой работе, будет, как говорят, все гладко. Немало препятствий встретится и у инициаторов, и у постоянной комиссии, которая, очевидно, будет конференцией создана, и у всех тех, кто захочет помочь этому делу. Но трудности не должны нас смущать. Я не сомневаюсь, что поставленную задачу мы решим успешно и прежде всего потому, что над решением ее работают вместе большевики партийные и непартийные. А большевики трудностей не боятся, смело идут им навстречу; трудности еще больше их закаляют, придают им настойчивость и упорство в труде.

Инициативу университета по созданию научной истории города одобряют и поддерживают городской и областной комитеты партии.

Научный коллектив, работающий над историей Екатеринбурга — Свердловска, может не сомневаться в том, что если он в своей деятельности будет опираться на партийную организацию университета, на широкий актив, на общественные организации города, — помощь ему будет обеспечена.

Инициаторы конференции поступили правильно, привлекая к участию в ней широкий актив города. Нужно этот актив привлечь теперь к самой работе над историей города. Надо привлечь районные советы депутатов трудящихся, их депутатов, среди которых есть талантливые организаторы, участники больших творческих дел в прошлом и настоящем. Надо призвать замечательных старожилов города, особенно старых рабочих — тех, кто, подобно П. П. Бажову, прожил в городе десятки лет, — тех, кто являются подлинными патриотами города, знают хорошо его прошлое и умеют ценить настоящее. Если почаще встречаться с этими патриотами, почаще собирать их, беседовать, советоваться с ними, мы сможем многое сделать быстрее, чем намечаем.

Опираясь на помощь городского и областного комитетов партии, городского совета депутатов трудящихся, широкой общественности города, мы выполним почетную и очень нужную для трудящихся нашего города и всей страны работу. Научная история Екатеринбурга — Свердловска будет создана. Разрешите выразить от имени конференции уверенность в успехе нашего общего дела.

ОТ РЕДАКЦИИ

Помимо докладов и сообщений, напечатанных в настоящем сборнике, Первая научная конференция по истории Екатеринбурга — Свердловска заслушала доклад председателя Свердловского горплана тов. К. И. Печеркина «Свердловск в послевоенной пятилетке». Доклад тов. Печеркина напечатан в сборнике «Благоустроим город Свердловск», вышедшем в июле текущего года.

РЕШЕНИЯ

ПЕРВОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНБУРГА—СВЕРДЛОВСКА

1. Создать при Уральском государственном университете им А. М. Горького постоянную комиссию для подготовки научных работ по истории Екатеринбурга—Свердловска.

2. Поручить постоянной комиссии:

а) подготовить и издать в мае—июле 1947 г. материалы Первой научной конференции;

б) подготовить к изданию в начале 1948 года краткий научно-популярный очерк по истории города, сборник выдающихся документов, а также другие работы по истории города;

в) создать постоянную редакционную комиссию по изданию трудов, подготовляемых постоянной комиссией по истории города при университете.

3. Поручить постоянной комиссии:

а) в ходе научной разработки истории города освещать в местной печати наиболее интересные материалы;

б) организовать систематическое чтение лекций в городе и в районах области по истории города в связи с его 225-летием.

4. Проводить ежегодно при университете в день переименования Екатеринбурга в Свердловск научные конференции по истории города.

5. Просить горком ВКП(б) поддержать ходатайство университета перед горсоветом депутатов трудящихся об ассигновании средств для подготовки изданий по истории города.

6. Просить горком и обком ВКП(б) об обеспечении полиграфической базой издания трудов, намеченных планом работ комиссии университета по истории города.

7. Просить обком ВКП(б) и облисполком о создании постоянной выставки по истории Екатеринбурга — Свердловска при областном краеведческом музее на основе документов постоянной комиссии при Уральском государственном университете.

СОСТАВ ПОСТОЯННОЙ КОМИССИИ,

созданной Первой научной конференцией по истории Екатеринбурга — Свердловска при Уральском государственном университете для издания трудов по истории города

1. **П. П. Бажов** — председатель Свердловского отделения Союза советских писателей, лауреат Сталинской премии.
2. **Г. И. Чуфаров** — профессор, доктор, ректор Уральского государственного университета.
3. **Г. П. Шумилов** — зам. зав. отделом пропаганды и агитации Свердловского обкома ВКП(б).
4. **Д. И. Чесноков** — секретарь по пропаганде и агитации Свердловского горкома ВКП(б).
5. **А. П. Панфилов** — зав. отделом пропаганды и агитации горкома ВКП(б).
6. **Е. Я. Багреев** — ответственный редактор газеты «Уральский рабочий».
7. **М. М. Степанович** — секретарь партийной организации университета.
8. **В. В. Данилевский** — профессор, доктор, лауреат Сталинской премии.
9. **М. А. Горловский** — доцент, зав. кафедрой истории СССР университета.
10. **А. Н. Пятницкий** — зав. кафедрой техники и производства печати университета.
11. **Я. С. Юферев** — доцент, директор Свердловского филиала ИМЭЛ.
12. **К. Т. Бабыкин** — профессор Уральского индустриального института им. С. М. Кирова.
13. **А. А. Анфиногенов** — краевед.
14. Представитель Свердловского городского совета депутатов трудящихся.
15. Представитель Свердловского отделения Союза советских архитекторов.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

по изданию трудов по истории Екатеринбурга — Свердловска, подготовляемых постоянной комиссией Уральского государственного университета

1. Е. Я. Багреев (ответственный редактор).
2. Г. И. Чуфаров (зам. редактора).
3. П. П. Бажов.
4. Г. П. Шумилов.
5. А. П. Панфилов.
6. М. М. Степанович.
7. М. А. Горловский.
8. А. Н. Пятницкий.
9. Я. С. Юферев

ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ ИЗДАНИЙ

по истории Екатеринбурга—Свердловска, подготовляемых постоянной комиссией Уральского государственного университета к 225-летию города

1. Материалы Первой научной конференции по истории Екатеринбурга — Свердловска.
2. Екатеринбург в XIX столетии (историческая монография).
3. Краткий научно-популярный очерк по истории Екатеринбурга — Свердловска.
4. Сборник статей по истории Екатеринбурга — Свердловска.
5. Сборник выдающихся документов по истории Екатеринбурга — Свердловска.

СОДЕРЖАНИЕ

Доклады:

Сообщения:

Издан. Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Сдано в набор 3/V-1947 г. Подписано к печати 2/VII-1947 г. Печатн. листов 13. Авт. лист. $17^1/_2$. Знак. в печатн. листе 54432. НС 12508. Тир. 1500 экз. Зак. № 2538

Тип. изд-ва «Ур. рабочий», Свердловск, ул. Ленина, № 47.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
10	7 снизу	городу.	городу,
14	20—19 снизу	деревню и 60 дворов	деревню из 60 дворов
23	13 сверху	тако-то	такой-то
37	1 снизу	*) Там же	²) Там же
42	8 снизу	автора	автора,
44	6 снизу	заводов.	заводов,
47	1 снизу	самоуправлени	самоуправление
»	10 снизу	деревянны	деревянные
»	15 снизу	постройки).	постройки.
59	15 снизу	в среди	в среде
67	16 снизу	семью²)	семью⁵)
80	27 сверху	началах"	началах"¹)
84	7 сверху	результатов¹)	результатов»¹)
87	11 сверху	средст.	средств.
95	3 сверху	районах"	районах
96	21 снизу	приводившую	приводящую
134	16 сверху	наш край	наш край,
136	5 снизу	наметать	наметить
147	10 снизу	был открыт	было открыто
154	26 снизу	Цезарь,	Цезарь
162	1 снизу	чина	чина»
171	20 снизу	выделяющегося	выделяющееся
175	6 снизу	предложение	предположение
176	10 сверху	„театральные" периоды"	„театральные периоды"
»	1 снизу	(„Театры" старого Урала")	(„Театр старого Урала")
184	13 сверху	(по Э. Золя и)	(по Э. Золя) и
192	24 сверху	постов)	постов.

